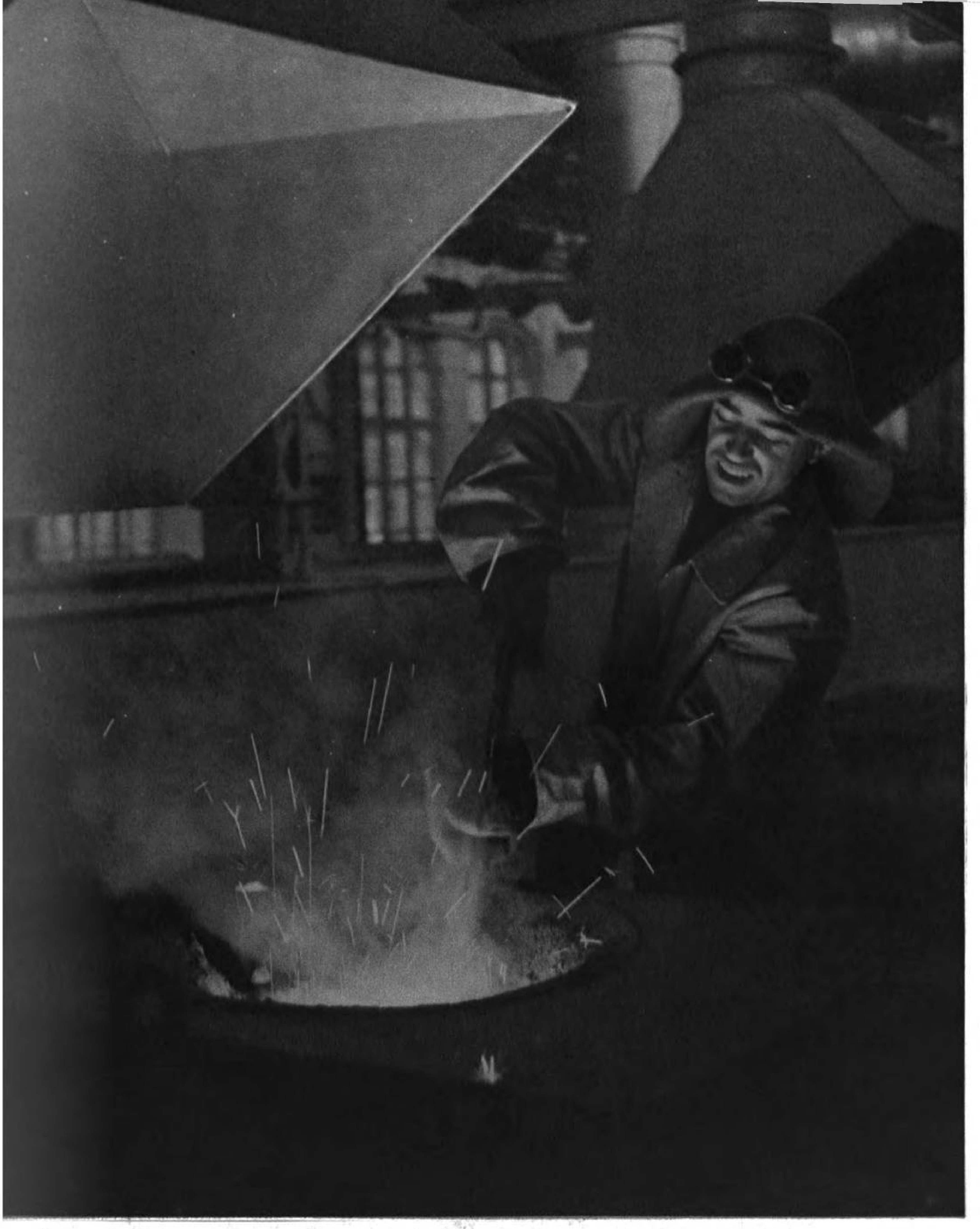

97
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Подольский механический завод имени Калинина. Сталеплавильщик Виктор Антонов за плавкой стали в цехе точного литья.

Фото Б. Кузьмина.

На первой странице обложки: К. П. Фролов. ПОРТРЕТ ЧЕМПИОНА ОБЛАСТИ ПО ЛЫЖАМ Ф. ИВАНОВОЙ. Город Иваново.
Выставка произведений художников РСФСР. 1955 год.

На последней странице обложки: Зимний день.
Фото И. Шагина.

ОГОНЁК № 2 (1491) 8 ЯНВАРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В первый день нового года московские школьники собрались на елку в Большом Кремлевском дворце.

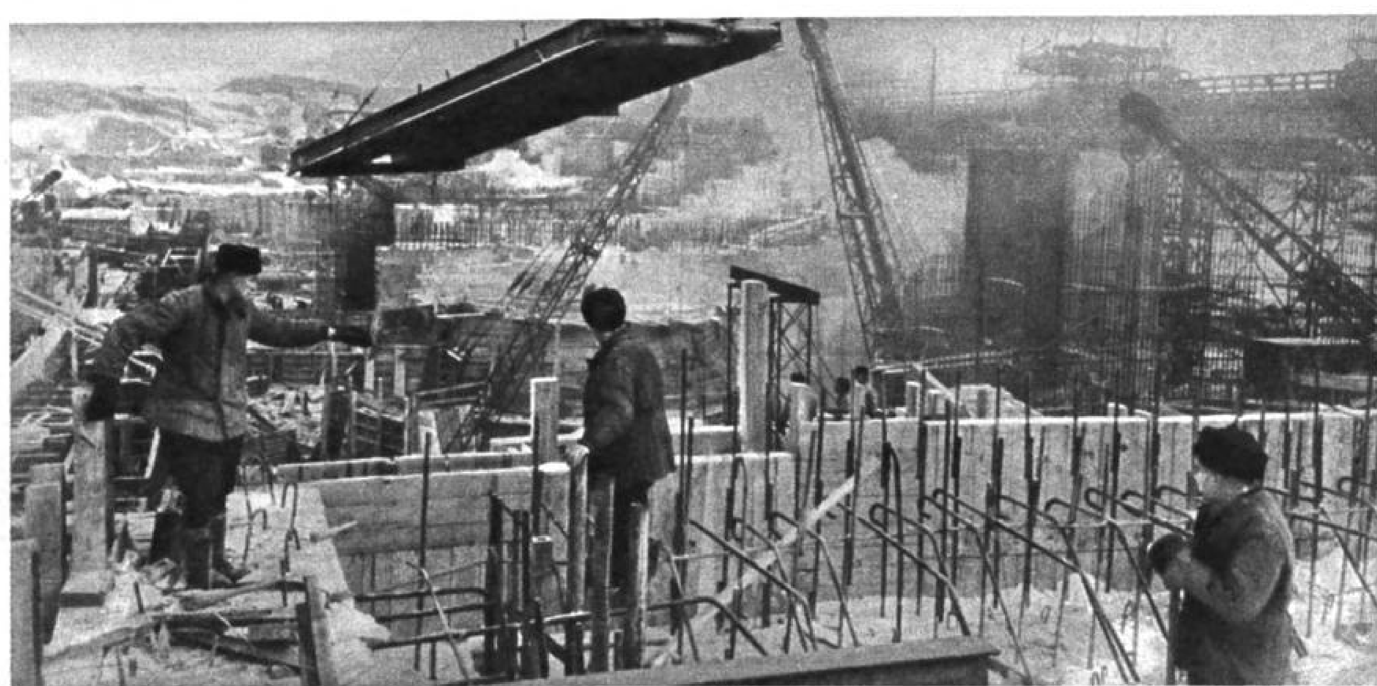
Фото С. Фридлянда.

Навстречу XX съезду КПСС

Итоги больших созидательных дел подводят советские люди в канун XX съезда КПСС. Деятельно готовятся они к претворению в жизнь дальнейших планов коммунистического строительства. С трибуны Верховного Совета СССР товарищем Н. С. Хрущевым были названы вдохновляющие цифры — яркое свидетельство исторических побед мощной социалистической индустрии. В 1955 году валовая продукция промышленности СССР превысила уровень 1913 года в 27 раз, а производство средств производства выросло в 60 раз, производство электроэнергии — в 86 раз, продукции машиностроения — больше чем в 160 раз.

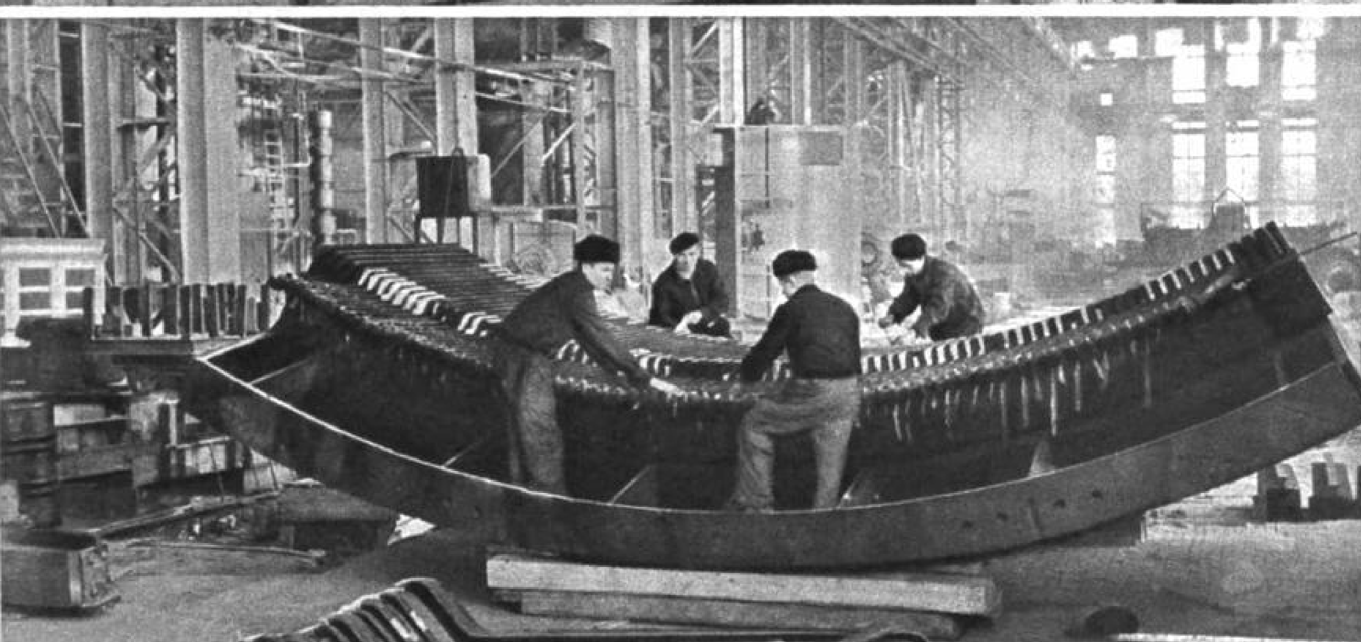
План пятой пятилетки по общему объему производства завершен за 4 года и 4 месяца. По предварительным данным, за один истекший год выпуск промышленной продукции возрос на 12 процентов. Вступили в строй многие предприятия тяжелой индустрии, составляющей прочную основу нашего народного хозяйства. Введены в эксплуатацию Горьковская, Каховская, Нарвская, Княжегубская и другие гидроэлектростанции, первый промышленный ток дала Куйбышевская ГЭС.

Советские люди готовят достойную встречу XX съезду КПСС. Каждый день жизни и труда нашего народа ознаменовывается новыми проявлениями творческой инициативы и активности. Социалистическое соревнование в честь предстоящего съезда вовлекло миллионы тружеников. Результаты их производственного подъема сказываются в ускоренных темпах строительства, в потоках сверхплановой продукции, в досрочном выполнении планов.

← В один из самых оживленных участков нового строительства превратилась могучая река Ангара. В нынешнем году должны быть пущены две турбины Иркутской ГЭС. Гидростроители устанавливают мосты для укладки бетона в стенку камеры первого пускового агрегата ГЭС.

Фото М. Минаева (ТАСС).

На Иркутской ГЭС будет установлен гидрогенератор мощностью 82,5 тысячи киловатт. Такие генераторы строят на Новосибирском турбогенераторном заводе. Завод этот — детище пятой пятилетки. В его цехах производится оборудование для электростанций, возводимых на востоке страны. Уже выпущены два турбогенератора по 30 тысяч киловатт с водородным охлаждением. На секции статора генератора, предназначенного для Иркутской ГЭС, работает лучшая бригада обмотчиков.

Фото В. Лещинского (ТАСС). ←

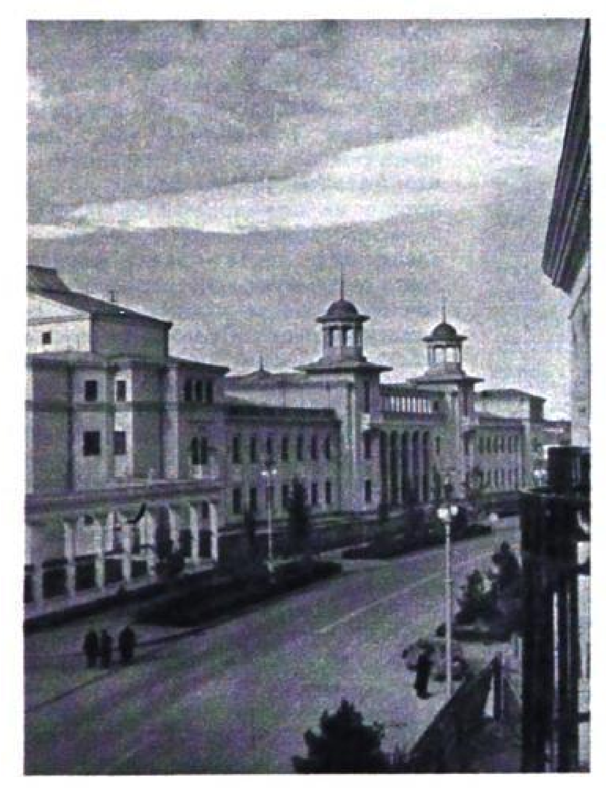
Все дальше отступает тайга, которая недавно еще господствовала в Сегежском районе Карело-Финской ССР. Изменился облик поселка Надвоицы: на прямых его улицах появились трехэтажные жилые дома, школа и детский сад.

Фото П. Беззубенко. ↓

Торжественно было отмечено открытие металлического моста протяженностью в 500 метров через устье Днестровского лимана. Строители выполнили свое предсъездовское обязательство: сдали мост раньше срока. По новому мосту уже курсирует поезд Одесса — Измаил.

Фото А. Фатеева (ТАСС). →

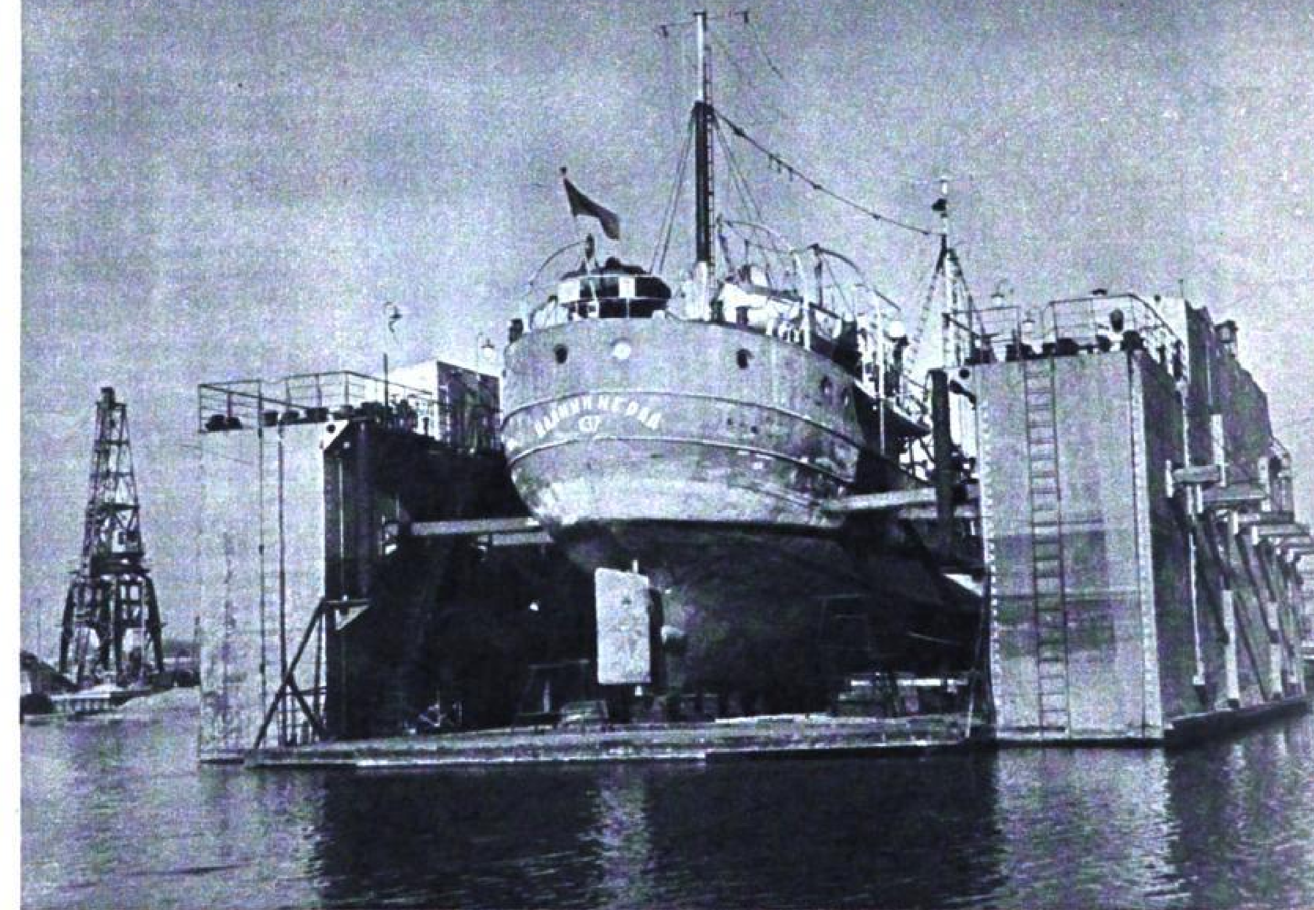
Непрерывным потоком течет сталь с Закавказского металлургического завода. Для металлургов Грузии строятся новые дома и культурные учреждения. В Рустави закончено сооружение Дворца металлургов.

Фото В. Джейранова.

→

Мощными сейнерами и рефрижераторами располагает рыболовецкий флот Азово-Черноморского бассейна. На Херсонском судоремонтном заводе имени Куйбышева флот этот проходит ремонт, для ускорения которого применяется докование. Очередной рефрижератор поступил в заводской док.

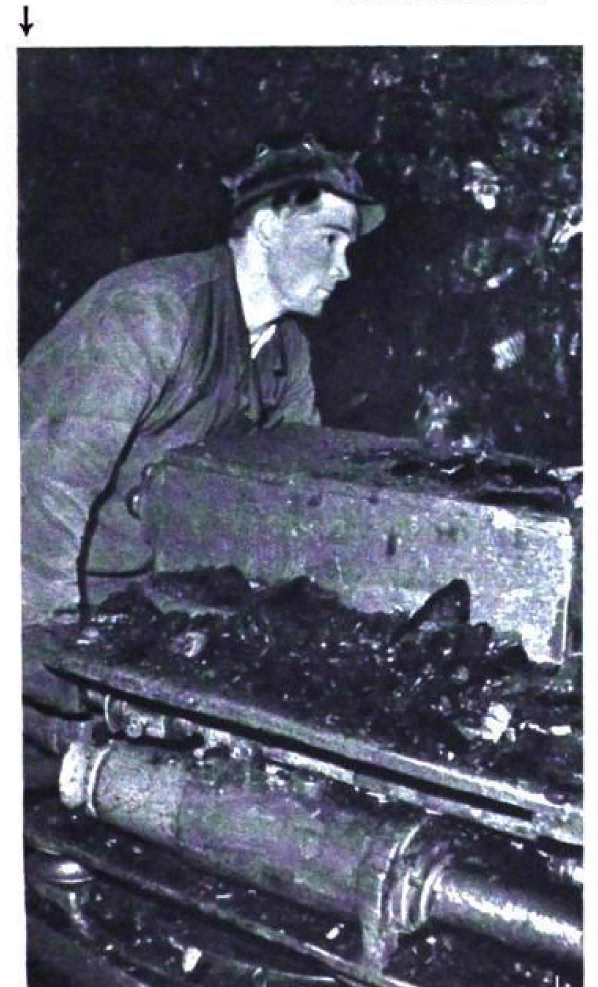
Фото Ю. Лихуты (ТАСС).

Самые совершенные машины применяются на промышленных предприятиях Якутской АССР. Уголь в Кангаласских копях добывается с помощью горного комбайна «Донбасс». Две нормы в день выполняет в честь XX съезда партии машинист П. А. Варламов.

Фото Я. Рюмкина.

↓

Миллионы тонн земли поднимают могучие советские экскаваторы на прокладке каналов, на строительстве электростанций, повсюду, где воздвигаются новые заводы, фабрики, жилые дома. Велика нужда и в небольших экскаваторах, которые находят применение в сельском хозяйстве, на стройках малых масштабов. Именно такую гидравлическую машину для выемки и отвала грунта с емкостью ковша в 0,15 кубометра выпускает киевский завод «Красный экскаватор». Основой для этой машины послужил трактор «Беларусь».

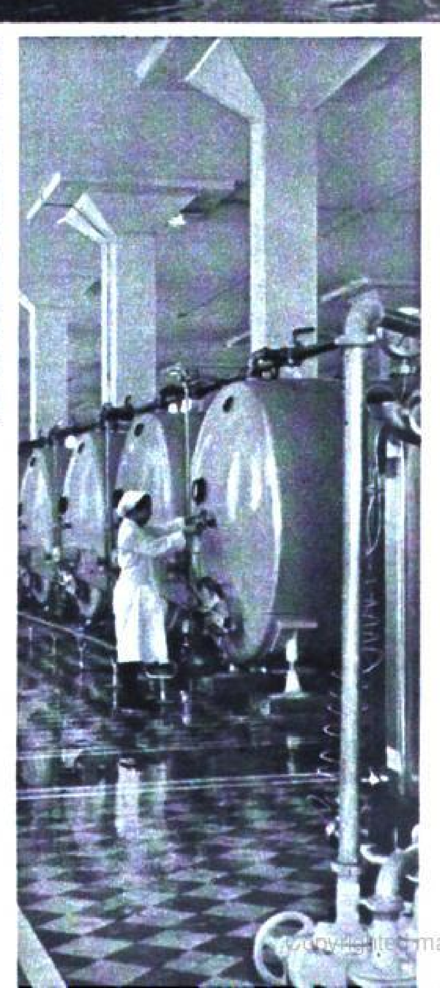
Фото Н. Козловского.

→

Вступила в строй первая очередь Московского молочного комбината. Весь процесс обработки молока полностью автоматизирован. С помощью насосов молоко, доставленное автоцистернами, по трубам из нержавеющей стали направляется в аппаратный цех. Здесь молоко очищают, пастеризуют и охлаждают. Затем молоко попадает в огромные эмалированные танки емкостью в 10 тысяч литров каждый и отсюда — в разливочный цех.

Вторая очередь комбината предназначена для изготовления диетических продуктов — кефира, ацидофилина, простокваши.

Фото М. Савина.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

О стружке

Алексей Михайлович Белявский и лаборантка Тамара Баварская в заводской лаборатории.

Немало сравнений и метафор затрачено поэтами на красивые описания плавок в литейных цехах, когда искры металла уподобляются каскаду огненных звезд или мохнатым бабочкам. Однако, кажется, никто из поэтов не рискнул еще вставить в стихотворную строку простое слово литейщиков — сплески. Между тем сплески — это и есть «звезды» и «бабочки», застывшие, превратившиеся в маленькие острые кусочки металла, порой величиной с горошину. Сколько таких горошин втаптывается в землю, смешивается со шлаком!

А стружка?

В стихах стружка кудрявится, беспечно льется ручьем из-под резца. Ей подбирают звучные эпитеты: «серебристая», «волнистая»...

Но если обратиться к деловой прозе, например, к бюллетеню Центрального бюро технической информации при министерстве, то там можно прочесть, что общий отход черного металла в стружку по стране превышает 3 миллиона тонн в год, что стружка транспортируется, как правило, по территории заводов и населенных пунктов на автомашинах, а по территории страны — на железнодорожных платформах, с крайне незначительным использованием их грузоподъемности, что потери стружки при перевозках достигают 20—30 процентов.

Здесь уже лирики мало.

Платформы с насыпанными на них грудами слежавшейся стружки тянутся по железнодорожным путям, направляясь к домнам Нижнего Тагила или Магнитки, Тулы или Запорожья. Зря загружается транспорт, пропадает кокс, сокращается полезный объем домен, которые можно было бы вместо стружки загрузить рудой и флюсами. А ржавые холмики чугунной крошки, мокнущие под дождем? В общем, происходит расточительство народного добра, что противоречит самой сути социалистического производства.

...Город Рыбинск до Октября был известен как один из крупнейших на Волге пунктов торговли хлебом, как царство купцов, выжимавших соки из бесправной бурлацкой голытьбы. В ту пору Рыбинск почти не потреблял металла, разве только на отливку колоколов и ямщицких бубенчиков.

Теперь Щербаков — город машиностроителей. Заводы — и над Волгой, и на бывшем Хомутовском болоте, и за притоком Волги — рекой Черемхой. Щербаковцы дают стране сложные полиграфические агрегаты, дорожные катки, электромоторы; они оборудуют речные суда, лесопильные заводы... Заводские корпуса наполнены гулом механизмов, режущих, долбящих, фрезерующих, сверлящих сталь и чугун. Посидите на производственном совещании, и вы услышите о том, что припуски на отливках завышены, что незачем точить болты, когда проще их штамповать. Загляните вечером в библиотеку, в читальню заводского клуба — здесь нарасхват литература о современном точном литье, о скоростном и силовом резании. Пареньки с юношеским пушком на щеках, вчерашние ученики ФЗО, обстоятельно обсуждают «Путь к счастью» Павла Быкова. Металлисты!

На щербаковских заводах, как и на сотнях других металлообрабатывающих предприятий страны, по привычке считали стружку «производственным мусором», стремились поскорее избавиться от нее, сдавая на базы Вторчермета по цене 65 рублей за тонну. А за тонну лома платили 320 рублей.

Но зачем отправлять стружку в переплавку на металлургические гиганты? А нельзя ли снова пустить ее в дело у себя в литейном цехе?

Такая простая мысль пришла в голову Дмитрию Ефимовичу Кабанову, пожилому производственнику, токарю завода полиграфических машин, ныне работающему в заводском бюро рабочего изобретательства.

Нова ли была эта мысль? Нет, не нова.

Еще в годы войны советский инженер товарищ Васильев занимался опытами по электроподогреву и окускованию стружки. Интересная идея не осуществилась, потому что метод Васильева требовал большого расхода электроэнергии. Умеют утилизировать стружку англичане и американцы... Все это Кабанов знал. Но от этого было не легче: тысячи тонн металла продолжали лететь на воздух. Надо срочно что-то предпринимать. Самое верное дело — внедрять новую технологию, которая свела бы к минимуму обдирку металла; но раз без стружки пока еще не обойтись, то необходимо использовать ее по-хозяйски. Он предлагал — и писал об этом и в свою заводскую газету и в Москву — найти дешевый и простой способ брикетирования стружки, чтобы полностью заменить брикетами чугунный и стальной лом в ваграночной шихте. Он высчитал, что стоимость установки может быть окуплена в течение трех месяцев, а экономия получится огромная.

...В парткоме завода можно ознакомиться с перепиской Кабанова с техническим управлением министерства, начатой в 1949 году. Читая суховатые, уклончивые ответы на письма рационализатора, невольно думаешь о том, сколь многолик и, так сказать, гибок современный бюрократизм. Нет, товарищи из технического управления нисколько не отрицали важности переработки и использования стружки на месте. Но это, мол, давно уже известно. Есть патент номер такой-то, есть упоминание в такой-то инструкции от такого-то числа.

Партийная организация завода

...Стружка спрессована в крепкий, плотный брикет, годный для литья. Дмитрий Ефимович Кабанов (слева) и конструктор Л. Д. Бройдо возле брикетировочного пресса. На заднем плане — инженер-электрик Д. Ф. Козлов.

поддержала Кабанова, и он не оставил своей идеи.

Дмитрий Ефимович сознавал, что одному «камешка в гору не поднять». Сын рабочего канатной фабрики, он получил в юности весьма скромное образование. Вот почему Кабанов пошел в заводскую лабораторию к инженеру Алексею Михайловичу Белявскому и рассказал обо всем.

— Тебе сколько лет, Дмитрий Ефимыч? — спросил Белявский, отложив стопку анализов и подняв очки на лоб.

— Да скоро седьмой десяток кончится.

— Удивляюсь тебе. Комсомольский энтузиазм!.. Где нам здесь, в Щербакове, решить такую задачу?

Белявский — знающий металловед, кропотливый исследователь. Но у него скептический склад ума, и, кроме того, он сам настрадался в жизни по вине разных чиновников.

— Ты начинай, Алексей Михайлович, а я пробью,— сказал Кабанов.

— Не пробьешь.

— Пробью!

Белявский улыбнулся, тронутый этой юношеской убежденностью человека, годившегося ему в деды.

— Мысль-то вообще богатая,— сказал он.— Если только добиться высокой плотности брикетов...

Так начались совместные поиски.

Для металловеда стружка — некое тело, у которого на единицу веса приходится огромная поверхность. С этим надо считаться. Попробуйте навалом загрузить стружку в плавильную печь — она запляшет, закружится, подхваченная воздушным потоком. Легко окисляясь, наполовину сгорит. Такая плавка даст много шлака, а металл получится неполноценный.

Есть, правда, способ избежать столь печального результата. Предложила его группа инженеров краснодарского завода «Октябрь». С помощью особого устройства краснодарцы вводят стружку сразу в зону плавления вагранки. Но этот способ не годится для всех видов литья.

Брикеты. Только брикеты. Сжимать, спрессовывать стружку в слитки высокой плотности.

Начало опытов обнадежило мало.

Первые брикеты, приготовленные вручную из стружки с примесью извести и цемента, разваливались от легкого удара. Толку от них не было. Металл, выплавленный из шихты с брикетами, отпугивал одним своим видом: он был покрыт сыпью газовых раковин... Брак, брак!

— Что, попробовали, побаловались да и бросили? — спросил Белявского и Кабанова директор завода Федосов, повстречав их както возле литейного цеха.

— Ничего не получается, Николай Васильевич,— вздохнул Белявский.

Кабанов же хмуро возразил:

— А на чем экспериментировать? Вы видели, в каких условиях проводятся опыты. Дайте хоть матричный пресс.

Директор с минуту помолчал. Эти беспокойные рационализаторы требуют одну из серийных машин, поставляемых заводом типографиям. В главке узнают — не похвалят... Потом отвечай... Но дело все же стоящее.

— Ладно, забирайте пресс.

Вертикально действующий матричный пресс был не совсем приспособлен для работы, но все же эта машина мощностью 400 тонн — сила! Опыты с брикетированием сразу резко продвинулись вперед.

От примесей решили отказаться. Теперь брикетировали только чистую, неокисленную чугунную стружку.

Белявский в лаборатории вычерчивал сложные кривые диаграмм. Какое дать давление при прессовании? Где границы удельной плотности брикетов? Ведь по-разному ведет себя под давлением стружка мелкая и крупная, жесткая и мягкая.

В технической библиотеке завода не без гордости показывают тоненькую брошюру А. Белявского, изданную в серии «Обмен опытом в машиностроении». Как железные крупицы в брикете, так в этой двадцатипятистраничной книжице спрессованы данные многократных анализов, проб, наблюдений. Решая практическую задачу, выдвинутую жизнью, заводской исследователь сформулировал научные выводы. И кто знает, сколько раз пальцы инженера осторожно брали хрупкие куски, чтобы взвесить их на контрольных весах, испытать на разрыв, сколько раз карандаш Белявского перечеркивал столбики цифр и формул, набрасывал новые!

Все в лаборатории помнят счастливый день, когда брикеты наконец отвердели. Их швыряли с высоты на каменный пол, их стукали друг о друга, а они оставались целенькими.

— Не бьются!

Плотность спрессованной стружки была доведена до семидесяти пяти процентов от плотности цельного металла.

Даже литейщики заговорили поиному:

— Где же ваши брикеты? Давайте еще...

На отливках исчезли раковины.

Литейщики специально клеймили отливки, полученные из «брикетного» чугуна, а потом придирчиво спрашивали в механических цехах:

— Как металл?

— А мы никакой разницы и не заметили,— отвечали токари и фрезеровщики. И добавляли: — Неужто из стружки отлили? Здорово!

Надо было идти дальше, создавать специальный брикетировочный пресс отечественной конструкции. И такой, чтобы был лучше американских.

И вот тут кое-кто из руководства завода стал сомневаться. Зачем? Можно брикетировать и матричным прессом. Работает — и ладно! Мала производительность, всего двести пятьдесят килограммов за смену? А нам и этого хватит. Пусть другие заводы сами о себе позаботятся. И вообще нам, полиграфистам, незачем заниматься машинами, не имеющими прямого отношения к полиграфии.

Но этой узкой, местнической точке зрения была противопоставлена другая, партийная. Раз начали,— довести дело до конца! И не только для себя, а для всей промышленности.

Министерство утвердило задание на конструирование «БА» (брикетировочного автомата). Белявский быстро подготовил все технические данные для конструкторов. Когда два первых образца «БА» были созданы, их установили на щербаковских заводах. Автоматы полностью себя оправдали, однако часто разлаживались и требовали ремонта, побуждая конструкторов к дальнейшим поискам.

И вот вместе с Дмитрием Ефимовичем Кабановым и Алексеем Михайловичем Белявским мы идем в сборочный корпус, где сегодня должны быть закончены испытания усовершенствованного брикетировочного автомата. Он называется уже не «БА», а «БАЗ» (буква «З» означает, что в механизме теперь золотниковая распределительная система вместо менее надежной — клапанной), и его производительность возросла в полтора раза.

В дальнем пролете цеха рядом с ротационным агрегатом величиной с пятиэтажный дом стоит небольшая машина свинцово-серого цвета. Это и есть «БАЗ». Он может развить давление в четыре с половиной тонны на один квадратный сантиметр. И ему не нужна вспомогательная компрессорная установка, как американским прессам фирмы «Мильвоки».

На помосте возле пресса хлопочет невысокого роста человек, похожий на доктора в своем белом халате,—конструктор пресса Л. Д. Бройдо. Ему помогают слесари в спецовках и озабоченный инженер-электрик Д. Ф. Козлов.

— Ну как, Лазарь Давыдыч?

— С утра работал хорошо. Да вот маленькая утечка масла обнаружилась... Зажали? — поворачивается конструктор к слесарям.— Соединения проверили? Теперь штокá ослабить...

Под потолком медленно проплывает кран. Блуждающие пятна света и тени скользят по лицам рабочих, обступивших машину.

— Вы думаете, только наш завод ждет? — слышу я голос Кабанова.— Десятки писем приходят в заводоуправление... Из Таллина, из Кокчетава, из Москвы... Знаете, о чем мы с Алексеем Михайловичем мечтаем? Вот будет в Москве промышленная выставка, наподобие сельскохозяйственной, и привезем мы туда наш пресс. Стружки, я думаю, на московских заводах еще хватит... Пусть народ смотрит, учится, снимает копии с чертежей. Ведь если повсюду внедрить такие прессы, сколько прибудет еще металла!

Слесари обтирают «концами» руки. Подсвечивая маленькой переносной лампочкой, последний раз проверил контакты электрик. Механизм регулирующего устройства закрывают защитными кожухами.

Конструктор нажимает кнопку «Включение хода вперед».

Сначала слышится басовое урчание вибрирующих трубопроводов маслосистемы. Низкий звук постепенно переходит в жужжание и вдруг обрывается коротким лязгом.

И в ту же секунду, скатившись по желобу, выскакивает наружу брикет.

Добротный, крепкий, весомый слиток. Кажется, что он сидел, притаившись, внутри машины и только ждал минуты, когда его выпустят. Но вот за первым кругляшом выскакивает второй, пятый, десятый, пятнадцатый...

Автомат ровно жужжит, поглощая стружку, а возле него все растет и растет горка брикетов — пища заводским вагранкам, дополнительные тонны металла.

Комсомольцы завода проводят рейд «За экономию металла». Пришли они посоветоваться и к расточнику В. А. Зеленцову. На снимке (слева направо): Валентин Егоров, Валентин Евстратов, Юрий Вейс, В. А. Зеленцов и Анна Чистякова.

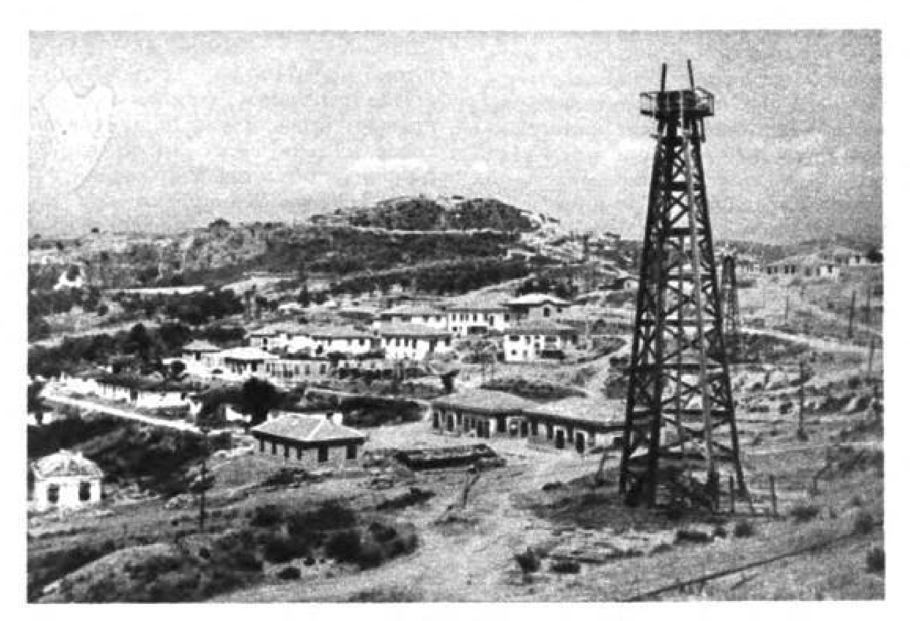
Фото М. Савина.

В СТРАНЕ ОРЛОВ

11 января — 10-летие провозглашения Албании народной республикой.

Александр ЧАКОВСКИЙ

Новый город нефтяников Патос.
Фото Албанского телеграфного агентства.

...Шел тринадцатый день нашего пребывания в Албании. Назавтра предстоял отъезд в Москву. Около четырех часов дня мне передали, что нашу советскую делегацию деятелей культуры приглашает к себе товарищ Энвер Ходжа.

Во время двухнедельного пребывания в Албании мы уже не раз встречались с товарищем Энвером. Стояли рядом на многотысячном митинге, который собрался на одной из главных тиранских площадей вскоре после прибытия нашего самолета в столицу Албании. Затем виделись в театре, на концерте, который давали советские артисты.

Но все это были короткие, мимолетные встречи. А теперь нам предстояла более или менее продолжительная беседа с руководителем Албанской партии труда.

Мы знали, что товарищ Энвер был болен, сильно простужен и уже несколько дней не приезжал на работу в Центральный Комитет партии. Он пригласил нас, делегацию ВОКСа, к себе домой.

Машины остановились около небольшого дома, двухэтажного, если память мне не изменяет. Вместе с нами к дому подъехала Лири Белишова, секретарь ЦК по вопросам пропаганды, молодая женщина, активная участница партизанской борьбы сороковых годов,— в то время ей было не больше четырнадцати лет.

Мы вошли в маленькую, очень маленькую прихожую и едва успели раздеться, как одна из внутренних дверей раскрылась. На пороге стоял Энвер Ходжа.

В странах Востока есть такой обычай, я наблюдал его в Китае и Корее: когда здороваются с дорогим и уважаемым другом, то делают это обеими руками. Албания далеко от Китая, но этот приветливый обычай был и здесь: каждый раз, когда члены нашей делегации здоровались с товарищем Энвером,— четыре руки сплетались в крепком, дружеском пожатии.

Домашний кабинет Энвера Ходжи был узкой и длинной комнатой, разделенной надвое стеклянной перегородкой. Там в дальней половине комнаты стояли маленький письменный стол и другой стол, круглый, тоже небольшой, и несколько кресел.

Нет необходимости описывать Энвера Ходжу, этого красивого, сорокасемилетнего человека. Советские люди не раз видели его на портретах, киноэкранах и во время приездов в Москву.

Мне хочется лишь сказать несколько слов о том, что можно увидеть и почувствовать только вблизи, в личной беседе. Речь идет о какой-то большой человеческой мягкости, активной доброжелательности к людям, о располагающе-уважительной манере спрашивать и слушать, о блеске больших черных глаз — обо всем том, что принято называть человеческим обаянием.

И это обаяние особенно впечатляет тогда, когда знаешь, что человек, который им обладает, прошел тяжелый жизненный путь, полный борьбы и опасностей, был революционером - подпольщиком, партизанским командиром, а ныне возглавляет героическую Албанскую партию труда, ведущую свой народ к социализму.

— Друзья мои,— сказал товарищ Энвер, когда мы расселись,— вы две недели пробыли в нашей стране. Расскажите, что вам понравилось и что не понравилось. Главное — последнее... Забудьте, прошу вас, что вы гости... Расскажите все прямо, резко, как это принято у советских людей.

Несколько секунд длилось молчание. Мы размышляли. Нам было трудно ответить на настойчивую просьбу Энвера Ходжи — говорить главным образом о недостатках.

Нет, нас смущало не то обстоятельство, что мы все-таки были гостями, причем гостями замечательных, радушных, приветливых хозяев. Нет, дело было в другом.

Человеческое сердце — не склад, на стеллажи которого можно «грузить» самые различные ощущения, чтобы потом в любом порядке «выдавать» их.

У сердца свои законы...

...Мы пробыли в Албании две недели. И с первого же дня, тотчас же после того, как смолкли голоса многотысячного митинга, которым открылся месячник албано-советской дружбы, после того, как отгремели овации в честь Советского Союза и его народов, на нас хлынул бурный, непрерывный поток впечатлений.

Зрительно его можно было бы сравнить с дорогами Албании, горными, головокружительными, полными неожиданных красот.

Они будто повторяют путь орлов, по имени которых и названа Албания, если произносить это слово на албанском языке: то взмывают куда-то ввысь, точно своеобразный трамплин для прыжка в новые высотные дали, то стремительно бегут вниз, в ущелья, к бурным рекам и тихим озерам...

И когда стоишь внизу, на берегу реки или озера, и смотришь вверх, то думаешь о том, сколько еще надо затратить усилий, чтобы достичь тех сияющих вершин; а глядя вниз, с вершины, восхищаешься раскинувшейся перед тобой землей, красивой, населенной смелым и гордым народом, обогащенной героическими усилиями этого народа.

Где только не побывали мы за эти короткие две недели! Мы были на востоке, юге и севере страны. Мы мчались в Дуррес, портовый албанский город, и теплые воды Адриатики плескались у наших ног. Мы были в Шкодере, мы видели орлов, перелетавших с албанских горных вершин на соседние, греческие горы... Мы побывали на албанских нефтяных промыслах, угольных шахтах, на текстильной и табачной фабриках, на сахарном комбинате, в сельскохозяйственных кооперативах, где встретили такой прием, что самые «хладнокровные» из нашей делегации были вынуждены внезапно закрывать платками свои повлажневшие «от ветра» глаза... Мы присутствовали на спектаклях и концертах в албанских театрах; побывали в музеях, где запечатлен героический путь албанского народа — от колониального рабства, через самоотверженную борьбу, к свободе и независимости; побывали в институтах, техникумах, школах...

Мы беседовали с албанскими рабочими и крестьянами, с учеными, врачами, писателями, учителями, актерами, просто с людьми на серпантинных албанских дорогах, с горцами, одетыми в живописные национальные костюмы,— более сотни различных по виду национальных костюмов носят албанцы, населяющие районы страны...

Мы видели народ, охваченный жаждой творческого созидания. И мы были свидетелями проявления таких чувств любви и дружеского уважения к нашей Советской стране, что любые слова описаний бледнеют перед этими чувствами.

Маленький, но многозначительный эпизод.

Мы привезли с собой много советских значков-сувениров, чтобы подарить их албанским друзьям. Один из таких значков — в честь нашей Сельскохозяйственной выставки — я вручил какому-то парню на одной из дорог. Вдруг слышу откуда-то сверху далекий голос: горы хорошо резонируют звуки. Голос что-то спрашивает, мой парень отвечает. Переводчик сообщает: вон тот, сверху, спрашивает, что это я подарил парню. Парень говорит: советский значок.

И тогда тот, что стоял на вершине,— как оказалось потом, немолодой уже крестьянин,— мчится сломя, как говорится, голову к нам. Прыгает с камня на камень, через ручьи, через расщелины, кричит: «Подождите, не уезжайте!..» И вот он рядом с нами. Вручаем ему советский значок. Он обнимает и целует каждого из нас и исчезает в горах...

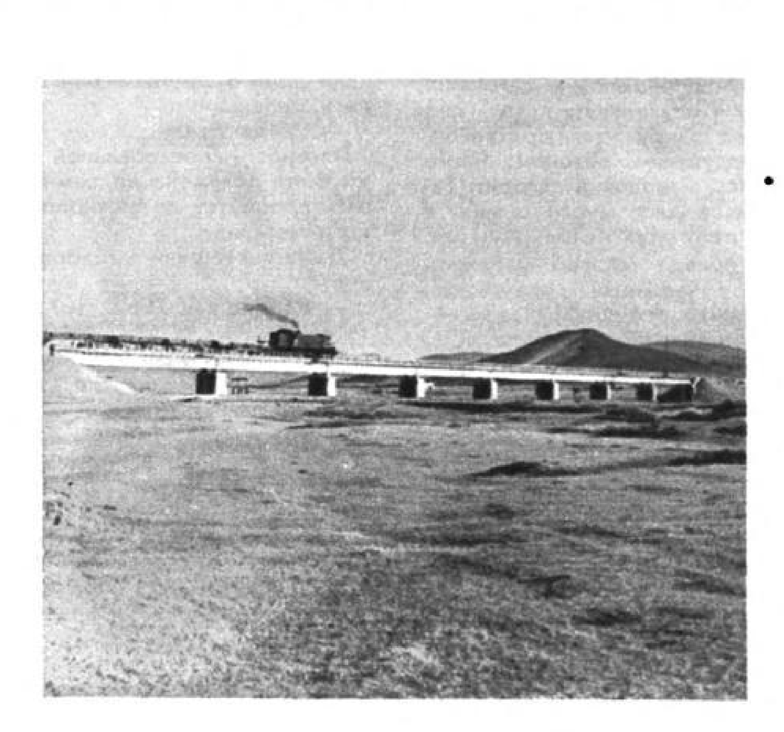
Две недели, проведенные нами в Албании,— это две недели ярких, незабываемых впечатлений...

Нет, мы не можем удовлетворить просьбу товарища Энвера. Мы не можем начать разговор с «недостатков», хотя, конечно, нет на земле такого нового, трудного, общенародного дела, в котором не было бы своих недостатков, своих трудностей роста.

И мы рассказываем Энверу Ходже свои впечатления, рассказываем так и в таком порядке, как велят нам наши сердца.

Замечательный, славный путь прошел народ Албании в минувшее десятилетие. Этот путь освещен светом албано-советской дружбы. Он еще далек от завершения, этот трудный и благородный путь. Но албанский народ, руководимый своей испытанной партией труда, идет по нему упорно и смело.

Доброго пути, дорогие албанские друзья!

Железнодорожный мост на реке Тола.

Дорога дружбы

Новый год ознаменован открытием прямого железнодорожного сообщения Москва—Улан-Батор—Пекин. Новая магистраль сократила путь от Пекина до Москвы на 1 141 километр. Строительство новой дороги привело к созданию десятков новых населенных пунктов на территории Монголии. Вдоль трассы дороги строятся новые промышленные предприятия, школы, больницы, клубы.

Еще пять лет назад надо было потратить больше месяца, чтобы добраться от Улан-Удэ до границы с Китаем. Мне привелось однажды побывать в этих краях, тогда мы потратили на дорогу почти 8 дней. Наша машина поднималась в гору, опускалась в ущелье, с трудом преодолевала болота, мчалась по пыльной степной дороге и, наконец, останавливалась в блуждающих песках, из которых мы могли выбраться только на вторые сутки. Проехав сотни километров, мы не встретили ни одного населенного пункта.

И вот я снова в Монголии. Только что прошли первые поезда по новой дороге, ведущей к новому поселку Дзамын-Удэ. Замечательные перемены произошли вокруг. Там, где стояло два десятка юрт, теперь вырос город Чойрэн.

Открытие новой дороги — важное и радостное событие в жизни народов СССР, Монголии и Китая.

Н. КУЗМИН

ПАРЛАМЕНТСКИЕ *выборы во Франции*

Рабочие завода Рено слушают по радио выступление представителя компартии.

Плакат с призывом голосовать за коммунистическую партию. Лозунги гласят: «За объединение всех прогрессивных сил!», «Мы хотим прогресса в социальной области!», «Мы хотим, чтобы перестала литься кровь в Северной Африке!», «Мы хотим мира!», «Совместно разгромим реакцию!».

Парламентские выборы во Франции принесли крупную победу демократическим силам. Коммунистическая партия Франции, подлинный защитник кровных интересов народа, резко увеличила количество депутатских мест по сравнению с выборами 1951 года. Она займет в новом Национальном собрании первое место по числу депутатов. Потерпели крах попытки реакции лишить коммунистическую партию мест в Национальном собрании с помощью выборных комбинаций. На оголтелую клеветническую кампанию против коммунистов трудовой люд Франции ответил по-своему: пять с половиной миллионов избирателей выразили доверие коммунистической партии, решительно поддержали ее программу. Народ Франции показал этой поддержкой, что он за политику мира и сотрудничества между народами, за поднятие уровня жизни трудящихся, за независимость родины, за демократию.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Франции товарищ Морис Торез выступает на предвыборном митинге в Шуази.

«О ком ваши молитвы?»

СПРАШИВАЕТ БЫВШИЙ КОНЮХ ГРАФА ПОТОЦКОГО ТОВАРИЩ ЮЗЕФ ЗАРЕМБА

Дорога, ведущая к палацу (дворцу) графов Потоцких, что находится в поместье «Яблонная», у самого сельского костела сворачивает влево и, пробежав среди шпалер высоких липовых деревьев, выходит на просторную площадку. Уже начало января, но погода не установилась, и на ветвях, покрытых мокрым снегом, угрюмо сидят сизосерые вороны.

Зима не прервала работ в госхозе «Яблонная». В конторе старый бухгалтер склонился над длинными колонками цифр: начало года, подготовка к полевым работам! На дворе зима, а тут уже говорят о весне.

Разговор, как водится, начинается с только что прошедших праздников — рождества и нового года. К сторожу Игнацию Пецыку приехали из Варшавы двое его сыновей — Францишек и Станислав. Оба явились с женами и привезли отцу богатые подарки. Известно ведь, что на встречу нового года к родителям в деревню обычно съезжаются все дети, которые теперь работают и учатся в разных концах страны.

Заходит разговор о новогодних пожеланиях. Управляющий госхозом Ян Рыбак окидывает взглядом своих сотрудников и, усмехнувшись, громко говорит:

— Разные пожелания мы слышали от добрых соседей — хорошие, искренние... Одного мы только никак не ждали: пожеланий из-за океана! Недавно читали мы о том, что президент Эйзенхауэр усердно молится о возвращении в нашу страну помещиков и графов... Здесь, в Яблонной, мы могли бы кое-что сказать по этому поводу! Мы ведь хорошо их знаем, тех, кого заморские радетели хотят вернуть сюда и снова посадить нам на шею! У нас в Яблонной тоже есть верующие, они тоже возносят молитвы, но они не лезут в чужие дела! Они молятся только о себе самих и о счастливом будущем для своих детей...

Мы с вами все читали выступление Никиты Сергеевича Хрущева на сессии Верховного Совета СССР и от души благодарили его: очень он хорошо объяснил, чего хотят эти рождественские поздравители. Ну, конечно, Радзивиллы и Потоцкие рады были бы вернуться и опять согнуть нас в дугу!

Бывший конюх графа Маврикия Потоцкого Юзеф Заремба говорит сурово:

— Нет уж, пусть пан Потоцкий лучше не возвращается сюда! А то мы ему такую встречу устроим, что ног не унесет!

Уцелевшие в буре войны бывшие батраки еще хорошо помнят то время, когда здесь, в Яблонной, зверствовали графские управляющие, экономы и стражники. Об этом немало может рассказать тогдашний лакей графа Игнаций Пецык: тридцать пять лет гнул он свою спину «буфетным мальчиком» и лакеем у Потоцких. Старый Игнаций хорошо помнит пышные приемы, которые устраивали Потоцкие в честь гитлеровского «рейхсмаршала» Геринга. Этот отъявленный военный преступник был в большой дружбе с «ясновельможным» графом Маврикием Потоцким. Гитлеровец не раз приезжал сюда по любезному приглашению графа, окруженный сворой гестаповской челяди. И этот же «почетный гость» графа — уже в новой роли — явился сюда зимой 1939 года. Когда его личный самолет приземлился на поле около Яблонной, еще не остыли пепелища героически оборонявшейся в сентябре Варшавы.

Игнаций Пецык помнит бессмысленно роскошные пиры и забавы графских гостей, на которых с ужасом смотрели согнанные из сел и имений люди. Было и такое, что в разгар лета граф возил своих любовниц на санях по дорожкам, специально усыпанным солью! А в это время у детей Зарембы частенько не было ни картошки, ни щепотки соли к ней.

— За кого же молится пан Эйзенхауэр? — спрашивает Юзеф Заремба и обводит глазами присутствующих.

Теперь на бывших графских полях раскинулись обширные владения государственного хозяйства «Яблонная». Дворец, в котором раньше пировали Потоцкие, принадлежит сегодня народу. В скором времени тут возникнут опытные станции и лаборатории Института физиологии растений. На опытных участках агрономы и агротехники начнут испытывать различные виды искусственных удобрений.

Да, сегодня хозяином на землях «ясновельможного» графа Потоцкого стали простые польские люди Ян Рыбак, Игнаций Пецык, Юзеф Заремба. Коллективу госхоза «Яблонная» за два года удалось почти вдвое поднять урожайность. Этого добились бывшие конюхи, батраки и графская прислуга.

Юзеф Заремба стал заведующим конным двором, а бывшая батрачка Домбровская — передовой дояркой во всей округе. Сегодня каждый из них чувствует себя человеком, хозяином не только Яблонной, но и всей новой, народной Польши.

— Вот так и распорядились мы графским добром! — заключает Юзеф Заремба.— Так оно останется впредь и навсегда! И пусть никто не лезет к нам со своими посланиями, пусть не мешаются в наши дела!.. Не советуем!

Ежи ЯНИЦКИЙ и Андрей МУЛЯРЧИК

Яблонная, 4 января 1956 года.
По телефону.

Эдуард АСАДОВ

Взяв, на ладонь положил без усилия
Туго спеленутый теплый пакет.
Отчество есть у него и фамилия,
Только вот имени все еще нет...

Имя найдем. Тут не в этом вопрос.
Главное то, что мальчишка родился!
Угол пакета слегка приоткрылся —
Видно лишь соску да пуговку-нос...

В сад заползают вечерние тени...
Спит и не знает недельный малец,
Что у кроватки сидят в восхищеньи
Гордо застывшие мать и отец.

Раньше смеялся я, встретив родителей,
Слишком пристрастных к младенцам своим.
Я говорил им:— Вы просто вредители,
Главное — выдержка, строгость, режим!

Так поучал я. Но вот наконец
В комнате нашей заплакал малец.
Где наша выдержка! Разве ж мы строги!
Вместо покоя сплошные тревоги:

То наша люстра нам кажется яркой,
То сыну холодно, то сыну жарко,
То он покашлял, а то он вздохнул,
То он поморщился, то он чихнул...

Впрочем, я краски сгустил преднамеренно.
Страхи исчезнут, мы в этом уверены.
Пусть холостяк надо мной посмеется,
Станет родителем — смех оборвется.

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами...
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами.

Вырастет он и узнает, как я
Жил, чтоб дороги те стали прямее.
Я защищал их, и вражья броня
Гнулась, как жесть, перед правдой моею!

Шел я недаром дорогой побед:
Мирное утро горит над страною!
Но за победу, за солнечный свет
Я заплатил дорогою ценою.

В гуле боев десять весен назад
Шел я и видел деревни и реки,
Видел друзей. Но ударил снаряд,
И темнота обступила навеки...

Доктор, да сделайте ж вы что-нибудь!
Слышите, доктор! Я крепок, я молод!
Доктор бессилен. Слова его — холод:
— Рад бы, товарищ, да глаз не вернуть...

Доктор, оставьте прогнозы и книжки!
Жаль, вас сегодня поблизости нет.
Ведь через десять полýночных лет,
Из-под ресниц засияв у сынишки,
Снова глаза мои смотрят на свет!

Раньше в них было кипение боя,
В них отражались пожаров огни.
Ныне глаза эти видят иное,
Стали спокойней и мягче они,
Чистой ребячьей умыты слезою...

Ты береги их, мой маленький сын!
Их я не прятал от правды суровой,
Я их не жмурил в атаке стрелковой,
Встретясь со смертью один на один.

Ими я видел и сирот и вдов,
Ими смотрел на гвардейское знамя,
Ими я видел бегущих врагов,
Видел победы далекое пламя,

С ними шагал я уверенно к цели,
С ними страну расчищал от руин...
Эти глаза для отчизны горели!
Ты береги их, мой маленький сын!

Тени в саду все длиннее ложатся...
Где-то пропел паровозный гудок...
Ветер, устав по дорогам слоняться,
Чуть покружил и улегся у ног...

Спит мой мальчишка на даче под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами.
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами...

Нет, не пойдет он тропинкой кривою.
Счастье себе он добудет иное:
Выкует счастье, как в горне кузнец!
Верю я в счастье его золотое.
Верю всем сердцем! На то я — отец!

Письмо в Испанию

Хулио МАТЕУ

Отец мой, я стал инженером,
я строю дороги, мосты —
артерии жизни грядущей,
источники новой мечты.

Здесь будет огромное море,
пойдут по степям корабли...
Ты видишь: я жизни создатель,
хозяин воды и земли.

Не веришь? Считаешь мечтою?
В Советском Союзе, представь,
мечта — это тоже строитель,
и завтра она уже явь.

Отец, в телевизор я видел:
с песчаной Ламанчи в поход
на сцене Большого театра
собрался вчера Дон Кихот.

Вертелись на мельницах крылья,
казалось, скрипят жернова...
Веками от бедности этой
Испания еле жива.

Ах, если б земля Дон Кихота
испанскою стала опять,
мы дали бы воду Ламанче
и Эбро пустили бы вспять!

Ты спросишь, кто может на свете
природу менять без помех?
Ты помнишь: «Друг Санчо, свобода
есть дар величайший из всех»?

Перевел с испанского О. САВИЧ.

Хулио Матеу — испанец-эмигрант, проживающий в Советском Союзе. Он работает на Московском автозаводе имени Сталина и учится в Литературном институте имени Горького.

«Друг Санчо, свобода есть дар величайший из всех» — слова Дон Кихота.

Золотой поток

Необычайно рано пришла нынче зима, еще в ноябре, но солнечный уголок Аджарии под надежной защитой гор и моря дышал благодатным теплом. В вечнозеленой густой листве сверкали золотые россыпи богатого урожая. Рощи прибрежных склонов ломились от тяжести мандаринов, апельсинов, лимонов, и люди собирали плоды, радуясь первому большому урожаю после 1950 года.

В ту зиму холода прорвались на черноморское побережье сквозь все преграды и обрушились на теплолюбивые цитрусовые сады. Много лет надо потратить, чтобы взрастить дерево, но достаточно всего нескольких часов, чтобы его погубить. Температура неожиданно снизилась до двенадцати градусов мороза, и коренастые пышнокронные мандарины и апельсины, тоненькие, нежные лимоны почернели.

— Печально выглядели мертвые сады,— рассказывает, вспоминая ту зиму, главный агроном совхоза Цихис-Дзири Георгий Григорьевич Кахиани.— Голые, лишенные листвы деревья!.. А к весне стало ясно, что совхоз лишился одной трети деревьев, пятьдесят пять тысяч корней погибли. Такая же картина наблюдалась и в других совхозных и колхозных садах.

И вот спустя несколько лет Аджария снова собирает урожай. Правда, он еще далек от урожая 1949 года, когда в республике было собрано свыше пятисот миллионов цитрусовых. В нынешнем году должно быть собрано двести миллионов.

Немало труда потратили цитрусоводы, чтобы восстановить сады, и по количеству корней совхоз Цихис-Дзири уже богаче, чем до 1950 года. На место погибших и выкорчеванных деревьев высажены из питомников десятки тысяч новых саженцев, и многие из них уже начали плодоносить. В совхозе Цихис-Дзири сейчас насчитывается сто три тысячи корней цитрусовых. И если в прошлом году здесь было собрано девять миллионов плодов, то нынче совхоз дает двадцать миллионов.

С главным врагом цитрусов — морозом — ведут борьбу ученые Батумского ботанического сада. В совхозах и колхозах отбирают лучшие экземпляры для выведения новых, морозоустойчивых форм. За минувшие годы выращено пятнадцать тысяч саженцев. Еще не один год пройдет, пока эти саженцы, полученные в результате скрещивания, начнут давать плоды, а теперь аджарские цитрусоводы прививают в кроны мандариновых деревьев почки лимонов и апельсинов, создавая более теплолюбивым цитрусам защиту в виде густой кроны, охраняют свои сады зимой, закладывают все новые и новые питомники.

«Цихис-Дзири» в переводе на русский язык значит «старая крепость». И действительно, над совхозными садами возвышаются развалины крепости. Ее выщербленные временем стены словно прикрывают сады от холодного ветра. Но древняя твердыня строилась не для этого: она прикрывала побережье от набегов другого неприятеля — захватчиков. А теперь рядом со старой крепостью высится другая «крепость» — лимонарий. В полукруглом застекленном здании находятся молодые резервы совхоза — саженцы лимонов и апельсинов. Им не страшен никакой мороз.

Со стен старой крепости видны осыпанные плодами цитрусовые сады. С корзинами, наполненными мандаринами, движутся к приемным пунктам сборщики. С весов мандарины попадают в ящики, грузятся на машины, и вот уже золотой поток течет по конвейерам упаковочных заводов.

В. ЯКОВЛЕВ

Аджарская АССР.
У развалин старой крепости высится светлое здание лимонария.

Мандарины созрели.

Фото С. Фридлянда.

Сборщицы цитрусовых в совхозе Цихис-Дзири. Аджарская АССР.

Милая фрекен и господский дом

Повесть

Халлдор ЛАКСНЕСС

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Бабье лето

Конец лета — прекраснейшая пора года, поэтому самые хорошие рассказы начинаются с изображения лета, когда щебечут птицы и солнце излучает свое тепло на землю и море. Именно в эту пору мы застаем милую фрекен Раннвейг, дочь пробста, которая наконец-то решилась отправиться за границу. Именно в такой теплый день бабьего лета, когда отражения шхер в море походили на большие причудливые города, она отправилась в поселок попрощаться с его обитателями. Старшую дочь Туридур тоже отправляли в свое время за границу. Но она проявила куда больше нетерпения, чем ее младшая сестра. Она так жаждала увидеть новую страну, что, едва окончив женскую школу (ей тогда было двадцать шесть лет), немедля отправилась за границу и пробыла там два года. Фрекен же Раннвейг, окончив школу, не торопилась уезжать: у нее не было никакого желания покидать дом. Она любила свой поселок, его жителей, к тому же она была искусная рукодельница, ей было грустно расставаться со своими вышивками. Она утешала себя только тем, что за границей будет совершенствоваться в вышивании и обучится ткацкому мастерству. Четыре года ее поездка все откладывалась, и сейчас фрекен Раннвейг уже было тридцать лет. Но родители — пробст и его жена — все время настаивали на поездке: так было заведено в те времена. Раннвейг полагалось, как и старшей сестре, пробыть за границей два года и жить в семье Кристенсен. Покойный Кристенсен и пробст знали друг друга со студенческих лет и в течение всей жизни поддерживали эту дружбу.

Надо признаться, что прежде, чем отправить старшую дочь, пробст и его жена не раз призадумывались: уж очень взбалмошной и своенравной девицей была эта Туридур. Не раз пробст говорил наедине с женой, что девушке с таким нравом нетрудно поскользнуться на трудном жизненном пути. Жена пробста, напротив, утверждала, что характер Туридур будет служить ей верной защитой. И, как мы увидим позже, она оказалась права. Пробст указывал, что и в красоте Туридур таится опасность. Мать же была уверена, что у молодой, хорошо воспитанной девушки чувство собственного достоинства соответствует ее красоте. И в этом она оказалась тоже права. Спустя два года старшая дочь вернулась домой. Она была еще своевольней и красивей, чем прежде. Составить пару такой женщине мог только человек с положением. И как же обернулось дело? Да так, как было задумано.

Пробст Ион, помимо своего прихода, имел рыболовный промысел в Ейвике. Он с одинаковым пылом наставлял своих прихожан в правилах христианской веры и заставлял рубить головы морской треске. И он так преуспевал в этом деле, что даже сам епископ считал его единственным человеком во всей округе, опровергавшим слова господа бога, что нельзя-де служить одновременно двум господам. Пробст Ион обратился к своему ровеснику, управляющему факторией Трифоли в Адальвике, с предложением учредить филиал датской торговой фирмы в Ейвике и прислать сюда своего сына, молодого способного человека, на пост управляющего новой факторией.

Прибыв в Ейвик, молодой человек на первых порах жил в семье пробста. И немного прошло времени, как он был помолвлен с дочерью пробста Туридур и приступил к постройке дома для своей семьи. Дом этот отличался от всех остальных домов в Ейвике. Его в разговоре иначе не называли, как «господский дом». К весне молодые поженились, поселились в этом доме. Со временем у них появилось четверо детей. Дела фактории процветали благодаря успешному рыболовству, а рыболовство развивалось еще успешнее благодаря удачным сделкам. Они стали весьма зажиточными людьми, и все их величали «господами». Итак, опасения пробста за судьбу старшей дочери не имели под собой почвы. Далеко не всем молодым девушкам удается так уверенно войти в мирную гавань супружества.

А вот за фрекен Раннвейг, за ее будущность старики не волновались. Ее поездка за границу, в Данию, не внушала им никаких опасений. Трудно представить себе молодую девушку с более спокойным характером, чем у фрекен Раннвейг. Правда, не обладая буйным нравом старшей сестры, она была лишена ее соблазнительной красоты, о которой в свое время шла молва среди местных мужчин, будь то знатного или незнатного рода. Впрочем, фрекен Раннвейг не была обижена природой ни физически, ни духовно. Нисколько. Туридур в молодости была выше среднего роста и худощавой, а фрекен Раннвейг была высокая, крепкая девушка, но не толстая; ее формы были женственны и округлы, и, несмотря на то, что ее движения были несколько медлительны, она не производила впечатления неуклюжей, наоборот, скорее степенной. Она была светловолосой, у старшей же сестры были каштановые волосы, и цвет лица у нее был куда лучше. Но особенно красили Раннвейг сияющие синие глаза, которые можно сравнить только с солнечными бликами летнего неба, освещающего бухту и шхеры.

Возможно, она не была особенно одаренной, но все же ее способности были выше среднего. Она училась хорошо в школе, а в рукоделии была так искусна, что никто не мог с ней сравниться. Она знала все виды вышивок, известные в Исландии в то время: крестом, гладью, французскую, английскую, венецианскую гобеленовую, сложнейшие филейные работы; она умела вязать крючком шали и одеяла на спицах, различные узоры из цветов и листьев. Вышивала серебром и золотом.

Но особенно хороши были ее душевные качества. Она не выносила вокруг себя ничего злого и мрачного, была одинаково добра ко всем людям, кто бы они ни были. Любила людей, животных. Стоило случайно какой-нибудь бедной женщине похвалить ее вышивку, как Раннвейг немедленно преподносила ее в дар. Поэтому у всех бедных женщин в округе были подушки, вышитые руками фрекен Раннвейг. Куда бы она ни приходила — а Раннвейг появлялась всюду, где нужны были сочувствие и поддержка,— она приносила с собой ласку и тепло летнего солнца. Ее и называли лучом солнца в доме пробста. Когда она гуляла по поселку, за ней следом шли выбегавшие из домов собаки. Так в ореоле красоты и благородства проходила ее молодость, и вот сейчас ей минуло тридцать лет, и она готова отправиться в путь-дорогу.

Многих удивляло, как это для такой девушки не нашлось достойного жениха. Поговаривали, что на совете в господском доме реши-

ли посылать ее время от времени в Рейкьявик, чтобы она могла там завести знакомства, но это решение всегда вызывало возражение самой Раннвейг. Она была так привязана к своему поселку, к каждому человеку здесь, она как бы срослась со своим окружением, в особенности со шхерами, отражения которых качались на сверкающей поверхности моря, словно какие-то неведомые города. Тогда благодаря энергичному вмешательству матери и сестры господа завели обычай приглашать к себе в дом на каникулы многообещающих молодых студентов, одного или двух каждое лето. Молодых людей кормили и поили, для них устраивались прогулки верхом, катанье на лодках, а в ту пору, когда лето было на исходе и ночи становились темными,— вечеринки с музыкой и танцами.

Так прошло одно лето, прошло другое, а толку не было. Фрекен Раннвейг приветливо и ласково относилась к «молодым людям с будущим». Но не более приветливо, чем к самым бедным людям поселка, собакам и кошкам. Эти преуспевающие молодые люди никогда не замечали в ней того игривого лукавства, которое поощряет их к ухаживанию. Она была очень далека от кокетства. Ее улыбка, рукопожатие не выражали ничего, кроме самоотверженной доброты. И если она как-то ночью прислонилась к студенту-медику Иону Гудмундссону и заснула, овеваемая соленым ветром ночи, ее сердце билось так же ровно, как всегда, а молодой врач на следующий год в эту же пору женился в Рейкьявике. То же самое произошло со студентом теологических наук Эйнаром Стефанссоном.

Этот способный студент прогостил у них целое лето. На семейном совете было установлено, что он влюбился в младшую дочку; по утрам и вечерам они совершали долгие прогулки вдоль берега. К сожалению, любовь молодого теолога была так платонична, что когда они усаживались на одном камне, он боялся сесть слишком близко, чтобы не коснуться девушки. А когда он стал присылать ей зимой из Рейкьявика высокопарные письма, пестревшие цитатами из опусов епископа об апостоле Павле, семья окончательно убедилась, что из этого ничего не выйдет. Было решено не приглашать больше молодых многообещающих людей, и всю энергию употребили теперь на то, чтобы как можно тщательней подготовить отъезд Раннвейг в Данию.

Как в доме пробста, так и в доме Туридур хлопотали и суетились. До самого последнего дня работали иголки, ножницы, швейные машины, утюги. Фасоны, выкройки брались только из заграничных модных журналов, присланных из Рейкьявика. Было решено, что Раннвейг, прежде чем сесть на пароход, сменит свой национальный костюм на модное платье, как это в свое время сделала старшая дочь. (Последняя, даже вернувшись домой, до самых родов одевалась по датской моде. И только после первых родов было покончено с романтикой.)

Как и в прошлый раз, в дом пригласили настоящую портниху из Адальвика. Не могла же фрекен Раннвейг сама нашить себе платья с буфами, рюшами, бахромой. Тем более, что она была занята вязанием кружев для белья, вышиванием. Шерстяную пряжу для белья доставали у известной пряхи из другого округа. Старая фру не могла себе представить, чтобы ее дочери, дома ли, за границей ли, носили белье не из исландской шерсти. Еще схватишь, чего доброго, скоротечную чахотку! В то же время фру Туридур заверила родителей, что появиться в Копенгагене в шерстяных чулках, будь они даже из самой тончайшей пряжи, немыслимо. Тогда решили, что фрекен Раннвейг купит на месте чулки, шляпу, туфли, какие принято носить в Копенгагене.

Нет, пусть никто не думает, что багаж дочери пробста состоял из никчемных вещей: все было солидное, добротное, хотя, быть может, и без печати парижского шика. Никто за границей не осмелится сказать, что пробст из Ейвика плохо заботится о своей дочери. Наоборот, по всему видно, что родители ее — люди с достатком, что они пользуются большим уважением на своей родине. Кроме дюжины платьев из шелка, бархата, атласа и крепдешина, в ее багаж вложили десять белых шерстяных фуфаек из пряжи, сделанной руками знаменитой пряхи, столько же красных рейтуз, десять сорочек из тончайшего полотна с кружевами, такое же количество панталон из дорогой ткани с рюшами у колен, шесть вышитых лифчиков, шесть вязаных узорчатых нижних юбок, восемь юбок различных цветов, одни из тафты, другие с прошивками и вышивками, семь вышитых ночных рубашек, две пуховые перины, двенадцать простынь, столько же наволочек, обшитых кружевами, двадцать полотенец. Затем еще вышитый праздничный исландский костюм и множество скатертей. (Подушечек, чтобы придать округлость ее фигуре, не понадобилось, ибо фигура ее была безукоризненна.)

К тому же девушка взяла с собой произведения всех национальных поэтов в роскошных переплетах, саги, включая сагу о Стурлунге, много учебников, чтобы не забывать школьной науки, несколько томов романов и драм видных писателей Скандинавии в кожаных переплетах; псалмы, сборник хоралов, которые подарил ей отец при рождении, и толстую библию. Она захватила шесть увеличенных семейных фотографий в больших рамках и свою собственную, снятую, когда ей было двадцать пять лет. Да еще портрет национального героя Иона Сигурдссона и народного певца Халльгримура Пьетурссона, картину Бенедикта Грендаля — цветок табака, на каждом лепестке которого вписаны имена первых поселенцев Исландии, и, наконец, распятие.

И теперь, готовая к отъезду, фрекен шла по поселку, заходя в каждый дом, прощаясь с жителями. Почти всюду она оставляла как воспоминание о себе маленький подарок. Ей доставляло настоящее удовольствие дарить что-нибудь. Одной женщине она преподносила шаль, другой — варежки или чулки, детям — винные ягоды, старикам — нюхательный табак. Она не забыла даже собак, прихватив для них рыбьи головы. Все обнимали ее, молили бога охранять ее на долгом пути, помочь на чужбине. Прощаясь, плакали, и слезы эти были искренни и чисты. Девушка была сердечным другом всех нуждающихся. В каждом доме ее угощали кофе, и она нигде не решалась отказаться. В этот день ей пришлось выпить более тридцати чашек кофе и отведать всяких печений, которые выставлялись на стол, порою черствые или недопеченные, с привкусом плесени или соды.

— Помни же, ты обещала писать ежедневно,— говорила фру Туридур, стоя в палисаднике под полуденным солнцем.— Если ты не будешь писать, нам придется догадываться о причинах молчания. Дорогая, я знаю, что такое заграница и что означает, когда человек не пишет домой.

Раннвейг повторяла свои обещания писать и писать.

— Пожалуйста, передай самый сердечный привет семье Кристенсен. От моего мужа и меня. Жаль, что нет в живых старика, он так хорошо управлял своим домом. Я, правда, совсем не знаю молодую Кристенсен, но муж ее — весьма приятный человек. Ты нам, конечно, все напишешь о молодой чете, об их доме и расскажешь им, конечно, как мы замечательно живем здесь,— это ведь так и есть. Постарайся при случае прислать мне фотографию жены Кристенсена, так, чтоб никто не знал об этом. Не забудь передать сердечный привет старой фру.

Хорош был день в конце бабьего лета. Море и луга сверкали на солнце синевой и зеленью; казалось, что осень с ее мглистым небом еще далека-далека. До чего же был красив родной край, когда с ним прощалась эта милая девушка, которая сама в этот день была символом всего красивого! Когда вечером, возвращаясь домой, она открывала калитку, ее кто-то окликнул. Это был человек, пришедший из фактории, старый приказчик Ханс. Она ждала и смотрела, как он приближается к ней, сутулый, худой, с выглядывавшими из-под кепки седыми волосами. Сюда, в филиал фактории, он попал из главного управления Трифоли, откуда его прислали в числе прочего инвентаря. Когда приближалась осень и рано темнело, он бродил по поселку, заглядывая в окна, за что его и окрестили крысой. Говорят, что у него водятся вши. У фрекен Раннвейг заговорила совесть: как же это она не попрощалась с ним, как со всеми другими! Бедняга, должно быть, очень одинок. А ведь управляющий говорит, что он вполне порядочный человек.

— Ах, милый Ханс, я чуть не забыла попрощаться с тобой. Ужасно, до чего я рассеянна!

Ханс вежливо снял кепку. Что бы о нем ни говорили, но он всегда был услужлив, как настоящий приказчик.

Принять его за моряка или крестьянина никак было нельзя. Говорят, что дед его был пастором.

В молодости Ханс подорвал свое здоровье пьянством. Правда, сейчас он уже не пьет. Это вполне добропорядочный человек. Вряд ли он мог бы обидеть даже муху. Чем ближе подходил он к девушке, тем более ей становилось жаль его. Ботинки у него были худые, черный костюм из камвольной пряжи блестел, как зеркало, спереди и сзади. Цвет лица его свидетельствовал о том, что он питается черным хлебом, галетами, а масла ест мало. Кожа была дряблая, изборожденная морщинами.

Но когда он здоровался, можно было заметить, что у него красивые руки, хотя и грязные от прикосновения к товарам, которые он отпускал, к тому же и синие: он не носил зимой варежек. Не беда, пробормотал он, что она забыла попрощаться с ним. Он пытался еще что-то добавить, но он сильно заикался, и ей было трудно понять его. Мало-помалу выяснилось, что он просит ее купить семян сабадилы. Если ей удастся найти их где-либо в аптеке. Он даже написал название на клочке бумаги, возможно, ей удастся прислать их по почте в письме. Спешки, правда, особой нет, он не страдает никакой опасной болезнью. Ханс достал кошелек, пытаясь вытащить деньги.

— Нет, дорогой Ханс, не надо, сочтемся, когда я вернусь домой.

Но он ни за что не хотел принимать ни подарка, ни одолжения. Не таков он. Они еще долго уговаривали друг друга, прежде чем она попрощалась, благосклонно улыбнувшись ему.

Так кончился этот чудесный летний день в Ейвике.

В хорошей стране

Наступили бессолнечные и ненастные осенние дни.

Последний пароход привез первое письмо от фрекен Раннвейг из прекрасной страны, расположенной у Эресунда, страны, которая тогда в сознании людей как бы олицетворяла весь мир. Раннвейг исполнила свое обещание и прислала длинное, подробное письмо, в котором обстоятельно рассказывала обо всем, что она увидела в этой стране. В пути она сильно страдала от морской болезни, но все были к ней очень милы. В первый же день стюард-датчанин сказал, что все на пароходе к ее услугам. Когда ее особенно сильно укачивало, он приносил ей яблоки, апельсины, содовую воду. Два коммивояжера из Рейкьявика занимали ее и делали все, чтобы она забыла о море и непогоде. Они даже дали ей пригубить красного вина. А когда однажды вечером компания подвыпивших студентов пыталась ворваться к ней, коммивояжеры выставили их, за что она была им очень признательна. Эти любезные коммивояжеры даже предложили ей по приезде в Копенгаген пойти с ними в театр, но, подумав об их женах, оставшихся дома, она не согласилась.

Прибыв в Копенгаген, она, следуя совету сестры, отправилась к Кристенсенам. Старая фру Кристенсен встретила ее радушно и сердечно, как родная мать. Конечно, ей, Раннвейг, вначале было трудно понимать датскую речь, но понемногу она свыклась. Ей отвели угловую комнату с видом на озера. Здесь стояла чудесная кровать с пружинным матрацем, не таким, правда, мягким, как у них дома. В первую ночь кровать показалась жестковатой, но за границей принято спать на пружинных матрацах, и сейчас она стала уже привыкать. К тому же, как здесь утверждают врачи, спать на жестком полезно. Многим пожилым людям, страдающим ревматизмом, советуют спать на пружинных матрацах. И фрекен Раннвейг спрашивала своих родителей, не следует ли им приобрести заграничный пружинный матрац, так как оба они больны ревматизмом.

Она очень подробно описывала свою комнату в доме Кристенсенов и даже нарисовала план ее на листке бумаги. Кроме кровати, в комнате стоял удобный диван, два кресла, столик, письменный стол, умывальник со всеми принадлежностями и, конечно, платяной шкаф, который ей очень пригодился. Все ее платья дорогой измялись. В первый же день она развесила на стенах свои картины, разложила на диване подушки, застелила стол скатертью и теперь даже подумывает купить полку для книг. Очень хотелось бы ей, писала она, чтобы мать и сестра увидели, как хорошо и уютно она устроилась.

Затем она описала, как провела первый день в городе, и сообщила все, что успела узнать о семье Кристенсен. Она ведь обещала сестре рассказать об этом. И вот последовало несколько страниц с описанием мебели и квартиры Кристенсенов, а у Раннвейг был меткий глаз. Со вкусом обставленная комната казалась ей художественной выставкой; она с таким благоговением говорила о столовом серебре, как другие говорят о церковном убранстве. А кухонная утварь представлялась ей целым флотом. Раннвейг так красноречиво описывала сервировку стола, что ей мог бы позавидовать любой историк. Она писала на простой линованной бумаге, не оставляя полей, да еще прибавляла несколько строчек

сверху и снизу. Почерк был у нее четкий и ясный, хоть и чуть-чуть неуклюжий. Исписав двенадцать страниц, она наконец дошла до самого главного, до описания семьи Кристенсен:

«Молодой фру Кристенсен нет дома. Она гостит с двумя детьми в Шлезвиге. Я видела только ее портрет. Выглядит она очень благородно, но старая фру Кристенсен утверждает, что она мечтательница и склонна к меланхолии. Говорят, у нее неплохой голос и она хорошо играет на пианино, отец ее — врач, и семья, должно быть, зажиточная, но старая фру Кристенсен не совсем довольна ею, считает ее плохой хозяйкой. На лето она всегда уезжает к своим родителям в деревню и возвращается не раньше конца сентября. По мнению старой фру Кристенсен, это неподходящая жена для Вигго. Двое старших детей уже вернулись из деревни: им скоро пора в школу; мальчика зовут Адольф, девочку—Алиэтте. Мальчик мне всегда почтительно кланяется, а девочка приходит рассматривать мои платья. Они очень заносчивы с прислугой, но умеют вести себя в присутствии чужих людей. Старая фру Кристенсен очень ласкова, ей уже больше семидесяти лет.

Вам хочется услышать что-нибудь о хозяине дома, но вот о нем я ничего не могу сказать. Я его совершенно не знаю. Он целый день проводит в конторе. Все же я представляла его себе совсем другим. Когда он в первый вечер пришел домой, я растерялась и не знала, с чего начать разговор. У него усталое лицо, на висках проседь. Мне кажется, он чем-то удручен; о супружеской жизни четы Кристенсен я ничего не знаю. Ему захотелось пойти в знаменитый сад Тиволи, и мы отправились туда — его мать, он и я. Было, конечно, очень весело. Он показал мне все, что там можно увидеть: акробатов, канатных плясунов; они взбирались высоко-высоко и ходили по канату. Но, сказать правду, это меня не занимало. Наверное, это очень большое искусство, но я не понимаю, к чему оно: слишком оно оторвано от жизни. Затем мы слушали очень хороший концерт, где все инструменты играли в один голос. Я плохо разбираюсь в серьезной музыке и не привыкла к ней, но Кристенсену она нравится. Я уверена, что он очень образованный человек.

После концерта мы пошли в ресторан. Там было множество народу. Кристенсен настаивал, чтобы мы выпили по бокалу вина, но мать его сильно устала: она ведь совсем старенькая. Мне было очень жалко ее. Она выпила только чашку кофе, я — стакан портвейна, а Кристенсен заказал себе грогу. Вскоре старой фру Кристенсен захотелось домой. Бедная старушка продрогла в этот вечер и тотчас же отправилась в постель. Мы с Кристенсеном еще долго беседовали в столовой. Он почти все время говорил о тебе, Туридур, и даже признался мне, что когда-то был увлечен тобой. Мне было досадно, что нет его жены. Живут они, вероятно, в достатке. Кристенсен носит кольцо с брильянтом. Летом он ездил на две недели в Германию по делам. Мне почему-то кажется, что он не очень счастлив. Хотя я ничего не знаю о его жене, но с нетерпением жду возможности познакомиться с ней. Он говорит, что жена не понимает его. Мне бы так хотелось подружиться с ней и помочь им понять друг друга».

И дальше:

«...Мои занятия начнутся только в октябре, и мне советуют осмотреть за это время дворцы и парки. Я была в музее, но не поняла, что должны означать все эти произведения искусства. Все они очень красивы, но не волнуют меня. Я больше люблю природу. То же самое могу сказать и о парках. Для тех, кто не привык к деревьям, они слишком велики. Я люблю только такие растения, до которых можно дотянуться рукой. Мне было бы приятнее заняться хозяйством, но старая фру Кристенсен и слышать об этом не хочет, поэтому я часто сижу одна в своей комнате и пытаюсь читать хорошие романы, которые дает мне Кристенсен; но, мне кажется, все они далеки от жизни; я сама томлюсь и чего-то жду, что никогда не случится. Иногда по вечерам мы сидим в столовой и разговариваем, а иногда ходим в театр или ресторан. Это нравится Вигго. Он в курсе всех театральных новинок и знает всех актеров по имени.

Конечно, его мать, когда не бывает больна, всегда с нами. Я написала открыточку на датском языке молодой фру Кристенсен и сообщила ей, с каким нетерпением жду ее приезда и надеюсь, что это будет скоро. Меня удивляет, как это муж разрешает ей так долго отсутствовать. Он меньше всего похож на счастливого человека. Я стараюсь почаще заводить речь о его жене, чтобы несколько утешить его. С нетерпением жду октября, тогда мои мысли будут заняты учебой, и все остальное забудется.

От безделья на меня иногда нападает тоска. Сама не пойму, что со мной творится. Я вдруг начинаю ощущать непонятное беспокойство. Даже во время работы над каким-нибудь рукоделием на меня вдруг нападает тревога, и работа валится из рук. А читать и вовсе не хочется, даже когда есть интересная книга. Я, наверное, очень глупа (всегда была такой). Днем я часто хожу гулять по городу, рассматриваю витрины магазинов, вглядываюсь в лица прохожих. Сейчас в моде большие шляпы с перьями. Несколько раз была в гостях у девушек-землячек; я здесь познакомилась с ними, как-нибудь расскажу о них подробно. На душе у меня неспокойно, и я ничего не могу поделать с собой. По ночам что-то тяжелое ложится мне на душу. Подумать только, мне уже тридцать лет, а чего стоит моя жизнь?

Я хорошо понимаю, что грешно предаваться таким мыслям, нужно быть благодарной богу, но я не виновата. Иногда мне не спится, я лежу и думаю, прислушиваюсь к малейшему шороху в доме. Я вспоминаю Ейвик, людей, которые там живут, которых я так люблю, но с тех пор, как я приехала сюда, я перестала понимать себя, мне кажется, что я перестала понимать бога. И, конечно, очень дурно с моей стороны плакать по ночам.

Сегодня я разговаривала с начальницей школы. Я уверена, что это добрейший человек; думается мне, что когда начнутся занятия, все у меня пойдет на лад. Недавно Вигго вернулся домой подвыпивший (наверное, нехорошо писать об этом в другую страну). Мне было жаль его. Брак его, видно, не такой, каким должен быть. Хотя бы скорее приехала его жена! Вы, верно, думаете, что он шумел, скандалил. Нисколько. Он вовсе не был похож на тех отвратительных пьяниц, каких можно встретить у нас в поселке. И все же по всему было заметно, что он выпил. Я думаю, это было неприятно его матери. Кристенсен был в таком оживленном настроении, что среди ночи хотел идти на танцы. Он никогда не бывает нетактичным, ведь это очень славный человек, как ты сама говорила. Будучи навеселе, он сам на себя не походил: куда девались его сдержанность, замкнутость! Я сказала ему: «Вигго, вы ведь очень несчастны. Я бы так хотела, чтобы бог помог вашей жене вернуться скорее домой».

Такие длинные письма фрекен Раннвейг отправляла на родину каждый день. За короткое время их набралось столько, что хватило бы на целую книгу. И вдруг письма стали приходить реже. А с последним пароходом, в конце октября, когда жена пробста и ее старшая дочь рассчитывали получить по меньшей мере четырнадцать писем, что же они получили? От фрекен Раннвейг пришло одно-единственное письмо, адресованное матери. Тоненькое письмо, всего на одной стороне листа. Расстояния между строчками были большие, и не приписано ни единого слова ни сверху, ни снизу линеек. Она только сообщила, что начались занятия, кратко описала школу и как ведется обучение. Правда, она не забыла подчеркнуть, что преподаватели — удивительно хорошие люди, но не сказала ни единого слова о семье Кристенсен, хотя мать и дочь именно этого и ждали с нетерпением, как ждут продолжения занимательной повести в следующем номере журнала. Им было интересно узнать, что расскажет Раннвейг о молодой фру Кристенсен, когда та, наконец, приедет.

В этом коротком письме только говорилось о том, что с неделю назад вернулась домой молодая хозяйка. И ничего больше. Будто бы эта фру Кристенсен была без плоти и духа. Раннвейг даже не сказала, что она чудесный человек. Ни слова не написала ни о детях, ни о старой фру Кристенсен, не говоря уже о самом Вигго. «Я стараюсь забыть все, за исключением моих занятий, и мне некогда писать. С нежным приветом всем»,— так заканчивалось письмо Раннвейг. Казалось, повествование оборвалось на самом интересном месте.

— Я не нахожу слов,— сказала старшая дочь, жена управляющего.

— Все это несколько странно,— заметила мать, жена пробста.

— Не обмолвиться ни единым словом о жене Кристенсена! Она же твердо обещала писать! Ну, меня уж никто не убедит, что тут все чисто.

— А я думаю, что все вполне нормально,— возразила мать.

— Ты меня прости, но у меня на этот счет свое мнение,— заметила дочь.

Старуха с достойным видом извлекла из кармана табакерку.

— Нет, нет, уж я хорошо знаю, чего можно ожидать от каждой из вас, девушек!

— Ах, что ты понимаешь в жизни, мама! Разреши мне судить. Разве я не пробыла там два года!

— Конечно,— раздраженно ответила мать.— Но, честно говоря, за тебя я никогда не могу поручиться, хотя все и обошлось с тобой благополучно.

— Поручиться за меня?

— Ты великолепно знаешь, что я имею в виду. Но вот в Раннвейг я верю, на нее можно во всем положиться. Она унаследовала нрав своей покойной бабки и все хорошие черты характера от отцовского рода.

— Почему же она не пишет? Я все время писала.

Мать затянулась табаком, прищурила глаз и процедила:

— Дело в том, что ты сумела все устроить...

— Что я сумела, мать?

— Ты ведь не пожелала снять с себя датское платье до тех пор, пока не родила маленькую Гудлауг.

— Вот этого я никогда не ждала от тебя, мать.

— Не стану скрывать, я не чувствовала уверенности в тебе, пока ты ходила в датском платье. Но мне совершенно безразлично, какого фасона платье носит Раннвейг: свободное или в обтяжку. Я знаю, что с ее характером не попадешь в беду.

— Разреши мне только заметить, мать, что в тихом омуте черти водятся.

— Скажи мне лучше, как это вы не могли найти подходящего парня для девушки, раз уж взялись за дело. Сейчас, вдали от дома, она могла бы хоть тосковать о ком-нибудь. А кого вы приглашали сюда в прошлом и позапрошлом году? Сплошное дурачье! Вспомни письма того молокососа, который утверждал, что будет пастором. Разве такие парни в моей молодости метили на место пастора? Писать такие письма молодой девушке! Да они скорее были похожи на проповеди! Подумать только, такое ничтожество собирается стать пастором! Возможно ли это, я тебя спрашиваю? Впрочем, Раннвейг даже не стала отвечать на них.

— Ну, знаешь, мать, если не подходил Вейга, будущий пастор, кого же ей тогда нужно? Теперь дочери состоятельных людей не могут выбирать женихов, как товар на ярмарке. Сама понимаешь, богатые женихи из Рейкьявика не так уж жаждут вступить в брак с девушкой из провинции. Купцы и чиновники в Рейкьявике предпочитают родниться между собой. А что было бы со мной, если бы не существовало Трифоли? Трудно себе даже представить. Возможно, самой пришлось бы зарабатывать на жизнь.

Этот долгий спор закончился тем, что обе женщины сообща написали Раннвейг строгое, внушительное письмо, приказав ей подробнейшим образом рассказать о себе и других. Они велели ей проводить вечера за писанием писем, чтобы у них был самый точный отчет о каждом дне.

Шло время. До конца ноября почта в город не поступала. Сейчас ее ждали сухопутным путем, потому что навигация прекратилась до марта. Наконец пришла почта из Рейкьявика. Но, не считая нескольких деловых пакетов в адрес Трифоли и каталога Северной торговой компании для пробста, из Копенгагена не было никаких писем. Ни единой строчки, ни единого слова от Раннвейг.

Фру Туридур в ярости примчалась к матери, чтобы обсудить создавшееся положение. При разговоре присутствовал сам пробст. Туридур напомнила матери, что она продолжает оставаться при своем мнении, как и осенью. Она добавила, что ее мнение не лишено было основания. Прежде всего она обрушилась на весь Копенгаген, заявив, что весь город — вертеп, полный самых непредвиденных соблазнов для одинокой молодой девушки. Она рассказала, как молодые люди нередко останавливали ее по вечерам и предлагали подвезти на машине домой. Один-единственный раз она приняла такое предложение — была ужасная погода,— и ее привезли к старому, мрачному загородному дому, где собралась большая компания. Благовоспитанность не позволяет ей описать подробно все, что произошло у нее на глазах. Каким-то чудом ей удалось убежать через черный ход в три часа ночи. Она бежала со всех ног и только к утру добралась домой. Эти приличные на вид молодые люди, предлагающие молодым девушкам подвезти их домой, обычно бывают опасными преступниками. Это агенты торговых компаний. Они охотятся за молодыми, невинными девушками и поставляют их в публичные дома Южной Америки. Жена управляющего считала, что лучше умереть, чем пройти через все это.

— Почему же ты никогда не писала нам об этом?— спросила мать.

Туридур заявила, что одно уже воспоминание об этом происшествии вызывает у нее кошмары, она не хотела пугать еще и родителей.

Стариков ошеломила эта страшная история, и после длительного, вызванного страхом молчания было решено пустить по городу слух, что фрекен Раннвейг тяжело заболела в Копенгагене.

Старый пробст, засидевшись до поздней ночи, написал дочери длинное письмо, где говорил, что своим молчанием она причинила матери такое горе, которое может свести ее преждевременно в могилу. «Сохрани тебя бог, дитя мое,— писал он,— оставлять в таком неведении меня и мать».

Прошел целый месяц. Родные Раннвейг почти через день собирались вместе. Думали-гадали о ее судьбе. Они были удручены, встревожены, и все в городе могли видеть, как близко они приняли к сердцу болезнь фрекен Раннвейг.

Наконец прибыла рождественская почта. Пришли красочные открытки к родным и знакомым с поздравлениями к рождеству и Новому году на датском языке, подписанные Раннвейг. И единственное письмо — несколько строк — матери. Нет, она вовсе не больна, ей живется хорошо, она много трудится в школе, уже больше не живет в семье Кристенсен. В начале ноября она переехала в новую, лучшую комнату, поближе к школе. И никаких объяснений. Ни описания этой новой комнаты, ни единого слова о знакомых, ни единого слова о том, что случилось с самой Раннвейг,— короче говоря, ничего. И по городу был пущен слух, что в начале ноября фрекен Раннвейг поместили в больницу. Правда, сейчас ей стало немного лучше.

Старого пробста заставили написать дочери, что если она подробно не напишет, что произошло, семейство будет вынуждено вернуть ее домой. Трифоли в Копенгагене получит распоряжение не выдавать ей денег на жизнь. Мать и дочь дополнили эту угрозу соответствующими увещаниями. Ей недвусмысленно намекали, что она попала в лапы торговцев белыми рабынями и что страх за нее лишил их сна. Теперь у них нет ни единой радостной минуты. Но все эти настояния ни к чему не привели: фрекен Раннвейг продолжала молчать.

С январской почтой вовсе не пришло писем из Копенгагена. Не было их и в феврале. И вот по городу пошел слух, что дочь пробста вновь заболела той же болезнью. В каждом домике говорили о болезни Раннвейг, все вдруг почувствовали, как горячо они ее любили, и так было печально потерять ее, такую молодую и прекрасную. Все верили, что милосердный бог непременно возвратит ей здоровье. Наконец обитатели господского дома приняли решение: с последним зимним транспортом отправить в Копенгаген управляющего собственной персоной, чтобы он смог лично выяснить, что случилось с фрекен Раннвейг.

Управляющему предстояло поехать в Данию по делам службы в мае или июне, но мать и дочь добились своего. Он отправится на три месяца раньше, как раз в то время года, когда море особенно бушует. Через две недели рейсовым пароходом он доберется до Рейкьявика, а еще через три недели прибудет в Копенгаген.

И вот прибыл рейсовый пароход.

Погода была ужаснейшая, какая бывает только на исходе зимы. Дни стали длиннее, все время свирепствовала пурга. Не очень-то весело было управляющему покинуть теплое жилье и отправиться в пятинедельное путешествие вдоль ветреного побережья Исландии, пересечь суровый Атлантический океан, минуя Фарерские острова и Шотландию, прежде чем он попадет в Данию. Но женщины были безжалостны. Впрочем, февраль они считали счастливым для себя месяцем, и управляющий покорился своей судьбе. Когда сквозь снежную вьюгу в это хмурое утро неприветливого дня с парохода донеслись звуки сирены, чемоданы управляющего стояли наготове в передней. Он еще наслаждался часами, проводимыми дома, к его смятенным чувствам примешивались и тревога и решительность, правда, не лишенная чувства страха. Чем не герой романа? Он сидел в кресле, грустно посасывая сигару и ласково поглядывая на детей, игравших в комнате. Он обещал к весне привезти им красивые игрушки, если с божьей помощью ему удастся вернуться домой.

Ожидая минуты, когда ему придется сесть на пароход, и глядя на окна, за которыми свирепствовал февральский шторм, он вдруг услышал, как распахнулась входная дверь, и в дом ворвался ветер, со свистом заползая в каждую щель. Уж не принес ли кто-нибудь захватывающую новость, вызвавшую бурю в доме, подобную той, которая бушевала снаружи? Со всех сторон захлопали двери; слышалось, как торопливо взбирались и спускались по лестнице, о чем-то громко говорили, стараясь перекричать друг друга; волнение все нарастало, и, наконец, все двери в доме оказались настежь открытыми; открылась и дверь в комнату, где сидел управляющий. На пороге появилась жена. Вид у нее был растерянный. Она объявила:

— Приехала Раннвейг.

— Раннвейг приехала? — вскакивая со стула, воскликнул управляющий.— Вот счастье-то! Слава богу!

Никто не мог так искренне радоваться этой вести, как управляющий. Ведь мало ли какие опасности и неожиданности подстерегают человека в открытом море, да еще в такое суровое время года! Жена же не видела повода воздавать хвалу богу.

— Ты говоришь слава богу! Как это на тебя похоже!— вспыхнула жена.— Ты, как всегда, не видишь ничего дальше своего носа. Тебя, конечно, не интересует честь дома. А ты знаешь, что ее возвращение — неслыханный позор для нашей семьи?

— Да, да, дорогая, гм... гм... что верно, то верно. Немножко все это странно. Но почему позор для нашей семьи?..

— Что же это, по-твоему?— оборвала его жена.— Что же тогда называется унижением, если не это? Разве ее не отправили на два года, обеспечив всем? Разве ее не устроили в благородной семье? Как ты думаешь, что об этом скажут?

— Верно, верно, дорогая,— поддакивал муж. Он был так счастлив внезапным поворотом событий, что воспользовался моментом, когда жена побежала к сестре в дом пробста, тихонечко распаковал чемоданы и, благодаря судьбу, поставил их в чулан. Затем он отправился в дом к врачу, чтобы переждать бурю, которая, возможно, разразится в семье. Домой он вернулся поздним вечером. Жены еще не было, и он хотел поскорее улечься в постель. Но, вот беда, замешкался, развязывая шнурок, и тут же в спальню вихрем ворвалась жена. У ее рта появились резкие складки, глаза горели. С ней всегда так бывает, когда что-либо случается, в чем, конечно, всегда обвиняют его. К несчастью, она заметила, что он выпил. От ее взгляда не скрылось, как он беспомощно расшнуровывал ботинки, стараясь скрыть свое состояние.

— Отправляйся в постель, Бьёрн,— сурово и решительно сказала она.

— Дорогая, разве ты не видишь, что я пытаюсь снять башмаки? Я не виноват, что узел так туго стянут.

— Опять от тебя разит проклятой водкой? Поделом бы тебе оказаться сейчас в море.

Управляющий не нашелся, что ответить. Он мучился, развязывая шнурки.

Жена продолжала:

— Ты верен себе, эгоист этакий, ты только тогда восхваляешь бога, когда у тебя под ногами твердая почва!

— Да, дорогая, твердая почва.

— Ты даже не спрашиваешь, что произошло в нашем доме, тебя не волнует вопрос о нашей семейной чести.

— Но, дорогая моя, я не смел,— ответил муж с самой любезной улыбкой, которая появлялась у него всегда после того, как он пропускал стаканчик. Эту улыбку жена иногда воспринимала как неприятную и непростительную иронию.— Да, теперь, дорогая, мне хочется задать тебе вопрос: что произошло? Почему, моя дорогая, по какой причине? Могу я спросить?

Жена стояла перед ним подбоченясь и глядела на него таким взглядом, будто он взбунтовался против святого духа. Отчеканивая каждое слово, она бросила ему в лицо:

— Моя сестра Раннвейг помолвлена.

Управляющий испугался. Но, придя в себя, он добродушно сказал:

— Вот в этом-то я наверняка не виноват, Туридур, ты это хорошо знаешь.— И слезы закапали у него из глаз. Он пытался подняться с места и, с трудом удерживая равновесие, сделал следующее признание:— Бог свидетель, я готов пересечь любой океан, тысячу раз рисковать жизнью при любой дьявольской погоде во имя чести нашего дома...— И... повалился на супружеское ложе в башмаках, не развязав шнурков, с блаженной улыбкой на лице. Сегодня вечером жизнь казалась ему необычайно радостной.

Продолжение следует.

Перевели с исландского
В. МОРОЗОВА и А. ЭМЗИНА.

МЫ—НА МАРСЕ

Научно-фантастический очерк

Борис ЛЯПУНОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

1995 год... Давно прошло то время, когда человек был пленником Земли, когда лишь со дна воздушного океана открывался ему окружающий мир. В летописи межпланетных сообщений появились первые страницы: вслед за искусственным спутником нашей планеты начался штурм неба, совершен лунный перелет, положивший начало пассажирским космическим рейсам. Постепенно стерлись белые пятна на картах Луны. И люди стали задумываться над тем, чтобы продолжить небесные трассы. Родился новый, еще более дерзкий проект.

Цель путешествия — Марс. Он едва ли не самая интересная загадка в планетной солнечной семье. Уже не сотнями тысяч, а десятками миллионов километров измеряется теперь маршрут. И полет будет длиться гораздо дольше. Увеличиваются трудности, растет опасность, хотя бы опасность встречи с космическим снарядом, метеоритом, множество которых странствует в межпланетном пространстве. Однако нет предела «безумству храбрых». Возросла опасность, но вырос и опыт у космонавтов, а техника еще дальше шагнула вперед. Не вслепую полетит корабль к красноватой звездочке, какой кажется Марс с Земли.

Корабль «Марс-один» — техническое чудо последней четверти нашего века. Двигатель, оборудование, условия жизни — все приспособлено к длительному путешествию с высадкой на планете. Уже побывали в окрестностях Марса ракеты-автоматы — разведчики без людей — да радиоволны, посланные локаторами. Пора и людям своими глазами увидеть то, что оставалось во многом областью догадок. Предположения, гипотезы должны уступить место точному знанию.

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», «Марс-один»... Цель близка. Мы хорошо видим поверхность Марса, сравниваем с картами и снимками, намечаем место посадки. Сейчас лето, сильно уменьшилась снеговая шапка полюса, а сеть каналов (тех самых каналов, которые давно служили яблоком раздора среди астрономов) набухла, словно вены на перетянутой руке. Подробности, однако, все еще трудно рассмотреть. У полюса сквозь белый слой просвечивает что-то красноватое. Над ним плавают облака. На суше — она также красноватого цвета — заметны отдельные голубоватые места. По временам вся картина словно заволакивается мутной дымкой, видимо, это туманы или легкая облачность. Заметили несколько снежных островков среди красноватой пустыни полярных областей. Впрочем, они скоро исчезли. Продолжаем наблюдать. Пилот и штурман готовятся к спуску. Начинаем торможение. Предполагаем сесть в северном полушарии, в местности, повидимому, представляющей ровную площадку... Алло, Земля! Только что закончили расчет на посадку. Наносим на карту вновь замеченные голубоватые пятна. Вблизи экватора они особенно отчетливо видны. Непрерывно ведем фото- и киносъемку. Все благополучно. Кончаю, подтвердите радиограмму, перехожу на прием...»

В это время на Земле радиотехники дежурили у приемников, миллионы слушателей напряженно ловили каждое слово о событиях на корабле, приближающемся к Марсу.

Не случаен интерес к этой загадочной планете. Уже давно ученые знали, что на ней есть атмосфера, правда, гораздо более разреженная, чем наша. Облака, туманы, полярные снеговые шапки, тающие весной, затуманенные края у диска, чего никогда не замечали на лишенной воздуха Луне,— все это говорило об одном: атмосфера существует. Знали и то, что хоть Марс беден влагой, но она все же там есть, а значит, есть и условия для жизни. Но какой?

Наверное, пятна, по временам меняющие окраску,— это растения. Они приспособились к суровому марсианскому климату и запасают воду, подобно верблюду в пустыне. Их голубой, а не зеленый, как у нас, цвет — это защитная окраска, потому что ультрафиолетовые солнечные лучи свободно проникают сквозь неплотную воздушную оболочку. На Земле нет таких высоких гор, которые могли бы «потягаться» с марсианскими равнинами, где воздух сильно разрежен. Днем довольно тепло, ночью же очень холодно. Марс получает от Солнца гораздо меньше света и тепла, чем наша Земля. Он дальше отстоит от дневного светила и обходит вокруг него за 687 суток; год там примерно вдвое длиннее земного. Нелегко жить на этой холодной, бедной водой и воздухом планете! Вдобавок марсианская атмосфера, вероятно, бедна и кислородом.

И все же растительность должна быть на Марсе. Многое говорит за это. И главное — многообразие форм жизни, приспособляемость к самым различным, крайне тяжелым условиям, какие бывают в природе. За долгие века растения научились переносить холод в морозные марсианские ночи, экономить драгоценную влагу, приспосабливаться к ультрафиолетовому излучению и обходиться тем малым количеством света и тепла, которое доносят туда скупые солнечные лучи. Астроботаники смогли даже сказать, как, по их мнению, могут выглядеть такие удивительные растения: низкорослые, голубоватого цвета, несколько напоминающие мхи или лишайники, обитающие на склонах наших гор.

Растения не единственная загадка красноватой планеты. Очень давно итальянский астроном Скиапарелли сделал поразительное открытие. Он увидел в телескоп на поверхности Марса сетку правильных тонких линий, названных им каналами. Воображение сразу нарисовало картину грандиозной системы водоснабжения, как паутина, опутавшей планету: каналы, моря, озера, быть может, близ них и марсианские города... Всего до сих пор удалось обнаружить свыше тысячи каналов. При этом они не остаются всегда одинаковыми во все времена года. Весна. Тают полярные льды, и сеть темнеет, линии ее становятся более заметными, а потом снова почти исчезают. Весенние воды утоляют жажду пустынь.

Что же такое каналы? Дело рук разумных существ или просто игра природы? Не все наблюдатели видели каналы такими, какими их изобразил Скиапарелли. Вместо прямых линий замечали цепочку пятен, вроде множества мелких капелек. Не помогла и фотография: слишком удален объект съемки, да и атмосфера мешает получить отчетливые, ясные снимки. Каков же ответ на вопрос? Одни отрицают каналы, другие их признают, но никто не может сказать, откуда они взялись. И вот теперь...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Начинаем спуск. Продолжая облетать планету, мы опускаемся на песчаное плато. В южном полушарии сейчас бушует пыльная буря, большое желтоватое облако быстро движется по поверхности, направляясь на юго-запад. Атмосфера вблизи южной полярной шапки помутнела».

Марсианское небо не такое, как на Земле. Оно не голубое, а темносинее, почти фиолетовое, и Солнце с Марса кажется более тусклым.

Для жителей Марса, если бы они существовали, открылась поразительная картина: вдруг на небе появляется новое, необычное небесное тело. Быстро движется среди звезд что-то похожее на комету, с таким же длинным шлейфом-хвостом... и исчезает за горизонтом. Звуки плохо разносятся в разреженной атмосфере. Но столь мощный гул слышен и здесь. На песчаную площадку, поднимая вихри пыли, опускается крылатый снаряд, борется с притяжением планеты, постепенно те-

ряя скорость. Последние секунды полета... Остроносая сигара стоит на выдвинутых из корпуса стальных ногах.

Успокаивается песчаная буря, вызванная прибытием корабля. Снова Солнце сияет в безоблачном небе. Тот же однообразный пейзаж — уходящие вдаль красноватые пески. Но появилось новое, невиданное раньше. Издалека виден гигантский корабль, отливающий металлическим блеском. Он кажется безжизненным: закрыты иллюминаторы, задраены люки, ничто не выдает присутствия живого. Идет время. Уже высоко в небе поднялось Солнце. Наконец корабль прозревает, открывает иллюминаторы-глаза. Открывается и дверца. Существо, похожее на водолаза с прозрачным шлемом на голове, спускается вниз и ступает на почву Марса...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Мы на Марсе. Иллюминаторы открыты, и через них во все стороны видна слегка холмистая песчаная пустыня — до самого конца, куда достигает глаз. Наша первая задача — ориентироваться и исследовать состав атмосферы. Командир корабля решает выйти наружу. Буду радировать каждый час».

И вот первые впечатления путешественников:

...Давление у поверхности Марса соответствует восемнадцати километрам земной высоты. Одной кислородной маской, как мы думали, не обойдемся. Приходится надевать скафандры. Вслед за командиром все побывали на месте нашей посадки. На Марсе легче, чем на Земле, в буквальном смысле слова, ибо притяжение меньше в два с половиной раза. На Марсе погода несравненно ровнее, чем на Земле: почти всегда ясно, хотя изредка, правда, бывают и песчаные бури, и дожди, и облака. Когда заходит Солнце, наступают сильные холода. Ночью, на рассвете, термометр отметил минус пятьдесят градусов. Звездное небо очень красиво, и особенно замечательна одна яркая двойная звезда, на которую мы с волнением смотрим,— это Земля с Луной.

...Черное небо усеяно миллионами ярких звезд. Таким мы никогда не видим его на Земле, окутанной плотной вуалью своей воздушной оболочки. Здесь же, словно на вершине высокой-высокой горы, какой тоже нет на Земле, сухой, разреженный — скажем все-таки по-земному — «воздух» почти не мешает видеть Вселенную такой, какая она есть, а не со дна воздушного океана.

Ровная песчаная пустыня тянется до самого горизонта. Кое-где прижались к невысоким барханам низкорослые кустики растений. Они непривычны для нашего глаза. Зелень, зеленый ковер, покрывает сушу нашей планеты. Этот цвет преобладает всюду, где есть растения. А здесь, при солнечном свете, растения голубые. Похожую картину у нас можно встретить лишь высоко в горах, на юге страны.

Но сейчас ночь, и на черном бархатном занавесе неба восходят маленькие луны. Их две — два спутника у этой планеты, которую за ее красноватый цвет назвали в честь бога войны Марсом. Марсианские луны получили имена Фобос и Деймос, что значит «страх» и «ужас». Но страшного и ужасного в них нет ничего. Однако странности есть.

Вот показался ближайший к Марсу спутник — Фобос. Он поднимается над горизонтом... Но не так, как все остальные светила. Казалось бы, надо ждать его с востока. А Фобос появляется с запада и направляется к востоку!

Фобос и Деймос очень невелики: всего несколько километров в диаметре. Луны-крошки! Фобос двигается так быстро, что за одни марсианские сутки дважды восходит и дважды заходит, обгоняя Марс в его движении вокруг оси. Потому и кажется, что он движется не с востока на запад, а наоборот! Мы долго не могли привыкнуть к необычайному зрелищу Фобоса, меняющего фазы, как наша Луна, но восходящего на западе и заходящего на востоке.

Необычен здесь солнечный восход. Рано утром туман покрывает все вокруг. Из-за этого восходящее Солнце становится красным, как это иногда бывает и на Земле. Появляется первый луч, и туман редеет, наступает прохладный ясный день. Почва успевает нагреться, а за ночь снова отдает тепло. Климат, как в нашей тундре... если вообразить ее среди песков.

...Мы продолжаем изучать Марс. Определили свое положение и наметили маршрут для исследований. Произвели анализ атмосферы: кислород, углекислый газ, водяные пары. Кислорода примерно одна шестая того, что есть на Земле. Низкое давление, мало кислорода — без скафандра не обойтись. Время наших путешествий поэтому ограничено. После первых пешеходных прогулок близ места посадки ракеты отправимся в далекий рейс на вездеходе. Ровный рельеф позволит, повидимому, двигаться быстро. Пока же обследуем местность неподалеку.

Первую вылазку решили произвести на северо-восток, к темному пятну, виднеющемуся у горизонта. И вот мы шагаем по песчаным барханам. Идти нетрудно, хотя ноги слегка вязнут в оранжево-красном песке. Взяты пробы пород, сделаны сотни снимков. Наши пустыни по сравнению с марсианскими — настоящие оазисы жизни. Здесь все еще никаких признаков живого. Переговариваясь между собою, мы шли километр за километром, пока не приблизились к цели — темному пятну. Вблизи оно распалось на множество мелких. Ускоряем шаг. Заросли низкорослого кустарника открываются перед нами.

Растения! Низкорослые, стелющиеся — чуть было не сказал: по земле,— с листьями, словно подернутыми голубым налетом... Это и ожидали увидеть, но все же, когда я нагнулся и сорвал ветку, все смотрели на нее, словно на чудо. В самом деле, не чудо ли найти за десятки миллионов километров то, что предсказала наука? Эту ветку решили сохранить для музея межпланетных сообщений. Впоследствии мы находили и других представителей марсианской флоры, но ни один из них не вызвал такого волнения, как первая найденная веточка, словно перенесенная сюда с высокогорных среднеазиатских долин.

У нашего ботаника теперь много работы. Его гербарий непрерывно пополняется новыми образцами. Среди них есть подобные нашим лиственным, теряющим осенью листву, и нашим вечнозеленым, сохраняющим свой наряд и зимой и летом. Во время другой экскурсии мы нашли в пустыне совсем иные растения — розового цвета, похожие отчасти на маки. Вот чем объясняется то, что с Земли видны были какие-то красноватые пятна. Цветы на время покрывали пески. Нам удалось увидеть «цветение» марсианской пустыни. Значит, все-таки она не так уж безжизненна, как показалось на первый взгляд!

...Вездеход готов к продолжительному путешествию. Мы должны добраться до каналов. Берем достаточный запас продовольствия, кислорода, воды. Рубка из прочной прозрачной пластмассы позволяет вести круговой обзор. Атомный двигатель обеспечивает экспрессное продвижение туда и обратно. По радио будем держать связь с кораблем. Проходимость машины дает возможность преодолеть все преграды, которые готовит нам природа Марса. Итак, в дорогу.

...Час за часом, а сквозь стекло — все те же песчаные гребни, изредка — заросли и больше ничего. Наш биолог мечтает встретить марсианских зайцев или хотя бы черепах. Один раз он даже закричал: «Стойте! Стойте!» Ему показалось что-то похожее на животное, но... поймать его — а мы не убедились в справедливости наблюдений — не удалось. Двигались к северу, постоянно справляясь с радиомаяком: он лучше всякого компаса указывает путь. Наше возбуждение нарастает. Вскоре, как говорит карта, канал. В кабине тихо, никто не хочет нарушить молчание. Обмениваемся односложными репликами. Видимо, цель уже близка. Мы закрываем наглухо шлемы скафандров. А вот и темная полоска. Это канал!

Взволнованные, мы вышли из машины и направились к полосе. Штурман опередил всех. Издалека видно было, как он шел, вернее, бежал... и вдруг остановился. Все бросились к нему. Среди кустарников и голубоватой травы мы увидели пересохшее русло реки... но реки, несомненно, созданной не природой! Когда-то, видимо, поток буйных вод заключен был в трубу. От большой артерии отходило множество мелких. Сейчас лишь развалины напоминают о былом величии технического гения марсианских инженеров, сумевших оросить безводные пустыни умирающей планеты.

И теперь по проложенным ими дорогам каждую весну устремляются талые воды полярных шапок. Каналы — линии жизни, по берегам расцветают растения, и это торжество весны видят земные астрономы. Давно уже нет тех, кто воздвиг изумляющие своим грандиозным размахом оросительные сооружения. Вода же сама идет по древним путям, и там, где уцелели отводы, возникают оазисы, голубеют растения, узенькая ниточка канала превращается в широкую, усеянную пятнами зелени дорогу жизни.

Трудно представить, как мы были потрясены увиденным. Правда, вряд ли мы встретим потомков строителей каналов. И все же Марс был обителью жизни. Значит, впереди новые, интереснейшие открытия... Именно такое чувство владело нами, когда мы возвращались на корабль.

Потом мы направились к южному полюсу. Переход оказался трудным и длительным: нас застигла пыльная буря...

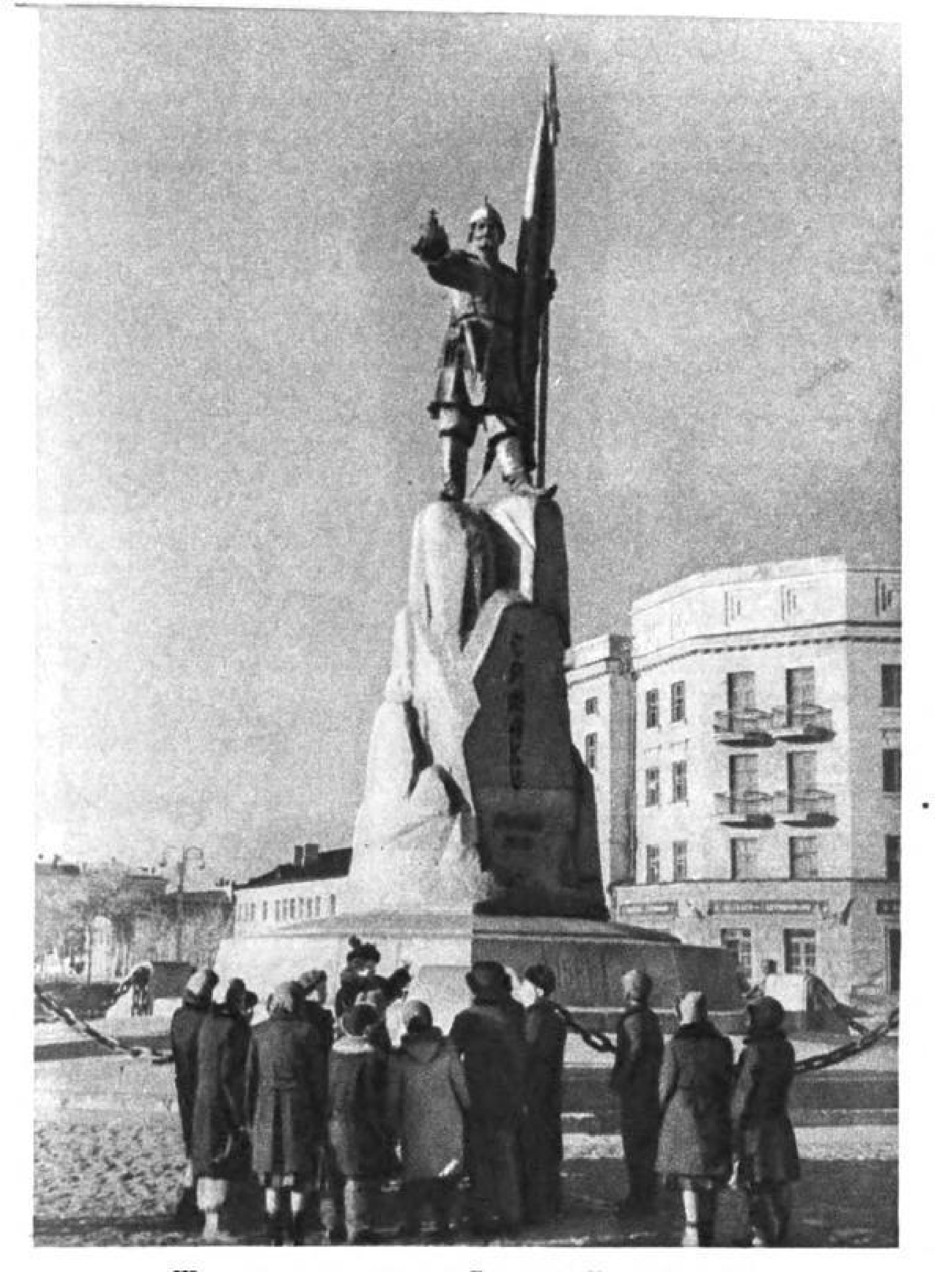

Горы — вообще редкость на гладком, ровном, покрытом слоем пыли Марсе. Ни морей, ни озер... Многочисленные «моря» на картах — низменности. Мы побывали у истоков каналов, удивляясь искусству марсиан, сумевших долгое время вести упорную борьбу с природой. Нам очень хочется найти и другие следы марсианской культуры, однако пока обнаружить их не удалось. Продолжаем изучение Марса...

«...Алло, Земля! Говорит «Марс-один», говорит «Марс-один»... Погода ухудшается. Все чаще свирепствуют бури. Но программу исследований выполним до конца. В последнем рейсе мы нашли... мы нашли...»

Прервалась связь. Земные станции продолжали посылать сигналы, техники дежурили у приемников. Видимо, что-то случилось на корабле. Оставалось одно—ждать. И ожидание не оказалось напрасным. В намеченный срок ракета появилась у Земли. Вот раскрывается люк, и, как когда-то первые лунные путешественники, пошатываясь, сходили по трапу, так сейчас вышли «марсиане», привезшие с собой разгадки многих секретов планеты, соседнего с нами мира, где также есть жизнь.

...Познание человека беспредельно. Одна за другой раскрываются тайны мироздания. Нет сомнения, что будут до конца решены и все загадки Марса, планеты, которая так давно дает благодарную пищу горячему воображению.

Школьники у памятника Ермаку в Новочеркасске.
Фото М. Савина.

В МУЗЕЕ ДОНСКОГО КРАЯ

Ник. КРУЖКОВ

Москва лежала в лиловой дымке 25-градусного мороза, а над Новочеркасском голубело ясное небо, только что отшумел ночной дождь, и птичий гомон стоял над голыми старыми каштанами,— ну, сущая весна, столь неожиданная в декабре! Чуден донской край, своеобразен, своеобычен.

И вот когда смотришь картины Николая Никаноровича Дубовского — прекрасного художника, вдохновенного поэта очаровательной нашей природы, певца родного ему донского края, где он родился и который так любил,— то понимаешь, насколько точен, реалистичен был художник в своих картинах. Вот такое же неожиданно синее небо в декабре, какое встало сегодня над Доном, я увидел в Новочеркасском музее в картине Н. Дубовского «Зима». Те же, точно такие же краски, клочковатый неокрепший донской снежок и станичные домики на взгорье. И даже ветер, колючий, дующий откудато из Задонья, чувствуете вы в картине, хоть и нет таких красок, какими его можно было бы изобразить. Даже забываешь, что это картина,— нет, сама жизнь, сама природа глядит на вас из багетной рамы.

И таков весь Дубовской!..

Сам донской казак по происхождению, Дубовской любил свой край истинно сыновней любовью; поэтому и красоту его картин постигаешь с особенной ясностью именно здесь, на Дону. Всю свою личную картинную галерею Николай Никанорович подарил родному городу Новочеркасску, и потому-то здесь, в музее, наиболее богатая коллекция его произведений.

...Только что отшумела страшная степная гроза. Лиловые, почти черные тучи клубятся вдали. Но уже пробился луч солнца, и, как зачарованный, смотрит рыбак, стоя в своей утлой лодчонке, на величественную радугу, которая легла от края и до края неба. Такова картина Дубовского «Радуга» — одно из самых пленительных его произведений.

Настоящий русский человек, Николай Дубовской любил горячее кипение жизни, широкую, бескрайнюю степь с таинственными немыми курганами, могучую реку, разыгравшуюся стихию — все то, что манит вперед к преодолению и утверждению. Еще будучи молодым художником, живя на даче у И. Е. Репина, Николай Никанорович во время разговора об искусстве вдруг, к удивлению собеседников, бросился вон из комнаты и убежал в лес. Лил дождь, и молодой Дубовской ощутил острое, непреодолимое желание подсмотреть, какие краски возникают в лесу тогда, когда на смену отгремевшему ливню выступает солнце. В теснейшем общении с природой искал Дубовской разрешения своих творческих замыслов.

Тот, кто бывал в степи, знает, как в суховейных местах внезапно возникает буря и тучи поднятой к небу земли, песка, прошлогодней травы несутся по бескрайним просторам. Картина Н. Н. Дубовского «Ураган в степи» живописует этот бунт степного ветра. Но хоть силен ветер, а человек сильней: идут по дороге волы, а их хозяин посматривает вдаль — надолго ли разыгралась непогода? Да нет, видать, уж скоро и кончится: облака в золотых отблесках солнца, еще минута — и грудь вздохнет полно, промчится, рассеется ураган...

У Дубовского немало картин, родственных по сюжету: «После ливня», «Прошел дождь», «Буря утихает». Вместе с тем мы восхищаемся нежной лирикой многих других его полотен, в которых ощущается единение человека с природой, поэзия обычного, становящегося необычным под волшебной кистью живописца.

И в каждой из его картин, начиная от больших полотен и кончая этюдами, мы видим взыскательного художника. Недаром в одном из своих писем к жене Николай Никанорович писал: «Все стараюсь высмотреть и выглядеть, чтобы понимать мир, а также и людей. Присматриваюсь к березе, закату солнца, волне, и к тебе, к Сереже, и ко всему, что встречаю в жизни».

Будучи одним из замечательных художников-передвижников, Николай Дубовской горячо верил в святость тех высоких общественных идеалов, какие лежали в основе деятельности этой великой плеяды русских живописцев и которые можно охарактеризовать двумя словами: служение народу.

— Искусство нужно будет пробудившимся массам,— говорил он в начале революции 1917 года,— правда жизни, реализм, идейность — все понадобится новому обществу!

Да, все понадобилось! Все ценное, лучшее взял на свое вооружение победивший народ. В книге посетителей выставки Дубовского есть запись, принадлежащая учащимся Ростовского художественного училища.

«Сегодняшний день посещения выставки,— пишут они,— радостен для нас. Как многому учат нас эти картины — простоте и выразительности, живописности и образности!»

В книге отзывов — записи рабочих, учителей, инженеров, военнослужащих, школьников. Все эти отзывы могут быть выражены словами:

— Как хорошо!

Посетителей в музее много, особенно по праздничным дням, можно сказать, «пушкой не прошибешь»: приезжают гости из станиц, из других городов, из Ростова.

Здесь, в этом музее, есть не только Дубовской, хоть его картины и являются первейшей ценностью, истинным сокровищем. Здесь богато представлен И. И. Крылов, к сожалению, малоизвестный широкой публике крупный донской художник, чьи пейзажи отмечены печатью большого таланта. А как хороши его «Лунная ночь», «Вечер», «Тихий день» и особенно «Азовское взморье»!.. Здесь много работ и других русских художников. Часть из них подарена городу Дубовским, а часть приобретена позднее.

И еще здесь есть то, чего не найдете нигде,— реликвии казачьей старины. И уж какой станичник, приехавший в Новочеркасск, не придет в музей посмотреть саблю Платова, подаренную славному атаману городом Лондоном, знамена донцов, ходивших с Суворовым в альпийский поход, трофейное оружие — и турецкое, и французское, и персидское, и немецкое,— знамя 1-го Донского казачьего полка с бесчисленными георгиевскими лентами и вышитыми именами павших героев, одного из первых казачьих полков, отказавшихся в 1917 году стрелять в рабочих! Увидит посетитель там и кубок югославского города Суботица, поднесенный горожанами в дар своим освободителям — Гвардейскому казачьему корпусу в 1944 году. Узнает он здесь, как в 1919 году Богаевский, белогвардейский атаман, вывез из музея за границу различных ценностей на 8 миллионов золотых рублей и как в 1947 году из освобожденной Праги это имущество было возвращено обратно в Новочеркасск.

Пусть это не покажется странным, но все эти исторические реликвии — свидетельство доблести, мужества людей Дона — как-то гармонично переплетаются с работами художников Дубовского и Крылова.

Ну, казалось бы, что может роднить саблю Платова и «Радугу» Дубовского?!

Величественная и яркая природа Дона, так мастерски запечатленная в картинах художников, добрая и широкая донская земля рождали сильные характеры. Не представишь наглядно и ощутимо историю Дона до тех пор, пока не увидишь и его просторы и его людей, полных энергии, деятельности, кипучей силы.

Новочеркасск.

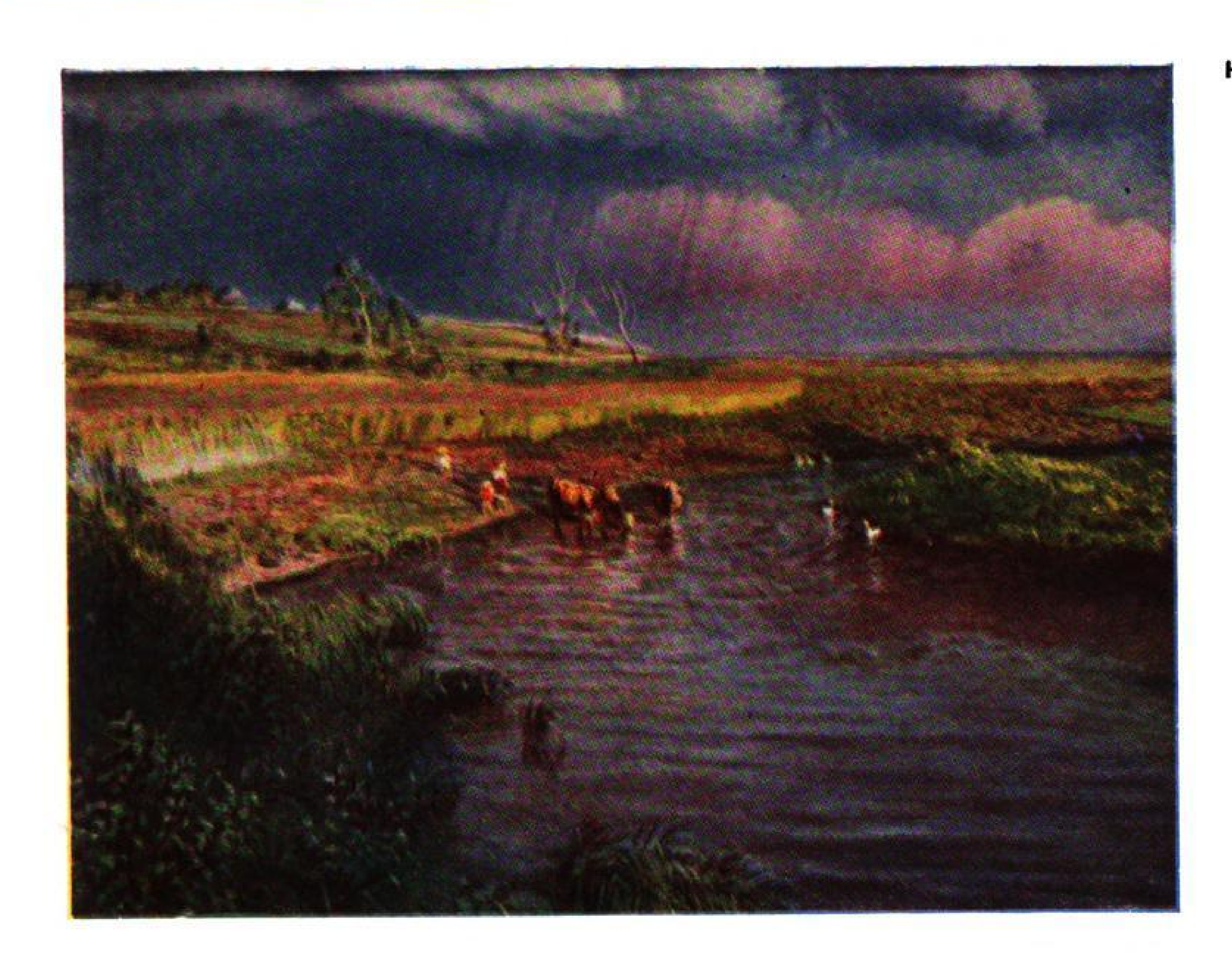

Директор Новочеркасского музея Л. Г. Шолохов и сотрудница музея Н. В. Стрепухова за разборкой фонда.

Н. Н. Дубовской (1859—1918). РАДУГА.

Новочеркасский музей.

Н. Н. Дубовской. ПРОШЕЛ ДОЖДЬ.

Новочеркасский музей.

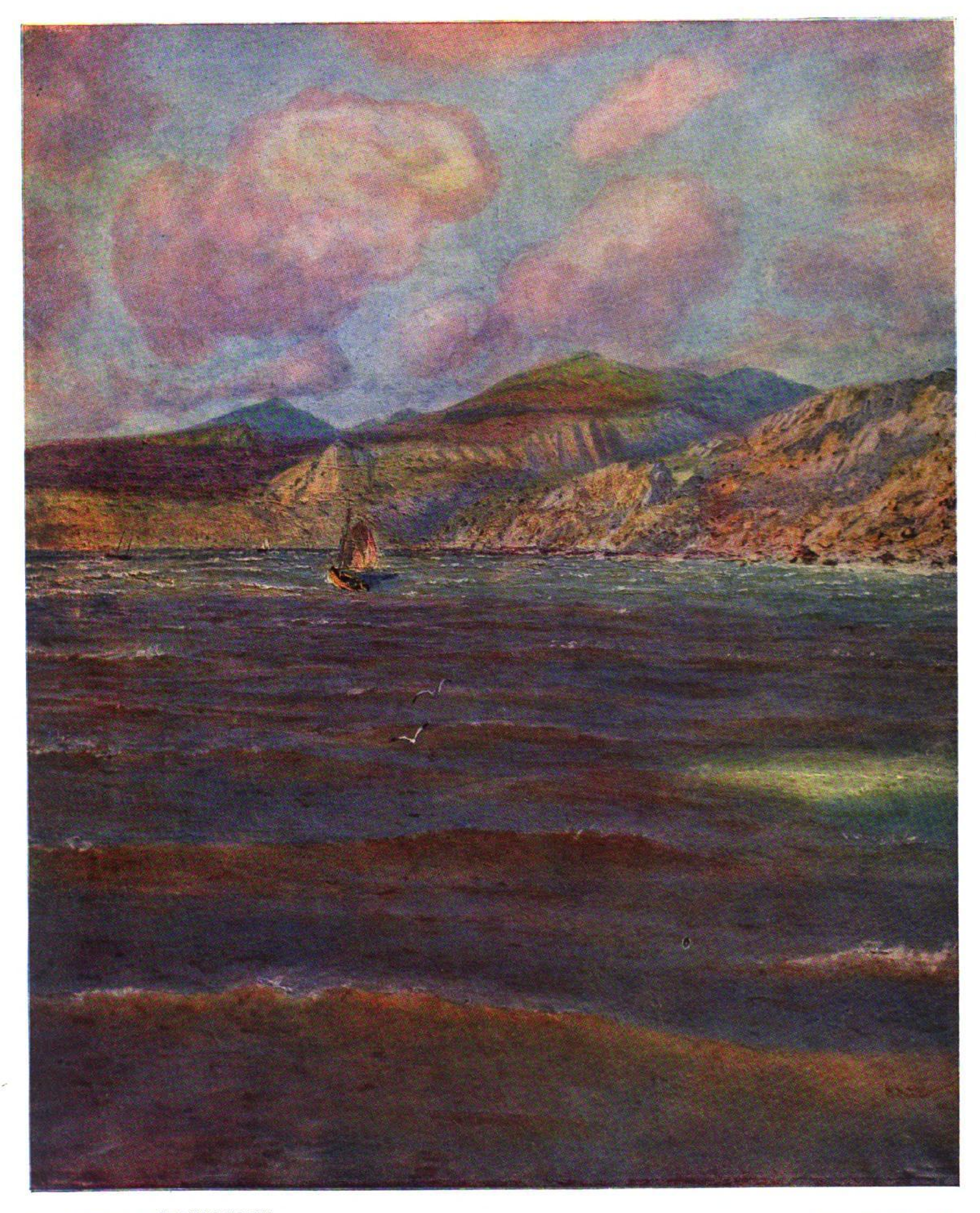
Н. Н. Дубовской. ШТИЛЬ НА МОРЕ.

Новочеркасский музей.

Н. Н. Дубовской. ОБЛАЧКО. **Новочеркасский музей.**

Н. Н. Дубовской. УРАГАН В СТЕПИ. **Новочеркасский музей.**

Н. Н. Дубовской. ЧАЙКИ НАД МОРЕМ. Новочеркасский музей.

В СЕМЬЕ МАКАРОВЫХ

Из записок адвоката

Анатолий БЕЗУГЛОВ

Рисунки Г. ХРАПАКА.

«...Когда я вбежал во двор дома номер двадцать один, гражданин Макаров Александр избивал отца. Когда я попытался задержать нарушителя порядка, последний с силой швырнул меня на землю. Я приподнялся и увидел в руках Макарова кирпич, которым он намеревался ударить меня. Гражданин Корягин схватил хулигана за руку...

Записано с моих слов верно. Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден. Сержант милиции Башкин Н. Ф.».

Да, именно так, видимо, и обстояло это дело. То же самое говорилось и в обвинительном заключении и в протоколах допросов граждан Корягина, Волосатого, Пинчука. А отец обвиняемого Василий Иванович Макаров даже добавил: «Прошу суд оградить меня, семью, все наше советское общество от хулигана, безобразника, негодяя... Я отец, но готов сам подписать ему приговор. Таким людям только в тюрьму дорога».

Я закрыл «дело» с тяжелым чувством бессилия. Кто бы ни был преступник, адвокат обязан отыскать, проанализировать и доложить суду обо всех, пусть даже самых незначительных обстоятельствах случившегося, которые могут хоть в какой-то степени смягчить вину подсудимого.

Но в деле Александра Макарова трудно было найти что-либо оправдывавшее молодого человека. Я знал, что хулиган не может заслужить снисхождения суда. Да и сам обвиняемый, видимо, понимал это. На все вопросы следователя, пытавшегося подробно расспросить его, он твердил:

— Ничего не помню, был сильно пьян.

А когда следователь пытался выяснить, как складывались отношения в семье Макаровых, как вел себя обвиняемый по отношению к отцу и матери, бывали ли раньше ссоры и скандалы между сыном и родителями, Александр упрямо повторял:

— Как отец говорит, так и было. Признаю все.

Если бы ко мне пришел кто-нибудь из родных или друзей Макарова, то я смог бы расспросить о юноше у них. Но никто не являлся. Защита обвиняемого была поручена мне судом.

Я внимательно просмотрел все документы, которые могли бы дать представление о личности молодого человека, помочь разобраться, что произошло в жаркий августовский день во дворе старого дома.

Бумаг было немного. Характеристика из конторы Мосэнерго, где обвиняемый работал монтером, была составлена в тех самых «резиновых» выражениях, которыми наши отделы кадров так ловко прикрывают порой свое неумение по-настоящему оценивать людей:

«Работает над повышением своей квалификации... Нарушений трудовой дисциплины не имеет...»

Сосед Макаровых Пинчук показал, что с ним, Пинчуком, Макаров неоднократно ссорился, ругался, оскорблял его. На вопрос следователя, часто ли свидетелю приходилось видеть Александра пьяным, Пинчук ответил утвердительно.

Я решил не делать никаких выводов, не думать о плане предстоящей защиты до тех пор, пока не увижусь с самим обвиняемым.

Надзиратель ввел в кабинет худенького, даже хрупкого юношу в темном костюме и бесшумно вышел. Остриженный под машинку Макаров казался еще моложе своих девятнадцати лет. Смотрел он на меня недоверчиво.

Я задал несколько обычных вопросов. Макаров отвечал неохотно.

— Как же все-таки это произошло? — спросил я, стараясь вызвать его на непринужденную беседу.

— В деле записано, — нахмурился мой собеседник. — Там все правда.

— Давно вы начали пить? — поинтересовался я.

Злые искорки мелькнули в острых мальчишеских глазах.

— Отец же сказал, что пью с четырнадцатилетнего возраста. Значит, с четырнадцати и пью...

— Что же, он сам давал вам на водку?

— Сам? — усмехнулся Макаров. — Он святой... Мне следователь читал характеристику с места его работы. Там тоже написано, что он святой.

— Скажите, Саша,— мягко спросил я, — за что вы так не любите отца?

Макаров густо покраснел.

— Я свой долг понимаю, — зло сказал он, — деньги в семью отдаю. А как я к отцу отношусь, это никого не касается.

Мне показалось, что разговор об отце может только озлобить юношу и лучше с этой темой повременить. Я заговорил о другом.

— А нельзя ли сделать так? — вдруг хмуро перебил Макаров. — Меня на суд не приводить, а вы выйдете и скажете: так, мол, и так, был пьян, ничего не помнил. Но виновным себя во всем признает, никаких свидетелей не нужно. С любым приговором согласен.

— Позвольте, Саша! — вырвалось у меня. — Может быть, вы думаете, что опьянение оправдывает вас? Я же вам объяснил...

— Так ведь я же не для оправдания. Не верите? Можете сказать суду, что я прошу считать меня трезвым, что я бы и в трезвом виде так же себя вел. Пусть только никаких свидетелей не допрашивают. Сам во всем признаюсь.

Долго я беседовал с Александром. Несмотря на его замкнутость, явное нежелание говорить о деле, на дерзкие порой ответы, что-то цельное, неиспорченное чувствовалось в этом худеньком юноше, и мне искренне захотелось помочь ему. В девятнадцать лет никого нельзя назвать безнадежным, а от приговора суда зависела вся будущая жизнь Макарова.

Но он упорно не понимал этого, как ни старался я втолковать ему очевидную истину.

Возвращаясь домой, я пытался суммировать свои впечатления и оценить столь неблагоприятное для защитника поведение обвиняемого. Ясно, что Александр очень озлоблен на отца. Но почему он не только не хочет защищаться, но оговаривает себя? Никто не показывал, что Макаров появляется на работе в пьяном виде. Сам же он утверждает это. Деньги в семью он, видимо, отдавал полностью, хотя отец говорит о другом.

Многое выяснилось бы, будь у меня возможность поговорить с матерью, с соседями. Но адвокату не дано право вызывать свидетелей в консультацию. Теперь я с особой остротой почувствовал неправильность этого положения.

Что мне делать? Мой подзащитный фактически отказывается от защиты. Чем же можно помочь ему?

Мне вспомнилось несколько других похожих дел. Я выбирал то одну, то другую версию, чтобы объяснить этот случай. Может быть, произошло нечто, напоминающее известное в свое время дело Горбунова, описанное видным дореволюционным журналистом Власом Дорошевичем?

Купеческий сын Горбунов, доведенный до отчаяния отцом-самодуром, участвовал в его убийстве.

Но тут же я раздраженно подумал: «Какое отношение имела моя аналогия к делу Макарова? Только в материалах самого дела следует искать решение. Оно должно быть там». В прошлый раз, еще до встречи с обвиняемым, я, признаться, не обратил внимание на некоторые, так сказать, «подспудные» факты. Мне казалось, что разговор с Макаровым-отцом и без того откроет мне глаза на существенные стороны дела.

Теперь же я придирчиво продумывал каждую фразу показаний.

Почему Макаров-старший, многократно повторяя: «Он всегда буянит и дерется. Это вся квартира подтвердит», — в качестве свидетеля назвал одного только Пинчука?

Почему свидетелями, видевшими начало ссоры в квартире и затем драку во дворе, оказались жильцы соседнего дома Корягин и Волосатый? Где были жильцы дома № 21? Неужели никто из них не видел и не слышал скандала? А может быть, пострадавший по каким-либо причинам не хотел, чтобы они присутствовали на суде?

Почему Макаров-отец без всякого наводящего вопроса со стороны работника милиции начал вдруг говорить про некую Васильеву, к которой ушла его жена в момент начала драки, что это «порочная женщина, всегда нас недолюбливавшая»? Нет ли тут умысла заранее скомпрометировать возможного свидетеля защиты?

Неясна была и сама завязка драки. По словам отца и его знакомых Корягина и Волосатого, выходило так: пьяный Александр Макаров ворвался в комнату и ни с того ни с сего бросился на отца, разговаривавшего с матерью. Мать выбежала. Отец бросился следом за ней, спасаясь от сына. Макаров-младший настиг отца в углу двора и пытался задушить его.

А свидетель Пинчук заявил, что решил, будто отец и сын «балуются», и не обратил внимания на них, так как читал книгу. Потом, случайно оторвавшись от книги, он увидел, что Александр набросился на милиционера. Как мог человек, знавший о постоянных скандалах и драках в семье Макаровых, подумать о какой-то «игре»?

У меня складывалось убеждение, что происшествие в семье Макаровых не было случайным эпизодом. Оно явилось только последним звеном длинной цепи подобных фактов, и не в интересах отца вскрывать подлинные отношения в семье.

Может быть, кое-что разъяснит мне мать? Я обратился к заведующему консультацией с просьбой вызвать Лидию Дмитриевну Макарову. Я не мог просить о вызове ее как свидетельницы, но убедил заведующего, что мы имеем право обратиться к ней как к матери подсудимого для разъяснения некоторых вопросов. Заведующий скрепя сердце согласился. Но мать не пришла.

В план моей подготовки к защите входил и осмотр места происшествия. Нужно было точно знать обстановку, чтобы иметь возможность проверить ответы свидетелей на суде. Полный раздумий о странной позиции подзащитного, но так и не найдя окончательного ответа, вошел я во двор дома № 21.

Многого осмотр не дает. Но нельзя упустить ни одной детали. На судебном следствии все пригодится.

На балкон вышла женщина и начала поливать цветы. Я тяжело вздохнул. Быть может, эта седая, неторопливая гражданка дала бы мне настоящий ключ к правильной защите, но я не имею права разговаривать с ней и покидаю двор.

В консультации меня ждал посетитель. Это был невысокого роста белокурый юноша в белой тенниске.

— Простите, — нерешительно сказал он.— Я узнал, что вы занимаетесь делом Макарова. Хотел бы побеседовать с вами. Если, конечно, вы не возражаете...

Мог ли я возражать! Я улыбнулся. А юноша, по-своему истолковав это, взглянул на меня недружелюбно и холодно.

Пришлось в общих чертах объяснить, в чем дело.

— Чего же я раньше к вам не пришел? — виновато сказал он. — Моя фамилия Муравьев. Я секретарь комсомольской организации конторы. Макаров, правда, не комсомолец, но всегда был хорошим общественником. И мы полагали, что он достоин... Я говорил с ним как-то. Он, знаете, очень самолюбивый. Ответил: «Сейчас не могу, в политике очень слабо разбираюсь. Начну с осени ходить в кружок. Когда почувствую, что имею право, сам напишу заявление...» Простите, это все, наверное, не имеет отношения к делу, это я так, к слову, говорю.

Я объяснил Муравьеву, что важна каждая деталь поведения Макарова. Одно слово, которое, конечно, никогда не мелькнет в официальной характеристике, слово «самолюбие» объяснило мне многое в поведении Александра.

Муравьев рассказал, что вся контора была очень удивлена арестом Макарова. Александр был на работе дисциплинирован, вежлив, исполнителен. Никто никогда не видел его пьяным.

— Даже в компании — мы несколько раз с ним вместе бывали — выпьет рюмочку — и все. «Я, — говорит, — не поклонник головной боли по утрам».

Все это не имело никакого значения с точки зрения самого преступления Макарова. Но мне становилось все ясней и ясней, что Макаров-отец давал заведомо ложные показания, а сын почему-то признавал все, фактически оговаривая самого себя.

— Был я в милиции, — продолжал Муравьев. — Начальник — очень вежливый человек. Рассудительный такой. Говорит: все это не оправдывает... Я и сам знаю, что не оправдывает. Только я думаю, что раз Сашка напился, может быть, какие-то очень большие неприятности у него были...

— А что бы это могло быть? — поинтересовался я.

— Вы простите, — смущаясь, сказал Муравьев. — У него... в общем, он очень из-за одной девушки переживал... Валя ее зовут. Я понимаю, что об этом нельзя говорить, но раз уж такое дело, надо все сказать...

Я начал догадываться, для кого именно была придумана версия об опьянении.

— Скажите, товарищ Муравьев, — задал я юноше самый наболевший вопрос, — вы не знаете, как вообще складывались отношения Макарова с родителями?

— Не знаю. Были мы у него дома. Уже после того случая. Отец и мать куда-то уходили. Говорили с соседями. Они по-разному отвечают. Один мужчина, усатый такой, на таракана похож, стал кричать: «Ты что, дружка выгораживать пришел, первого хулигана? Видно, сам такой!» А две женщины сказали: «У них отец — заводиловка, над матерью издевается...»

— Вы не узнали фамилию усатого? — спросил я, предполагая, что Муравьев встретился с Пинчуком.

— Узнаешь у него... Я ему говорю: «Товарищ...» А он: «Серый волк тебе товарищ».

— А фамилии женщин?

— Спрашивал. Не говорят. Боятся.

— Чего боятся?

— Они не сказали, что боятся, но чувствовал: не решаются они.

Я решил установить через домоуправление фамилии соседей Макаровых и вызвать их в суд. Теперь причины поведения моего подзащитного стали для меня почти ясны. Очевидно, немалую роль сыграла в этом неизвестная мне девушка. Вспомнилось: «Ничего не помню, был сильно пьян. Судите без свидетелей. Все признаю».

Это, разумеется, нелепо в положении обвиняемого, но вполне объяснимо в положении застенчивого, самолюбивого влюбленного. Легко ли признаться в том, что поднял руку на родного отца, будучи в здравом уме!

Да, поведение моего подзащитного не походило на поведение пропойцы и буяна.

И вдруг меня поразила простая мысль. Все мои логические ходы были четко мотивированы и обоснованы. Но я исходил только из одного возможного предположения: Александр — жертва поведения отца. А что если правду говорят отец и Пинчук? Тогда на суде вскроется, что весь метод защиты неверен. И буян, безобразник, хулиган, которого пытаются представить хорошим, случайно споткнувшимся парнем, будет выглядеть еще отвратительней и вызовет лишь более суровую реакцию судей.

Оставив все дела, я снова поехал в тюрьму. Дежурный усмехнулся, увидев меня еще раз.

— Ездите, будто первое дело ведете. Обыкновенное хулиганство, и все...

Макаров был удивлен, услышав от меня о Вале и Муравьеве.

Чувствовалось, что ему стоило огромных усилий взять себя в руки.

Я рассказал подзащитному все, не умолчав о своих сомнениях. И тут же почувствовал, что все испортил.

— Ну что ж,— раздраженно сказал Александр, — защищайте, как хотите, все равно сидеть.

Я не мог простить себе такого промаха. Макаров подумал, что я попросту не верю ему, и «закрылся». Этого следовало ожидать от гордого, самолюбивого юноши.

— Скажите, а каковы ваши отношения с Валей? — спросил я, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло.

— Никаких отношений не было, разве она с хулиганом будет знаться? — буркнул он.

Больше я ничего не добился. Однако эта реплика Макарова подсказала мне недостающие детали моей версии.

Но мои предположения могли быть правильными лишь в том случае, если признать Александра невиновным в семейных раздорах. А если он был виновен?..

Быстро прошла вступительная часть судебного заседания. Александр, сидя за барьером на скамье подсудимых, понурил голову и, казалось, не слышал, что происходит вокруг него. Только глаза его поблескивали из-под нахмуренных бровей, отыскивая кого-то в зале.

Закончены допросы отца и сержанта милиции Башкина, повторивших все то, что было известно из материалов дела. Теперь судья спрашивает мать.

— Скажите, свидетельница, ваш сын пьянствовал?

Мать, пожилая женщина с измученным лицом, пересеченным свежим шрамом, всхлипывает:

— Вы уж простите его...

— Скажите, бывали ли раньше случаи, когда сын кидался на отца с кулаками?..

Мать молчит.

— Легко ли против своего дитя говорить! — вздыхает какая-то женщина.

Один из заседателей интересуется:

— Откуда у вас этот шрам?

— Портрет на голову упал, — тихо говорит Макарова, опуская глаза. Я бросаю взгляд на Александра. Юноша сжимает кулаки, из глаз его вот-вот брызнут слезы. Нет, не в упавшем портрете тут дело.

— Скажите, — спрашиваю я, — как это произошло?

Но она опять замолчала и потянула к глазам мокрый платок.

Суд решает прекратить допрос и перейти к следующему свидетелю.

Пинчук бойко рассказывает о драках, скандалах, дебошах.

— Вы читали книгу в момент появления милиционера? — неожиданно спрашиваю я.

— Читал, — браво отвечает Пинчук, поворачиваясь ко мне и вытягивая руки по швам.

— Какая была это книга?

Свидетель недоуменно смотрит на меня и почти про себя бормочет:

— Забыл название.

Пинчук смущен и начинает путаться. Я задаю еще несколько вопросов, и он признается, что никакой книги не читал, а разговаривал на кухне с женщинами. Так и есть. Значит, были еще свидетели, но Пинчук старался скрыть это: Пальцы его начинают нервно теребить пушистый ус.

— Скажите, свидетель, — продолжаю я спрашивать, — что вам известно об отношении Василия Ивановича Макарова к жене?

Пинчук зло смотрит. Нет, не на меня, на Макарова-старшего. Во взгляде его ясно написано: «Эх, и втянул ты меня в гиблое дело!»

— Ничего мне не известно,— коротко бросает он.

— Да как же так! — вскрикивает вдруг пожилая женщина в зале.— Ты что, глухонемой, что ли?

Председатель делает женщине замечание.

Начинается допрос Волосатого. Я чувствую, что свидетелю не по себе. Видимо, уже при входе в зал суда на него удручающе подействовал вид приятелей — мрачного, насупившегося Пинчука и явно нервничающего Макарова-старшего.

Показывает Волосатый то же, что и на следствии. Случайно зашел к Макарову-отцу вместе с Корягиным. Вдруг откуда ни возьмись пьяный сын. Что-то закричал, хотел задушить отца.

— Итак, вы утверждаете, что Макарова разговаривала с мужем

и крови на ее лице не было? — спрашиваю я.

— Нет, не видел. Крови не было. Голова была у нее перевязана.

Допрос Корягина идет тем же путем. Но на вопрос, была ли на голове Макаровой повязка, он, не зная показаний Волосатого, отвечает:

— Нет, не была перевязана, и никакой крови не видел.

Я прошу вызвать свидетельниц-женщин. Они отвечают робко, мнутся, почему-то с опаской поглядывают на Макарова-старшего. Но все же удается выяснить, что окровавленная Макарова выбежала из комнаты за несколько секунд до того, как были слышны крики, и из той же двери выскочили отец и сын Макаровы. Никакой повязки на голове у нее не было. Перевязали ее соседи.

— Так как же все-таки была нанесена рана Макаровой? — снова спрашиваю я Волосатого. Теперь он должен сказать правду. Он уже уличен во лжи, и единственный путь исправить свою ошибку — это искренне рассказать обо всем.

— Василий Иванович ударил ее, — вздыхает Волосатый.

Я прошу свидетеля рассказать подробности, и он говорит. Макаров-отец бросает на него злобные взгляды. Но Волосатый, видимо, уже осознал, что запираться нет смысла, и рассказывает на этот раз все, как было.

Оказывается, началось все с ссоры между родителями. Отец, желая угостить Волосатого и Корягина, схватил жакетку жены и хотел выйти на улицу, чтобы продать эту жакетку за бесценок. Мать умоляла отца не делать этого. Тогда отец ударил ее. Вошедший Александр заступился за мать, и между отцом и сыном завязалась драка.

Макарова спряталась у соседей, а мужчины выбежали во двор. Там Александру удалось догнать отца, и, не помня себя, он кинулся на него, а потом набросился на милиционера, который пытался разнять их.

— Был ли Макаров пьян?

Волосатый не знает, хотя на следствии, не задумываясь, показал, что Александр был пьян.

Я чувствую, что свидетель обозлен на Макарова-старшего, втянувшего его во всю эту историю, и щадить своего собутыльника не станет. Пользуясь этим, прошу рассказать все, что известно о взаимоотношениях отца и сына. И Волосатый рассказывает о систематических издевательствах Макарова над женой, о том, что сын часто заступался за мать и отношения его с отцом были очень напряженными.

Теперь женщины-свидетельницы не выдерживают. Они рассказывают суду целую повесть о домашнем тиране.

— Верно это? — спрашиваю я Макарову.

— Все правда, — устало говорит она.

— Почему же вы не рассказали об этом раньше?

Лидия Дмитриевна молчит. Но и так ясно, в чем дело. Боялась мужа, точно так же, как боялись его соседи.

Александр еще ниже опускает голову, плечи его вздрагивают. Когда председательствующий предлагает ему встать и снова рассказать о случившемся, он по-детски всхлипывает:

— Не могу я об этом говорить. Верьте не верьте, по ночам отец снился, как он с кулаками на мать кидается. На работе нахожусь, все из рук валится. Только и думаешь, как там дома, не покалечил бы ее. Все, что из одежды у матери было, да и моего много, продал, пропил...

— Почему же вы не обращались в милицию, в суд?

— Так ведь родной отец, — тихо говорит Александр.

— Но из материалов дела вы знали, что этот самый отец требовал посадить вас в тюрьму... Почему вы тогда не рассказали о его бесчинствах следствию?

— Так следствие все-таки чужое, а отец, какой ни есть, родной.

Снова допрашивают Макарова-отца. Он держится дерзко. Все свидетели, по его словам, — лжецы. Их запутал и запугал адвокат. Жена — темная женщина и сама не понимает, что говорит...

В зале поднимается ропот возмущения, и судье с трудом удается водворить тишину.

Едва «потерпевший» Макаров умолкает, милиционер Башкин просит слово.

— Кто ж его знал, — говорит он сокрушенно, — что тут такое дело! Я хочу одно только сказать, граждане судьи. Осудите ли вы Макарова Александра или нет, это вам уж виднее с точки зрения закона. Но я лично, как человек, как Башкин Николай, прослушав все тут на суде, против этого товарища, что меня на землю швырнул, ничего иметь не могу и не имею... Неправильно, конечно, действовал, да ведь такой отец до чего угодно доведет.

Выслушав мою защитительную речь и последнее слово подсудимого, суд удаляется на совещание. Время длится утомительно долго. Наконец объявляется приговор.

Александра признают невиновным в хулиганстве. Что же касается посягательства на милиционера, то за это юноша должен быть наказан. Но, принимая во внимание, что это произошло при исключительных обстоятельствах, суд считает возможным ограничиться исправительно-трудовыми работами по месту службы.

Вслед за приговором оглашается частное определение. Макаров-отец привлекается к уголовной ответственности за систематическое истязание своей жены.

По залу проносится гул одобрения.

Публика расходится. Мимо меня проходят освобожденный из-под стражи Александр и мать, которую он бережно поддерживает под руку. Рядом шагает сержант Башкин и что-то взволнованно говорит.

Молчаливые соседи сопровождают эту группу. По лицам заметно, что многие из них чувствуют свою вину. Их молчание, их невмешательство — все это привело к беде Александра и позволило так долго бесчинствовать дебоширу-отцу.

Последним из зала выходит Макаров-старший.

— Я буду протестовать! — кричит он. — В горсуд пойду. В верховный. Я тоже адвоката найму...

Убедившись, что кричит он зря и что его все равно никто не слушает, Макаров зло сплевывает и, сутулясь, идет в противоположную сторону.

ГЭС на замке

В первом же селе после Гори появился указатель с направлением на ТирипониГЭС. Он мелькнул на повороте дороги за деревьями, с которых недавно убрали последние дары Карталинской долины — золотые ароматные плоды айвы.

В придорожных и садовых канавках струится вода, посланная сюда магистральным каналом Тирипонской оросительной системы. На 19-м километре, там, где крутой склон горы образует естественный водный перепад и шумный поток устремляется вниз, в долину, стоит сельская ГЭС. Но это не обычная станция.

Управление Тирипонской сельской ГЭС настолько автоматизировано, что отпала необходимость в постоянном обслуживании и наблюдении за ее работой. Дежурный лишь периодически следит за оборудованием и аппаратурой и устраняет неисправности по сигналам, которые поступают от автоматов. Даже самое дежурство возможно здесь не на самой станции, а на дому.

Уголок комнаты дежурного на дому.

Неподалеку от здания станции стоит дом обслуживающего персонала. В нем — комната дежурного: койка, стол с телефоном и сигналами. Но и в комнате ни души.

Дежурного инженера мы застали на огороде.

— Одну минуточку, я только возьму ключи, — закивал он нам еще издали и направился к дому.

Ворота отперты, мы входим в здание станции.

Обычный машинный зал сельской ГЭС. Лишь присмотревшись внимательнее, различаешь небольшие механизмы, окрашенные в красный и черный цвет. Станция работает нормально, и поэтому механизмы эти сейчас бездействуют. Точнее, они настороже. Но вот дежурный инженер что-то незаметно откручивает и увлекает нас в другую комнату, к щиту управления. Здесь уже горит надпись: «Неисправность гидротехнического оборудования». Резко звучит сигнал.

Обходим щит и видим на обратной его стороне панель автоматики и защиты, всю усеянную сигнальными коробками и знаками. Их здесь несколько десятков. В одной из сигнальных коробок торчит красный флажок. Этот автомат оповестил человека о том, что произошла «потеря струи в системе охлаждения».

— То, что я и сделал, когда мы были у машин, — сказал инженер, — искусственно уменьшил подачу воды в рубашку подшипника.

Он возвращается к машинам. Мы же остаемся у панели и наблюдаем, как, издав характерный звук, автомат убирает флажок. Снимается и звуковой сигнал. Норма восстановлена.

А за стенами станции происходит в это время следующее. Одновременно с сигналом на панели автоматики раздался сигнал вызова дежурного на станцию: зажглась красная лампочка на столе в «дежурке на дому», и загудела сирена, укрепленная под карнизом балкона жилого дома. По этому зову дежурный должен немедленно пойти на станцию и, ориентируясь по сигналам на панели, ликвидировать помеху. В случае же аварии автоматы сами, до прихода человека, останавливают машину, агрегат или станцию в целом.

Вся эта система сигналов и дает возможность дежурному спокойно отлучаться из комнаты (но не с территории ГЭС!) и делать то, что невозможно не делать, если ты живешь в сельской местности и по натуре не лежебока.

Во время нашего посещения диспетчер с подстанции распорядился: остановить агрегат ГЭС в связи с временным уменьшением спроса на электроэнергию. Дежурный повернул ключ, цепь автоматов разгрузила агрегат, закрыла затворы, подающие воду в турбины, затормозила колеса турбины и проделала еще множество мелких операций.

Так попутно выяснилось, что ТирипониГЭС связана с энергосистемой республики. У этой станции — одной из наиболее мощных сельских ГЭС — довольно многочисленная клиентура: 31 колхоз, 2 МТС, 1 городок.

Ключ снова повернулся в замке, и дом на канале продолжал нести службу в полном одиночестве.

Но за сегодняшним безлюдьем сельской ГЭС представилось нам немало людей, создавших все эти надежные, простые, дешевые механизмы и схемы управления. Этих людей и сейчас можно встретить на многих сельских станциях Грузии, автоматизируемых по примеру Тирипони. Они увлечены идеей сплошной автоматизации в малой энергетике, что позволит сосредоточить и управление станциями в центрах.

И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

ТирипониГЭС.

Ценное исследование бывшего колхозника

«...Я надеюсь в будущем получить подробное изложение этой работы, так как она представляет большую ценность для исследований в моей лаборатории. Проблема очень трудна, и многие кристаллографы в Британии и других странах потерпели неудачу в ее разрешении. Я считаю, что мистера Мамедова можно поздравить с его достижением...»

Эти строки принадлежат выдающемуся английскому физику и борцу за мир Джону Берналу. Мы взяли их из отзыва на кандидатскую диссертацию двадцативосьмилетнего Худу Мамедова. С этой работой бывшего колхозника, называющейся «Кристаллическая структура ксонотлита», Джон Бернал познакомился, находясь в Москве.

Кандидат геолого-минералогических наук Х. Мамедов.

Фото В. Калинина.

Ценность исследования заключается в том, что диссертанту удалось после упорных двухлетних исследований расшифровать сложную структуру силиката, играющего особенно важную роль в процессе твердения цемента.

Ученый совет Института кристаллографии Академии наук СССР единогласно присвоил Худу Сурхай оглы Мамедову ученую степень кандидата геолого-минералогических наук.

Примечателен путь в науку молодого колхозника из азербайджанского селения Мерзили. Однажды, находясь на летних пастбищах Лачинского района с животноводческой фермой своего колхоза, Худу Мамедов обнаружил в Каранлыкском ущелье выходы на поверхность какого-то странного минерала розоватого цвета. То были залежи родонита, которые привлекли внимание пытливого паренька. Позже, когда Худу Мамедов уже учился на последних курсах геолого-географического факультета Азербайджанского университета, он снова побывал в этих местах: студент готовил дипломную работу «Марганцевые минералы Каранлыкского ущелья». Окончив университет с отличием, Худу Мамедов начал работать в Институте химии Академии наук Азербайджанской ССР. А в Институте кристаллографии в Москве, куда Худу Мамедов был направлен в аспирантуру, он стал учеником академика Н. В. Белова.

Недавно Х. Мамедов вернулся в Баку, где продолжает сейчас свое исследование в Институте химии Академии наук Азербайджанской ССР.

А. КИКНАДЗЕ

Сельские АТС

На тренировочный участок потоком поступают готовые автоматические телефонные станции. По внешнему виду они напоминают простые шкафы. Но вот снимают корпус, и обнажается внутреннее устройство станции, ее сложный и точнейший механизм: реле, приборы, сигнализация...

В зале раздаются тоненькие звуки «зуммеров», непрерывно пощелкивает реле. Мастер участка В. И. Становой не только по приборам, но часто и по слуху улавливает малейшие помехи.

Становой — один из пионеров производства отечественной телефонной аппаратуры. Свыше двух десятилетий тому назад он в качестве рабочего участвовал в изготовлении оборудования для дальней междугородной связи Москва — Хабаровск. С тех пор освоено много различных АТС. Вот и сейчас заводской коллектив обязался в рекордный срок — за три месяца—выпустить 50 сельских АТС.

Проверка готовых сельских АТС.

Фото Н. Ананьева.

Последнее слово о качестве новых станций принадлежит старшему контролеру — технику А. И. Клушенцевой. Она подходит к маленькому столику с телефонными аппаратами, снимает с рычага трубку и набирает какой-либо номер.

Все в порядке! На корпусе пятидесятой сельской АТС — последней из первой серии — появляется марка ленинградского телефонного завода «Красная заря».

Эти АТС обеспечивают автоматическую телефонную связь колхозов, совхозов, МТС, сельсоветов и других сельских учреждений с районным и областным центрами. Емкость каждой станции — 40 номеров. Если в момент вызова номер окажется занятым, набирать его вновь не надо: как только номер освободится, абонент получит вызов.

Портативную АТС можно установить в небольшой комнате; станция не требует постоянного присутствия обслуживающего персонала.

Большая партия новых автоматических телефонных станций направляется в районы освоения целинных и залежных земель. На заводе «Красная заря» налаживается серийное изготовление сельских АТС и другой емкости — по двадцать номеров.

К. ЧЕРЕВКОВ

НА РОДИНЕ УРАЛЬСКИХ АМЕТИСТОВ

Только опытный глаз при свете шахтерской лампочки может заметить среди серой породы едва видимую жилку кварца. Указывая на нее, геолог Александр Васильевич Глаков говорит:

— По этому поводку и рвать будем.

Окончены последние приготовления. Уже поднявшись из шахты, мы услыхали глухой подземный взрыв. Через некоторое время горняки спускаются в забой и кусок за куском выдают наверх подорванную породу.

Среди кристаллов горного хрусталя сверкают изумительные по своей красоте аметисты.

Уральские аметисты обладают особенностью менять окраску от освещения. Они горят красным огнем при электрическом свете и сверкают фиолетовым отблеском днем.

И вот мы на родине этих камней, в Мурзинке. Десятки километров отделяют ее от ближайшей железнодорожной станции. Кругом таежный лес, болота. Здесь около притока Туры, речки Нейвы, почти три века назад были открыты месторождения самоцветов. А позже Мурзинка — целый район, тянущийся больше чем на пятьдесят километров вдоль восточных склонов Урала,— стал известен далеко за пределами России. Отсюда гранильщики получали красивые дымчатые хрустали, бериллы, аквамарины, чудесные полихромные турмалины...

В прошлом году сюда пришли геологи. Они разбили палатки и приступили к работе. Пришлось все начинать заново. Впервые была составлена крупномасштабная геологическая карта района. Наметили места закладки новых шахт. Среди болот и старых, заброшенных копей растет поселок советских искателей самоцветных камней.

Недавно с новых месторождений на гранильные фабрики страны отправлены первые партии прославленных уральских аметистов.

Ю. РЯБОВ, А. ГРИГОРЬЕВ

Юбилей якутского овощевода

Зимой в Якутии много дорог. Они проложены по нехоженой тайге, по промерзшим до дна озерам, по льду великой сибирской реки Лены. Суровые морозы сковали якутскую землю. И черный гребень тайги, и берега рек, и глухие распадки тонут в холодном, непроницаемом тумане.

На дорогах, что ведут к селу Павловскому, Мегино-Кангаласского района, в этот морозный день было оживленно. Сюда направлялись легковые и грузовые автомашины, обгоняя на пути маленькие деревенские санки и легкие розвальни. В машинах и конных возках сидели по-праздничному одетые молодые и пожилые люди, мужчины и женщины. На многих из них — теплые меховые дохи, по краям заиндевевшие от мороза...

Все они торопились в павловский колхоз «Санга олох» («Новая жизнь»), к знатному якутскому овощеводу лауреату Сталинской премии Михаилу Григорьевичу Егорову, который отмечал свое семидесятилетие.

М. Г. Егоров знакомит со своими экспонатами приехавших на юбилей.

Фото Я. Рюмкина.

...В коридорах клуба, в комнате, где на столе выставлены натуральные экспонаты, идут оживленные беседы. Люди удивляются выращенным в открытом грунте арбузам и тыквам. На якутской земле Михаил Григорьевич добился невиданных урожаев огурцов и капусты, помидоров и моркови. Он возделывает тыкву, вес которой достигает при созревании пуда. Одним из первых на этих широтах лет пятнадцать тому назад Егоров начал выращивать кукурузу и доказал, что и в условиях Якутии она может давать початки.

Михаил Григорьевич, бывший батрак, еще на заре коллективизации пристрастился к огородничеству, стал пионером широкого развития овощеводства во всех центральных районах Якутии, активным пропагандистом внедрения овощей в пищу якутов. И вот минувшим летом колхозники «Новой жизни» получили по 250 центнеров капусты с гектара, собрали богатый урожай огурцов, томатов, лука, моркови, свеклы.

Как старые друзья, встретились Егоров и старейший огородник колхоза имени Маленкова, Усть-Алданского района, Митрофан Васильевич Бурцев. Много лет тому назад Михаил Григорьевич подарил ему щепотку семян овощей. А теперь в усть-алданском колхозе получают богатые урожаи капусты и помидоров.

Юбиляра приветствуют министры и колхозники, ученые и пионеры, директора МТС и председатели правлений колхозов.

Пришли поздравительные телеграммы от друзей с ВСХВ, из Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева...

Граница овощеводства теперь перешагнула Полярный круг. Капуста и огурцы, лук и картофель выращиваются даже на берегу Ледовитого океана и в горах Верхоянья, в Жиганске и Нижне-Колымске. Сам Егоров обычно угощает гостей огурцами и зеленым луком еще перед Первым мая: они прекрасно вызревают под стеклянной крышей теплицы, несмотря на апрельские вьюги и весенние морозы.

Е. ВИЛЛАХОВ.

Телевидение в Угличе

Мачта телевизионной антенны в Угличе.

Фото Ф. Сенилова.

Не только москвичи, но и жители близких к Москве городов и сел наблюдают по телевизору за игрой футболистов на стадионе «Динамо». Вместе с москвичами волнуются у экрана и телезрители в древнем городе Угличе, Ярославской области. Углич отстоит от московского телецентра на 205 километров. На таком дальнем расстоянии раньше не принимались московские телевизионные передачи обычным телевизором.

Инициативные работники Центральных механических мастерских Гидропроекта в Угличе — инженер В. Суханов, техники Н. Ложкомоев, А. Румянцев — поставили перед собой задачу организовать прием московских телевизионных программ на обычный телевизор «Авангард». Их не остановили первые неудачные опыты и не смутило расстояние. Они сконструировали оригинальную антенную мачту и с помощью товарищей установили ее на территории мастерских, на высоком берегу Волги.

Теперь по вечерам рабочие собираются в красный уголок и смотрят передачи из Москвы. Хорошее качество приема достигнуто необычным устройством мачты. Антенна поднята на 36 метров над землей. Она укреплена на трубах, которые свободно поворачиваются и телескопически вдвигаются друг в друга, позволяя произвольно менять высоту и направление антенны. Таким образом было найдено наиболее выгодное положение антенны для приема радиоволн из Москвы. Трубы закреплены на трехгранной металлической пирамидальной ферме, поставленной на столбы, врытые в землю.

Опыт угличан доказал, что радиус дальности московских телевизионных передач может быть значительно увеличен: до 200—210 километров.

Жители Тулы, Калинина, Владимира, Вязьмы и других городов могут также смотреть телевизионные передачи из Москвы, если они последуют примеру коллектива Центральных мастерских в Угличе.

Инженер А. ВИКТОРОВ

Неизвестное письмо Короленко

Впервые публикуемое письмо В. Г. Короленко адресовано Герману Александровичу Лопатину, выдающемуся деятелю русского революционного движения 60-х и 70-х годов, другу К. Маркса и Ф. Энгельса, первому переводчику «Капитала» на русский язык. Аналогичное письмо Короленко послал организатору Воронежского съезда «Земли и воли», другу молодого Г. В. Плеханова, Михаилу Родионовичу Попову.

Автор «Истории моего современника» задумал в 1907 году написать об участнике знаменитого «процесса 193-х» И. Н. Мышкине и стремился получить как можно больше сведений о своем будущем герое. Лопатин же и Попов были товарищами Мышкина по заключению в Шлиссельбургской крепости.

В. Г. Короленко работал над очерком об И. Н. Мышкине для 2-го тома «Галереи шлиссельбургских узников». Но наступила реакция, и этот том не увидел света. Короленко написал о Мышкине в 3-й книге «Истории моего современника».

Ипполит Никитич Мышкин (1848—1885) был одним из первых русских социалистов, вышедших из народа. Сын унтер-офицера, военного писаря, он стал интеллигентом — «домашним учителем из солдатских детей» — только благодаря своим выдающимся способностям. Военный министр Милютин представил его императору Александру II как хорошего стенографа. Перед 18-летним юношей открывалась блестящая карьера, но он предпочел путь революционера. В 1873 году Мышкин создал в Москве, на Арбате, типографию революционных изданий. После провала ее он перешел на нелегальное положение, на некоторое время эмигрировал за границу, откуда приехал в Вилюйск в надежде освободить Чернышевского. После ареста Мышкин привлекался по делу 193-х, рассмотренному особым присутствием сената. 20 ноября 1877 года он произнес свою знаменитую речь: «Это — не суд, а простая комедия, или нечто худшее, более отвратительное, более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют чужою жизнью, истиной и справедливостью...»

Мышкина приговорили к 10 годам каторги. Во время пересылки по этапу он произнес на похоронах Дмоховского революционную речь, за которую срок каторги ему продлили еще на 15 лет. В 1882 году Мышкин бежал с Кары при содействии М. Р. Попова, но во Владивостоке был задержан, а через 3 года расстрелян за то, что бросил чашкой в смотрителя шлиссельбургской крепости «Ирода» — Соколова.

Проф. А. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

19 октября 07 года.

Полтава.

Дорогой Герман Александрович.

Вернувшись из деревни, где прожил 3 недели, застал здесь Вашу открыточку. Очень обидно, что письмо Ваше от 5 июня очевидно пропало. Дело в том, что 6 июня я выехал заграницу, оставив на почте адрес poste rest (ante.— до востребования.— *Ред.*). Очевидно при пересылке письмо затерялось, хотя некоторые письма пересылались аккуратно.

Есть у меня теперь к Вам просьба: мне поручили составить биогр<афию> Ип. Ник. Мышкина для II-го сборника шлиссельбуржцев. Статьи и воспоминания о Мышкине есть, но биографич<еских> данных очень мало, если не считать книжки Каллаша, в которой биография составлена на основании статьи Е. К. Брешковской. А эта статья в свою очередь — сколько ниб<удь> точных данных не содержит. В виду этого, я обращаюсь к людям, знавшим Мышкина, с просьбой сообщить, кто что знает. Между прочим мне указывают особенно на Вас, как на человека близкого с Мышкиным и хорошо его знавшего. Итак, будьте добры ответить по возможности на след<ующие> вопросы:

1. Где именно родился Мышкин?

2. Кто был его отец (солдат — из кантонистов? Русский? Из крестьян? И т. д.)

3. Его мать?

4. В какой именно школе кантонистов учился И. Н. Мышкин? Жил ли безвыходно в этой школе или бывал и у родителей? Не вспоминал ли о школе? Как? С удовольствием или враждой?

5. Не вспоминал ли об отдельных учителях или надзирателях? И в какой форме проникало туда «влияние 60-х годов»?

6. Когда окончил?

7. Куда затем поступил. Кажется, в межевое училище,— какое именно? Когда кончил?

8. У какого генерала, занимавшегося стенографией, был ординарцем (Каллаш, Брешковская).

9. Не говорил ли об аудиенции с этим генералом у Алекс<андра> II по вопросам стенографии.

10. Сколько времени был правит<ельственным> стенографом и где именно?

11. Какое влияние оказал на него нечаевский процесс. (М<ежду> прочим он стенографировал для «Мос<ковских> вед<омостей>»). Был ли в это время уже человеком известного «направления» или еще нет?

12. С арханг<ельским> кружком встречался ли уже сложившимся в радик<альном> смысле или был «распропагандирован»?

13. Что Вам известно об эпизоде с освобождением Чернышевского (кажется, это Вы знаете лучше всех. Нет ли неточностей в печатных изданиях об этом?)

14. Не замечали ли в нем признаков неуравновешенности, легкой возбудимости, может быть — галлюцинаций.

15. Как относился к религиозным вопросам? Был ли атеистом и материалистом? Может быть, даже страстным? Или, наоборот, в душе, в виде психологического резерва, так сказать,— оставалось религиозное настроение?

Очень буду признателен за сообщение ответов по возможности скоро. В начале ноября я буду в Питере, где должен быть не позже десятого. Адрес мой здесь: Полтава, М. Садовая, дом Будаговского (значит тот же). А в Петербурге, вероятно, остановлюсь у Анненского Ник. Фед. (Широкая, 16). Постоянный адрес для писем также — «Русское Бог<атство>».

Крепко жму Вашу руку. Не увидимся ли в Питере?

Ваш Вл. Короленко.

Жена тоже очень кланяется. Передайте привет и брату.

Писатели и книги

Пятидесятилетие Антанаса Венцлова

7 января 1956 года исполнилось пятьдесят лет одному из виднейших литовских поэтов, Антанасу Томасовичу Венцлова.

Антанас Венцлова, сын крестьянина, по окончании средней школы учился в Каунасском университете. В течение долгих лет он работал преподавателем, сначала в столице буржуазной республики Каунасе; впоследствии, оказавшись неугодным местным властям, был переведен в захолустную по тем временам приморскую Клайпеду. Тогда же вместе с Пятрасом Цвиркой и другими молодыми прогрессивными писателями Литвы Венцлова создает группу «Трячас Фронтас» (Третий фронт), редактирует журнал под этим названием, сыгравший большую роль в развитии революционного сознания в родной стране. До 1940 года вышло несколько сборников стихов и прозы Венцлова.

С первых дней существования Советской Литвы Антанас Венцлова отдается большой работе по строительству новой социалистической культуры. Он выступает как боевой поэт-публицист, как литературовед и переводчик Пушкина и Маяковского, как общественный и государственный деятель. Эта напряженная и многообразная работа продолжалась для писателя в годы Отечественной войны и в течение всего последнего десятилетия, когда Венцлова много путешествовал по нашей стране, не однажды побывал за ее рубежом, в странах Запада и в Китае. Антанас Венцлова является депутатом Верховного Совета СССР и председателем правления Союза советских писателей Литвы. Его живые, страстные стихи запечатлели встречи поэта в Польше, Германии, Чехословакии, Венгрии. В стихах Венцлова радует точность рисунка, авторская наблюдательность, боевой политический темперамент. Интересны и содержательны также и прозаические произведения Венцлова, собрания его очерков последних лет, среди них — недавно изданная в Литве книга очерков о Китае.

Антанас Венцлова встречает свое пятидесятилетие в расцвете творческих и духовных сил.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ДОРЖИ, СЫН БАНЗАРА

ЧИМИТ ЦЫДЕНДАМБАЕВ

Есть народы, чьи песни так же печальны, как их судьбы. Мало веселых песен было у бурят-монголов до Октябрьской революции. Безрадостна была жизнь этого народа, судьбой которого распоряжались царские чиновники и местная феодально-родовая знать, а обманывали его шаманы и ламы.

...Ласковый весенний ветер в апрельский день старательно слизывает снега, оголяя землю. На улицах улуса радостно галдят ребятишки: «Весна пришла!» Но старики не спешат радоваться: ведь весенний ветер так же обманчив, как обещания богатеев.

На другое утро холодный ветер загнал в дымные юрты ребятишек, глубокий снег покрыл землю, похоронив вместе с молодой зеленью надежды бедняков. Начался зуд, злой враг кочевников, похищающий у них последних коров и овец.

Затих в страшной беде улус. А по его улицам расхаживает богач Мархансай и «гнусавогнусаво» поет радостную песню. Несчастье толкнуло бедняков в мархансаевские лапы: сегодня он раздаст десять копен сена, осенью ему вернут сто.

Но, несмотря на жесточайший гнет, буряты подарили миру много славных людей, среди которых достойное место занимает Доржи Банзаров, талантливый этнограф и востоковед. О его детстве мы узнаем из романа Чимита Цыдендамбаева «Доржи, сын Банзара».

Писатель избежал ошибки, которую допускали некоторые авторы книг о детских годах замечательных людей. Герои этих книг никогда не дерутся, никогда не плачут и редко смеются. Доржи плачет, если его обижают, дерется, чтобы защитить свою честь, с жадностью смотрит на сласти, которые лежат на чужом столе. Он не сразу овладел грамотой, не научился играть на хуре. В то же время автор заметил и умело донес до читателя то, что отличало будущего ученого от его сверстников. Доржи задает себе такие вопросы, которые не беспокоили его юных товарищей. Почему батрак Мархансая Балдан работает с утра до вечера, а сам ходит полуголый?

Сердцем Доржи понимает, что книги помогут ему ответить на такие вопросы, сделают его полезным людям, и он тянется к знаниям.

О судьбах многих людей мы узнаем из романа, но они не заслоняют образа Доржи. Более того, автор так строит свое повествование, что каждый эпизод романа, даже не имеющий непосредственного отношения к Доржи, помогает нам понять этот образ.

Читатель отметит простоту и ясность языка романа, строгую красоту сравнений и четкость композиции этой книги.

Мы расстаемся с Доржи, едущим в казанскую гимназию. Только пятеро счастливцев по случайной милости судьбы удостоились этой чести...

Иные песни поют сейчас буряты. И уже не одиночки, а тысячи неугомонных бурятских ребят шагают «уверенно и гордо... по широкой дороге науки и творчества».

Ф. ШАРИПОВ

Чимит Цыдендамбаев. Доржи, сын Банзара. Роман. Перевод с бурят-монгольского Мих. Степанова. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 446 стр.

Кто победит?

Интервью «Огонька»

В. ЕГОРОВ,
заслуженный мастер спорта, тренер сборной команды СССР по хоккею

Еще несколько лет назад перед любым крупным турниром хоккеистов зарубежные газеты безошибочно предсказывали победителя. Ни одна команда не могла тогда соперничать с канадскими хоккеистами. Спортсмены старались во всем копировать манеру игры канадцев, однако не могли подняться до уровня лучших их игроков.

Сейчас газеты также пытаются предсказать победителя олимпийского хоккейного турнира. Но их прогнозы стали более осторожны: у прославленных канадских хоккеистов появился серьезный соперник — сборная команда СССР.

Первое выступление советских хоккеистов в мировом чемпионате 1954 года, состоявшемся в Стокгольме, окончилось, как известно, их победой. Выиграв решающий матч у канадцев (7 : 2), наши хоккеисты завоевали почетное звание чемпионов мира. Молодая советская школа хоккея, поставившая на первый план высокий темп, большую маневренность и предельную коллективность в действиях игроков, нашла признание за границей. И даже после неудачи на мировом первенстве 1955 года, когда канадцы добились реванша, обозреватели уже не ставят их больше на недосягаемую высоту.

Проигрыш хоккеистов СССР канадской команде «Пентинктон» был для нас большим уроком, и, готовясь к новому сезону, мы постарались всесторонне разобраться в причинах неудачи. Этих причин было три. Нам не удалось провести тренировочные встречи с командами, манера игры которых была схожа с манерой игры хоккеистов клуба «Пентинктон», а в процессе развернувшейся борьбы на ледяном поле команда не смогла сохранить согласованности в действиях. После второй шайбы, неожиданно влетевшей в ворота от своего же игрока, советские хоккеисты стали действовать в одиночку. Кроме того, как показала встреча с канадцами, игроки сборной СССР отставали в отдельных технических элементах, в атаках несколько однообразно действовали крайние нападающие, а защитники не использовали в полной мере силовые приемы.

Готовясь к олимпийским играм, мы встретились с лучшими английскими профессиональными командами, в которых играют канадские хоккеисты. Встречи с англичанами помогли нам поближе познакомиться с канадским хоккеем, лучше определить его сильные и слабые стороны.

Итак, перенесемся мысленно в Лондон... Мы впервые выступаем на прекрасном стадионе «Харрингей». Трибуны переполнены. Англичане уверены в своей победе. Ведь против нас играет лучший английский клуб «Харрингей Рейсерз» — тот самый клуб, который после окончания игр на первенство мира нанес поражение чемпионам мира — хоккеистам «Пентинктона» (5:3), а перед встречей с нами победил сборную команду Чехословакии (6 : 2).

«Харрингей Рейсерз» в переводе на русский значит «Стремительные харрингейцы», но, как шутили потом сами англичане, стремительные харрингейцы были побиты еще более стремительными русскими. Наш темп оказался не под силу английским профессионалам, и они проиграли с внушительным счетом 11 : 1.

Второй матч с клубом «Харрингей Рейсерз» сложился иначе: англичане в начале второго периода вели со счетом 4 : 0. В эту минуту мне вспомнился прошлогодний матч на первенство мира с канадцами. Тогда игра нашей команды после первых неудач разладилась, а теперь советские хоккеисты нашли в себе силы продолжать борьбу, сравняли счет, а затем молодой нападающий, только в этом году вошедший в состав первой сборной страны, Виктор Никифоров забил пятую, решающую шайбу.

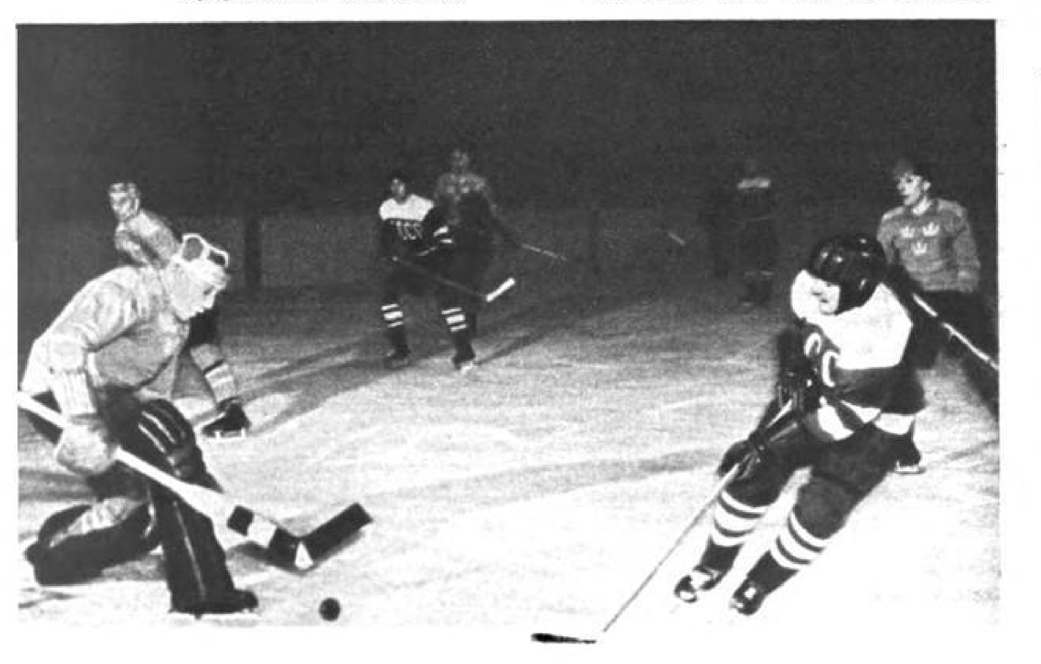
Мы победили «Стремительных харрингейцев», лондонских «Тигров» и «Пантер» на их же стадионе, победили их также на катках Парижа и Стокгольма. Наша команда стала обладателем традиционного приза, учрежденного президентом Европейской лиги хоккея на льду господином Ахерном, которым до этого владели только англичане.

Следует отметить, что профессионалы играли жестко, в своей обычной резкой силовой манере, и случалось, что после столкновения с ними советские хоккеисты вылетали за борт ледяного поля, но они снова бросались вперед, пробиваясь сквозь оборону противника...

Тренировочные матчи с сильнейшими командами Англии, Швеции, Чехословакии, Германской Федеральной Республики помогли советским хоккеистам обрести боевую спортивную форму и определить свой лучший состав.

Не менее напряженно готовятся к олимпиаде хоккеисты Канады, Чехословакии, Швеции и США. Спортсмены этих стран вместе с советскими хоккеистами состави-

Первая встреча в Москве с хоккеистами клуба «Харрингей Рейсерз». Англичане в обороне.
Фото А. Бочинина.

Стокгольм, декабрь 1955 года. Матч СССР — Швеция. Николай Хлыстов прорывается к воротам.

ли на последнем мировом чемпионате пятерку сильнейших команд. Эти команды, видимо, и будут оспаривать призовые места на олимпийских играх.

Хоккеисты Чехословакии и Швеции ввели в свои сборные команды нескольких молодых игроков. Это усилило команды, сделало их игру боевой, острой. Чехословацкие спортсмены перед началом сезона провели осенний сбор на высокогорном катке, после этого они совершили поездку в Англию и Швецию. Особенно интересно прошли их матчи с англичанами. Команда Чехословакии играла с теми же профессиональными клубами, что и наши спортсмены, и выиграла все встречи, исключая одну,— с клубом «Харрингей Рейсерз». Шведская команда также проиграла хоккеистам «Харрингей Рейсерз», но после очень упорной борьбы — 4 : 6.

Дважды со сборной Швеции встречалась в Стокгольме наша команда. Хозяева поля отлично провели с нами первый матч, добившись победы 3 : 2. Особенно остро играла их задорная молодая тройка нападающих (братья Г. и С. Твиллинг и Т. Лефгрен). Именно эта тройка забила две шайбы в наши ворота. С самой лучшей стороны показал себя также новый шведский вратарь С. Зайтенберг, играющий четко, хладнокровно.

Второй матч со шведами закончился нашей победой — 6 : 2. «Реванш русских был убедительным,— писала после игры одна из шведских газет.— На этот раз русские играли в своем лучшем стиле. Именно так они играли в Стокгольме, когда стали чемпионами мира...»

По имеющимся данным, Канада и США пришлют на олимпиаду более сильные команды, чем те, которые выступали в прошлогоднем соревновании на первенство мира.

Канадцы мало пишут о своей подготовке к олимпиаде. Однако известно, что честь Канады в Кортина д'Ампеццо будет защищать клуб «Китченер датчмен». По единодушному мнению газет, это сильнейшая любительская команда страны.

В прошлом сезоне клуб «Китченер датчмен» в упорной борьбе уступил Кубок Аллана команде «Пентинктон», которая затем выступала на мировом первенстве. Однако в нынешнем сезоне «Китченер датчмен» вновь, как и в 1953 году, уверенно завоевал этот почетнейший приз канадских хоккеистов, оставив далеко позади своих соперников из «Пентинктона».

Манера игры хоккеистов клуба «Китченер датчмен» во многом отличается от манеры пентинктонцев, которые ставят на первый план силовую борьбу и индивидуальное мастерство отдельных спортсменов. Спортсмены из клуба «Китченер датчмен» больше предпочитают коллективные действия и высокий темп игры.

Хоккеистов этого клуба за их быстроту и стремительность называют в Канаде «летучими голландцами».

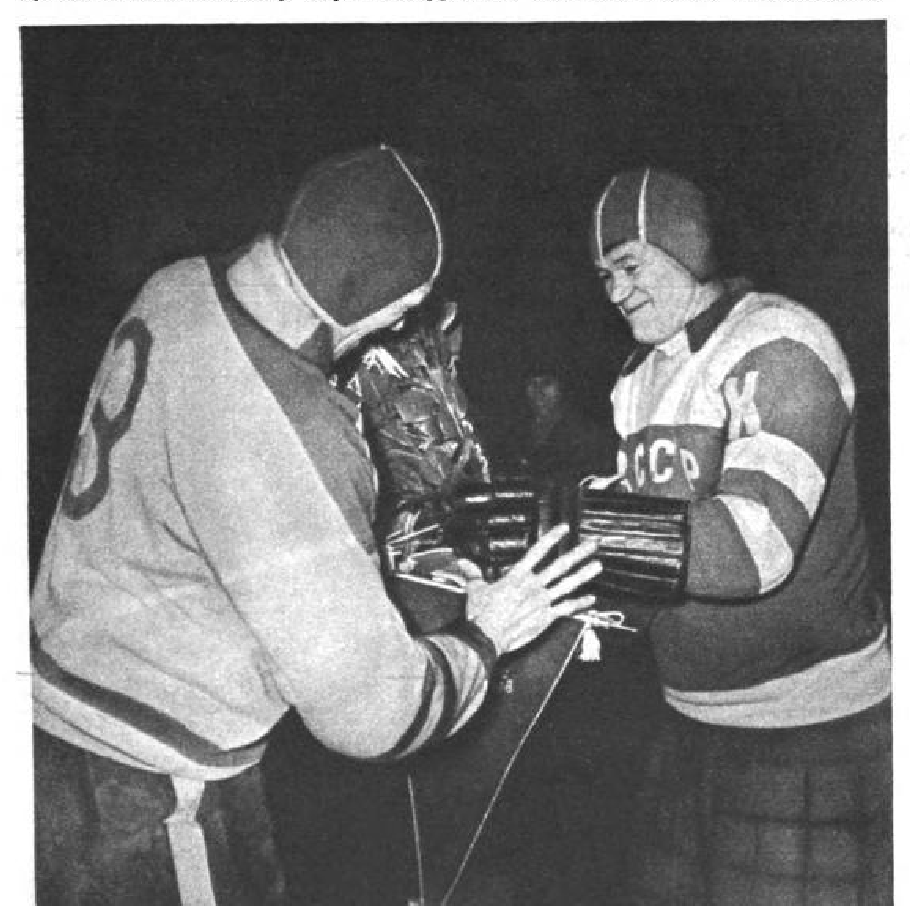
Лучшим игроком «Китченер датчмена» считается нападающий Кэн Лауфман — самый результативный хоккеист Канады. Очень хорошо играют также его партнеры по первой тройке: Джордж Сколз и Джек Маккенези. Вратарь клуба Деннис Бродер недавно получил приз как лучший в прошедшем хоккейном сезоне вратарь Канады.

Канадские специалисты считают, что «Китченер датчмен» достаточно силен, чтобы завоевать на олимпиаде звание сильнейшей хоккейной команды мира.

Предстоящие олимпийские игры будут, бесспорно, самыми интересными состязаниями из всех, в которых когда-либо участвовали советские хоккеисты. Интерес к этим соревнованиям особенно велик, так как олимпийский турнир для хоккеистов будет одновременно и чемпионатом мира и первенством Европы.

Хоккей с шайбой — один из самых молодых видов спорта в нашей стране. В нынешнем сезоне исполняется десять лет с того дня, как мы впервые стали культивировать эту игру. Выражаясь образно, советский хоккей заканчивает сейчас десятилетку. После этого, как известно, предстоит сложный экзамен на аттестат зрелости. Этим экзаменом и явятся VII зимние олимпийские игры.

Капитан сборной хоккейной команды СССР Всеволод Бобров преподносит букет цветов капитану клуба «Харрингей Рейсерз» Биллу Вайнмастеру.

«Кладбище рекордов»

Высокогорный курортный городок в Швейцарии Давос, где проводились крупнейшие международные соревнования по скоростному бегу на коньках, называли «фабрикой рекордов». И это было справедливо. В Давосе на протяжении многих лет конькобежцы не раз улучшали мировые рекорды.

Славу Давоса, как известно, затмил советский высокогорный каток в окрестностях Алма-Аты. Там наши скороходы внесли весьма существенные поправки в таблицу мировых достижений.

Сейчас и у алма-атинского катка появился серьезный «конкурент» — каток на озере Мизурина, где в ближайшее время сильнейшие конькобежцы мира будут оспаривать медали зимних олимпийских игр 1956 года.

Хотя ледяная дорожка этого катка еще не испытана в международных спортивных боях, но зарубежные спортивные обозреватели уже поспешили окрестить озеро Мизурина оригинальной кличкой «кладбище рекордов», намекая на то, что там будут погребены все прежние рекорды...

Озеро Мизурина расположено на высоте 1 755 метров над уровнем моря — на полкилометра выше, чем Кортина д'Ампеццо, где состоится большинство олимпийских соревнований. Озеро находится в небольшой котловине, окруженной горами, густо поросшими хвойным лесом. Сосны и ели эффектно отражаются в зеленой воде озера, глубина которого достигает восемнадцати метров. Таким образом, сама природа создала здесь идеальные условия для состязаний скороходов: безветрие, чистый, немного разреженный воздух, отсутствие пыли и, как показал анализ, кристально чистая, без известковых примесей вода.

Зарубежная печать уделила большое внимание тем испытаниям льда, которые провели в прошлом сезоне на Мизурине Ю. Сергеев со своим тренером Г. Пискуновым. Они использовали созданный советскими специалистами прибор, который за рубежом называют «механический конек». Это два спаренных конька, которые запускаются с помощью особой катапульты и помогают определить степень скольжения.

Газеты указывают, что в Давосе «механический конек» пробежал 8—9 метров, на алма-атинском катке — 13—14, а на озере Мизурина — в зависимости от времени дня и атмосферных условий — 16—23 метра.

Может быть, в самом деле Мизурина станет «кладбищем рекордов»? Если так, можно не сомневаться, что советские скороходы будут активно участвовать в их погребении. Разумеется, от них постараются не отстать и зарубежные мастера скоростного бега на коньках.

Тавромахия

Недавно в испанском городке Рекенье (провинция Валенсия) произошел курьезный случай. Некто Каскалес был взят под стражу полицией и заключен в местную тюрьму по обвинению... в трусости.

На первый взгляд это может показаться невероятным, но дело в том, что «преступник» — по профессии матадор, и трусость он проявил на арене, где происходил бой быков.

По существующим обычаям, матадор, если он цел и невредим, не имеет права покинуть арену до тех пор, пока не нанесет животному смертельный удар шпагой. Однако внушительные рога разъяренного быка так перепугали беднягу Каскалеса, что он вскоре после начала схватки убежал в лазарет под предлогом острого заболевания. Там врачи быстро установили, что матадор ничем не болен и попросту симулирует.

Следует сказать, что в Испании, Португалии, на юге Франции и в некоторых странах Латинской Америки бой быков рассматривается как один из видов спортивных соревнований. Подробные корреспонденции об этих кровавых зрелищах печатаются рядом с отчетами о футбольных матчах, поединках боксеров и встречах легкоатлетов.

Разумеется, тавромахия (так, пользуясь древнегреческой терминологией, называют поединок человека с быком) ничего общего со спортом не имеет. Это кровавое цирковое зрелище — настоящая бойня. Речь идет не только о варварски убитых быках, но и о многочисленных случаях, когда в ходе корриды гибнут или остаются искалеченными люди и лошади.

Чем больше таких острых моментов, тем успешнее считается коррида. Не мудрено, что, объятый страхом, матадор Каскалес решил, что лучше очутиться за решеткой, чем на рогах у свирепого «мурубэ».

Странная тенденция

Наши читатели уже знают о замечательных достижениях советской спортсменки Нины Откаленко, которая, выступая недавно в Югославии, дважды улучшала мировой рекорд в беге на 800 метров. Не меньшего успеха добилась и ее подруга по команде Мария Иткина, установившая новый рекорд мира в беге на 400 метров.

Бег женщин на эти дистанции с каждым годом приобретает все бо́льшую популярность во многих странах. Более того: обе дистанции все чаще включаются в программу международных соревнований. Нет их только в программе олимпийских игр.

К сожалению, в некоторых спортивных кругах Запада еще живучи пережитки прошлого, когда легкую атлетику считали неподходящим видом спорта для женщин. Современные сторонники этих взглядов утверждают, например, что в программу женских соревнований нельзя включать номера, якобы требующие «больших и длительных усилий».

Подобные взгляды, правда, в завуалированной форме, отражает и американский журнал «Аматер атлет», в котором была опубликована статья под заголовком «Куда идет женская легкая атлетика?».

Журнал напоминает случай почти тридцатилетней давности. На олимпийских играх 1928 года большинство участниц бега на 800 метров пришло к финишу совершенно обессиленными. После этого дистанция была исключена из программы олимпийских соревнований.

При этом журнал игнорирует то обстоятельство, что тридцать лет назад, на заре развития легкой атлетики среди женщин, техника и методы тренировки в беге на 800 метров были весьма примитивными. Другое дело теперь. Все, кто видел на стадионе мастеров бега на 800 метров Нину Откаленко, англичанку Диану Лизер и других, знают, какое это красивое и захватывающее состязание, участницы которого финишируют в энергичном темпе, отнюдь не «падая от усталости».

Не случайно после олимпийских игр 1952 года в Хельсинки лондонская газета «Дейли мейл» писала, что «русские женщины-атлетки, видимо, лучше всех подготовленная и тренированная команда...» Говоря об итогах легкоатлетического сезона 1955 года, французская газета «Экип» считает, что по достижениям спортсменок на первое место надо поставить команду СССР, а за ней — команды Великобритании, Германии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Италии, Франции.

Видимо, именно такая расстановка сил и не нравится некоторым противникам развития легкой атлетики среди женщин. Отсюда их настойчивая и на первый взгляд непонятная тенденция — не допускать расширения олимпийской программы, не включать в нее бег женщин на 400 и 800 метров.

Спортивный обозреватель

Любовь

Маро МАРКАРЯН

ПЕСНЯ

Зангу о берег бьет волной
Настойчиво, неутоленно
И для садов с листвой сквозной
Слагает песнь любви бессонной.

То замедляет бурный бег,
Кружит, не находя дороги,
То, отряхнув шипучий снег,
Летит вперед через пороги.

Ты, верно, как и я, Зангу,
Для песни не находишь слова,
О камни бьешься на бегу
И крутишься на месте снова.

Восторг сердечной полноты
Мне близок болью бессловесной.
Добиться песни хочешь ты,
Чтоб даже камень тронуть
песней.

Перевела с армянского
М. ПЕТРОВЫХ.

* * *

Слова «любовь» и «жизнь»
неразделимы.
Раз нет любви,—
нет и меня самой.
Мне нужно знать,
что я людьми любима,
Еще нужней
любить их всей душой.
Я не держу
своей любви в секрете,
Я не стыжусь
душевного огня.
Мне б только знать,
что где-нибудь на свете
Хоть огонек остался от меня.

Перевела Вера **ЗВЯГИНЦЕВА.**

ПЕРСИКОВОЕ ДЕРЕВЦЕ

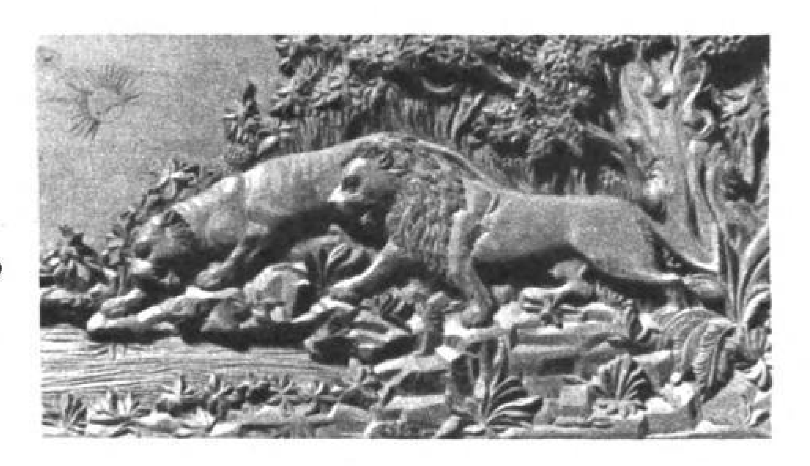
Ты расцветаешь, персик мой,
Подросток, девушка-дичок...
Кто ластится к тебе, кто льнет?
То легкий горный ветерок.
А ты смущаешься, дрожишь,
Любви боишься первых слов,
И обаяние твое —
Беззвучный и безмолвный зов.
Но на себя ты не глядишь,
И потому не знаешь ты,
Что в юной прелести своей
Ты совершенство красоты.
С тревогой на тебя смотрю,
Вздыхая и грустя тайком.
Как ты напоминаешь мне
О чем-то самом дорогом!

* * *

Калитку в милый сад,
Где клен, и дуб, и ясень,
Гуляя, наугад
Уж распахнула осень.
Там пшат скромнейший мой —
Серебряное диво —
И тополь золотой
В наряде горделивом.
Как будто под листвой
Огонь незримый зреет,
Там рыжей чешуей
Шиповник пламенеет.
И, тайно хороша,
От всех идущих мимо
Под холодом душа
Огонь таит незримый.

Перевела **А. АХМАТОВА.**

СОКРОВИЩА ИНДИИ

ПАННО ИЗ ДЕРЕВА.

Пожалуй, ничто так не выражает характер народа, его художественные склонности, как творения всех тех мастеров, зачастую безвестных, которые из поколения в поколение ткут узоры на тканях, украшают орнаментами одежду и посуду, гравируют и чеканят металл, плетут кружева, режут по кости и по дереву, инкрустируют, вышивают. С восхищением отзывались о недавней выставке индийских кустарных ремесел в Москве все те, кому довелось на ней побывать.

СКУЛЬПТУРА ИЗ ДЕРЕВА.

Все на выставке было непохоже на то, к чему мы привыкли: новый художественный мир раскрывала она перед посетителем. Повсюду чувствовалось тончайшее понимание красоты, редкостное, всеобъемлющее единство стиля, испокон веков хранимый в народе оригинальный, самобытный вкус.

На одном из стендов рядом с золотисто-красной парчой, сотканной в Бенаресе — городе, прославленном искусством ткачей,— можно было видеть образец шифона, прозрачного, точно дымка, и в нем мерцала золотая нить. «Вечерняя роса», «струящаяся вода» называют в Индии такие ткани, вытканные руками мастериц Майсура. И в этих тканях и в показанных здесь же дивных парчах —«кхимкабах» и «амру» — вьются чудесные узоры. В орнаментах цвета слоновой кости шалей Кашмира — прелесть бутонов лотоса и прихотливых извивов реки Джелам. А узоры, вырезанные на медных кувшинчиках или эмалью выведенные на голубых с золотом вазах кустарей Раджастана и Хайдарабада! Как много говорят они о прекрасной стране, о жизнерадостном и светлом характере народа!

Конечно, на выставке было собрано лучшее из лучшего. В многочисленных ее разделах экспонировалось свыше двадцати тысяч различных изделий. А в Индии только в кустарном ткацком производстве насчитывается десять миллионов ткачей, не говоря уже о других отраслях. Пусть не все эти десять миллионов — художники одинаково высокого мастерства, но труд их сливается воедино, в могучий поток народного искусства!

Многие города Индии славятся своими ремесленниками. Вблизи Хайдарабада есть древний город Бидар, у жителей которого гостил в свое время Афанасий Никитин. Искусство местных медников так и называется по имени города — «бидри». Из сплава меди и цинка с последующей обработкой особым составом мастера делают вазы, шкатулки, блюда, портсигары, в которых по матовому густочерному фону инкрустируют серебром эффектные орнаменты. Мотивы этих узоров чаруют благородством форм и линий. Источником творчества художников служат росписи и резьба старого дворца в их городе — дворца, о котором еще Афанасий Никитин писал, что он «очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом».

В Ориссе и Хайдарабаде процветает искусство ювелиров. Материал их творчества — нить серебра. Сплетенный из серебряной нити цветок кажется взятым из какой-то диковинной сказки. Так же сотканы вазочки, ожерелья, шкатулки, забавные модели пароходов и автомобилей — шутки веселых мастеров.

В Хайдарабаде точат из дерева декоративные тарелки и расписывают их золотом и яркими красками по черному и цветному лаку. Есть среди изделий этого промысла, называемого в Индии «нирмал», вещи неповторимого изящества. На черном блестящем поле тарелки распластал лепестки золотой лотос. Кришна — бог весны, добрых сил природы — изображен на другом блюде; складки его одежды, очертания рук плавными, упругими линиями вторят форме круга.

Великолепно искусство чеканщиков, граверов, эмальеров Джайпура, Морадабада, Бенареса — их медные и латунные изделия, вазы, расписанные эмалью. То плавно и неторопливо, то, наоборот, затейливой скороговоркой вьется, бежит на них орнамент, то расцветает он вдруг нежным цветком.

Многие города страны славятся своими гончарными изделиями. Богато расписанные поливные вазы из Гвалиора и Лакнау, черные с орнаментом предметы домашней утвари из Мадуры и Азамгарха представляют на выставке искусство гончаров, имевшее в прошлом богатейшую традицию. Интересно, что некоторые современные гончарные изделия из Пенджаба сохраняют формы керамики Мохенджо-Даро и Хараппа — древнейших очагов индийской культуры.

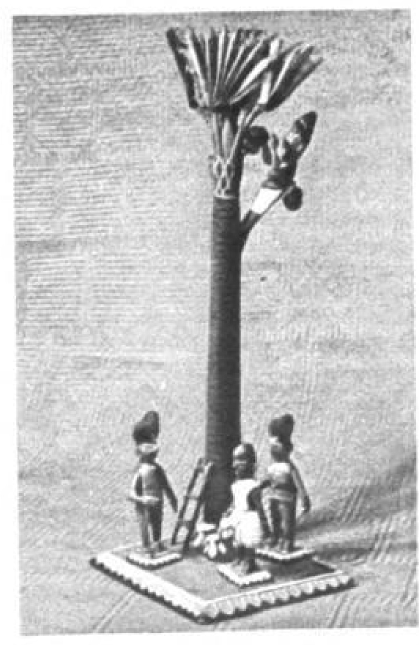
Резьба по слоновой кости — венец художественных ремесел Индии. Изысканно благороден и этот материал и самый труд чудесников из Майсура и Траванкура, Танджура и Дели, которые превращают кость в миниатюрные изваяния, режут узоры пленительной красоты. Жизнерадостный, поэтический характер народа искрится в искусстве резчиков, возьмем ли мы узорчато-прорезную статуэтку Лакшми, богини счастья, будем ли любоваться ритмичными повторами фигурок слонов на ноже для бумаги.

Из светлокоричневого ореха, из тяжелого, как металл, черного дерева, из тика, из прянодушистого сандалового дерева режут искусные мастера всевозможные фигурки, делают низкие чайные столики, какие изображены еще в старинных раджпутских миниатюрах, покрывают их сложным узором, инкрустируют слоновой костью.

Ковры, статуэтки птиц, обезьян, слонов, вырезанные из рога, высокохудожественные плетения из травы, тиснение по коже, вышивки, игрушки, изделия из белого мрамора... Прекрасна душа народа, сыновья и дочери которого создали все это! Отрадно сознавать, что это плоды труда людей дружественной нам Индии.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ

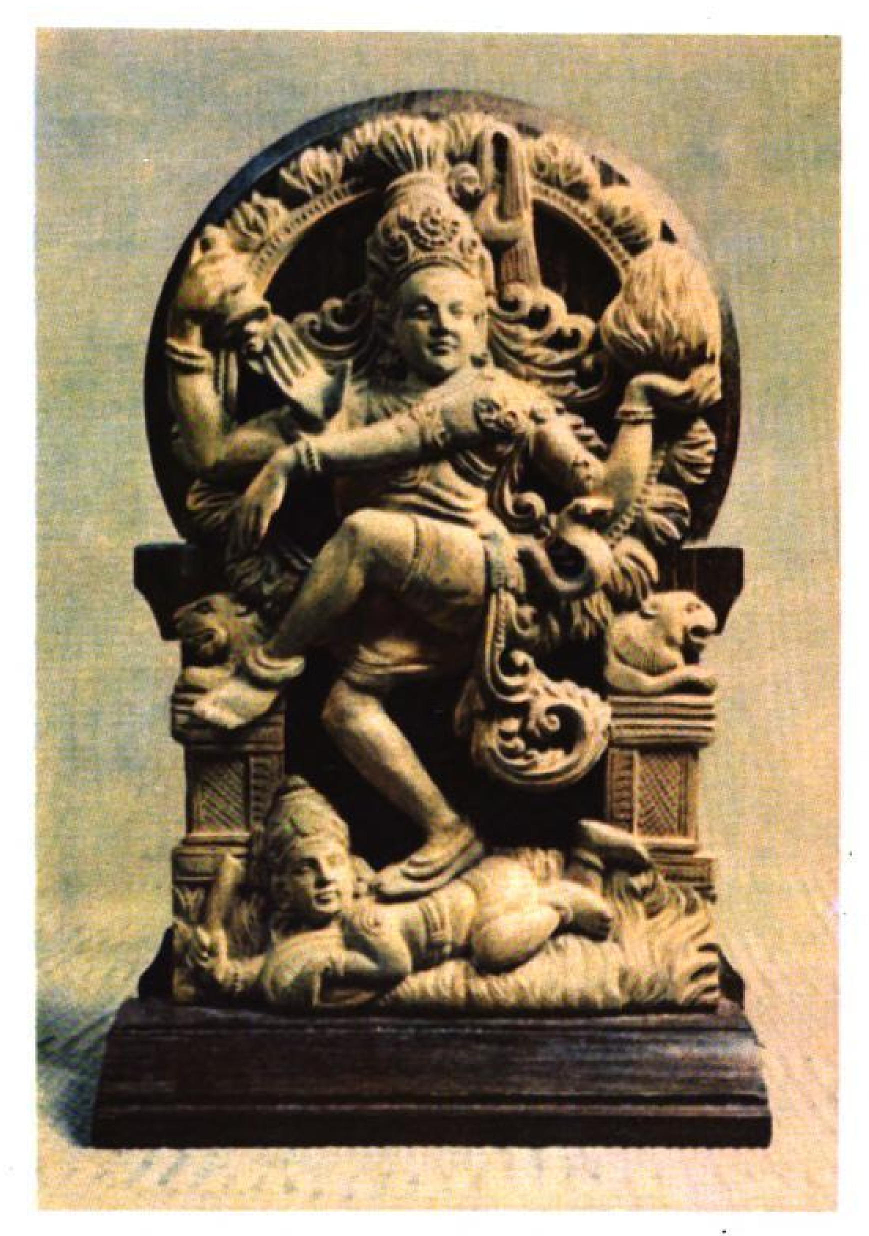

ИГРУШКА ИЗ ГЛИНЫ.

Искусство великого народа

Фото Е. Умнова.

Танцующий Шива. Сандаловое дерево. Майсур.

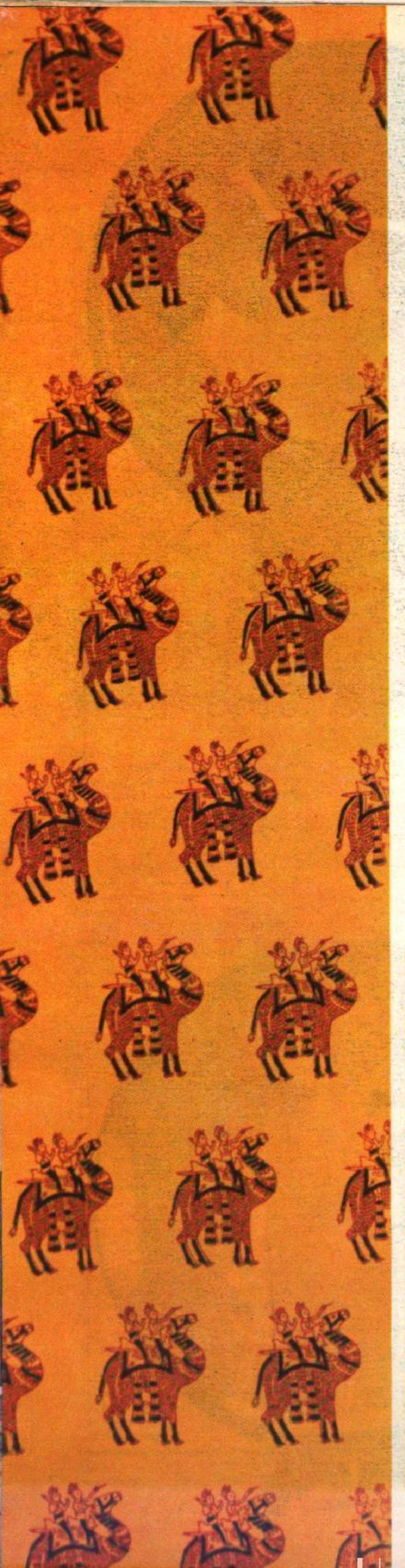
Игрушки из Кондапали.

Декоративное блюдо из дерева с изображением танцующей женщины. Хайдарабад.

Декоративное блюдо с изображением Кришны — бога весны — и его невесты Радхи. Хайдарабад.

Терракотовая статуэтка. Бенгалия.

Тигр из папье-маше. Орисса.

Кобра. Дерево. Мадрас.

← Набивная ткань. Раджастан.

Глиняные вазы. Бенгалия. →

Глиняная ваза (Бенгалия) и шали из парчи (Бенарес).

ГОЛЛИВУД ОТКРЫВАЕТ ДВЕРИ

А. СОФРОНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Когда ранним утром мы уезжали из Сан-Франциско, над городом еще висел розовато-желтый туман. На улицах было пустынно. Одинокие прохожие шли торопливо, не оглядываясь, словно спешили скрыться от вчерашнего дня, где-то застрявшего в ночных ресторанах Сан-Франциско. Только у одного из больших рекламных щитов с портретом энергичного американца стоял, покачиваясь, человек в помятом костюме и, протирая кулаками глаза, читал надпись: «Голосуйте за Кристофора». Предстояли выборы мэра Сан-Франциско. Кристофор был одним из кандидатов. Запоздавший гуляка, как мост, своим телом соединивший день ушедший и день наступивший, видимо, жил, придерживаясь американского изречения: «Если вода разъедает ржавчиной стальные трубы, что же она может сделать с человеком!». Возможно, человек этот никак не мог разобраться в двух одинаковых изображениях, возникших перед его глазами, и решал: за кого же ему все-таки голосовать?

Наши проводы были не слишком торжественными. Провожали нас два детектива — Большой Том и его сподвижник, ростом больше Большого Тома. Прощаясь с нами на перроне, Большой Том, прослезившись и похлопывая каждого из нас по плечу, сказал:

— Вы были хорошими парнями.

Мы ответили, что постараемся быть такими же и впредь.

Большой Том остался доволен.

— О'кэй! — сказал он на прощание.

Уже в вагоне к нам подошел представитель мэра Сан-Франциско мистера Робинсона, у которого мы накануне были на приеме. От имени мэра он пожелал нам счастливого путешествия. Это было очень трогательно. Мы передали мистеру Робинсону наши благодарности и пожелания здоровья. Пожелания были искренни: мистер Робинсон оказался милым, словоохотливым человеком, одарившим нас небольшими альбомчиками с пестрыми фотографиями Сан-Франциско со своим автографом.

Мы ехали тихоокеанским экспрессом. Уже одно название поезда, похожего на оранжевую змею, холодило наши сердца в предчувствии удовольствия от созерцания всех картин, которые должны были промелькнуть перед нами в больших окнах, похожих на увеличенные экраны телевизоров.

В вагоне было хорошо и просто. В два ряда вдоль окон стояли вертящиеся, как в парикмахерских, кресла. Мы шумно усаживались, забрасывали плащи на полки, разворачивали утренние газеты. Словом, делали все то, что делают пассажиры во всех странах вне зависимости от их имущественного ценза и вероисповедания.

И вдруг наше внимание привлекла темная фотография на первой странице газеты «Сан-Франциско кроникл». На ней виднелись обломки разбитого самолета, несколько трупов, лежащих на земле...

Через всю первую страницу было протянуто три заголовка:

«Нина Уоррен бежала с возлюбленным в Лас Вегас».

«44 погибли при падении самолета».

«Сообщение о слиянии крупных местных банков».

Первый заголовок расшифровывался довольно просто: младшая дочь верховного судьи Уоррена, 22-летняя Нина, по прозвищу «Сластена», сбежала вчера с 33-летним врачом из Беверли Хиллз, доктором Стюартом Брайеном, и вчера же в 11 часов 58 минут, вопреки воле родителей, зарегистрировала свой брак.

Третий заголовок не нуждался в особых комментариях: слияние банков и различных акционерных компаний — для США явление обычное. Концентрация капиталов продолжается...

Второй заголовок сообщал о действительно трагическом событии. 1 ноября разбился самолет ДС-6В, принадлежавший компании «Юнайтед Эйр Лайнз». Погибло 44 человека.

Газета сообщала о том, что это вторая катастрофа за последний месяц с самолетами данной компании. 6 октября самолет ДС-4 врезался в пик Медисин Бау близ Ларами. Тогда погибло 66 пассажиров.

На этот раз самолет взорвался в воздухе. Случилось все это в районе Лонгмонта, штат Колорадо.

Несколько дней назад мы пролетали по этому маршруту. Сейчас со страницы газеты на нас смотрели лица двух стюардес, погибших при взрыве самолета. Трудна жизнь американских стюардес. По условиям авиакомпаний, дабы не испортить талию, они не имеют права выходить замуж. Стюардесы — обычно симпатичные, миловидные (других не берут) девушки. Во время наших полетов по Америке они всегда живо интересовались нами. Многие из них поведали свои совсем невеселые судьбы. Из этих рассказов мы узнали, что улыбаться им приходится часто и тогда, когда на душе невесело. Нелегкий и опасный их труд не так уж хорошо оплачивается. В маленьких городках Америки рассеяны их беспомощные матери, младшие сестренки и братья, на жизнь которым и на учение они вынуждены зарабатывать, лишая себя семейного очага.

Уже значительно позже мы узнали о том, что самолет над Колорадо взорвался не по какой-либо технической причине, а потому, что некий сынок, желая получить поскорее наследство в 150 тысяч долларов от задержавшейся на этом свете мамаши, положил ей в чемодан бомбу замедленного действия, застраховал ее еще на 37,5 тысячи долларов и остался в аэропорте в ожидании сообщения о гибели самолета. Судя по информации в газете, он такого сообщения дождался...

Мы молча рассматривали снимок. А за окнами уже мелькали пригороды Сан-Франциско. Железнодорожные склады. Закопченные дома. Здания фабрик и заводов, на цинковых крышах которых туманно поблескивало солнце.

Поезд шел быстро. Скоро промышленные пейзажи стали уступать место сельским. Замелькали фруктовые сады, питомники с юными деревцами, участки с бодыльями кукурузы, огороды с высокими кустиками капусты и маленькими багровыми шариками

помидоров. Обращала на себя внимание в садах и в огородах тщательная обработка почвы; казалось, что пылесосом с земли было собрано все лишнее, остались только деревья, овощи, фрукты, деревянные ящики у обочин дорог и похожие на игрушечные тракторы с людьми в синих комбинезонах.

К нам подошел сопровождавший нас Фрэнк Клукхон.

— Господа,— сказал он,— я должен сообщить вам не очень приятное известие.

Насторожившись, мы вспомнили бессмертного «Ревизора».

В каких только странах не начинаются этими словами различные комедийные, а порой и драматические события! Но меньше всего мы рассчитывали их услышать здесь, в тихоокеанском экспрессе, ползущем, как огромный оранжевый удав, меж бурых выжженных гор, по склонам которых в причудливо разбитых на участки загонах пасся низкорослый калифорнийский скот.

— Дело в том, что в Голливуде вас не хотят видеть.

— Лично нас?

— Лично вас.

— Это почему же?

— Не знаю, господа, но, по всей вероятности, вы чем-то испортили перед Голливудом свою репутацию.

Это было открытие. Жили мы жили, почти все из нас на пятый десяток повернули, что-то делали, что-то писали, о Голливуде не помышляли, а оказывается, что мы только тем и занимались, что портили свою репутацию перед Голливудом. Что это за зверь такой многоглазый — Голливуд, так зорко смотрящий за нашим поведением? Мы сказали Фрэнку:

— Ей-богу, мы не виноваты.

— Не знаю, господа, меня просили сообщить вам об этом.

— Неужели мы, находясь в Лос-Анжелосе, так и не повидаем Голливуд? Нам бы хотелось все же рассказать объективно нашим читателям, что такое Голливуд. Мы просим вас, Фрэнк, сделать все в этом направлении.

По дороге из Сан-Франциско в Лос-Анжелос.

— Я буду стараться, господа... Но должен откровенно предупредить: все будет зависеть от вас...

— Как это от нас?

— Ну, от вашего поведения...

Вот это здорово! Мы-то думали, что мы что ни на есть самые паиньки из паинек: о расовой дискриминации не расспрашиваем, количеством безработных не интересуемся, пьяных и плохо одетых не фотографируем. Прямо можно сказать: ведем себя много приличней, чем некоторые американские корреспонденты, посещающие Советский Союз...

— Вот так, господа,— подбил итог Фрэнк и отправился в конец вагона на свое место, оставив нас в полном недоумении.

А поезд все мчался. На коротких остановках пассажиры выходили из вагонов, лениво рассматривая рабочих в клетчатых ковбойках, из резиновых шлангов пополнявших водные ресурсы экспресса. На одной из станций нам сказали:

— Вчера в этом городе было землетрясение.

— Большое?

— Нет, не очень, но все же... Слышно было, как дребезжали зубные щетки в стаканах.

Не знаю, во сколько баллов оценят сейсмологи дребезжание зубных щеток в стаканах, но нам захотелось, чтобы поезд скорей отправился со станции.

В вагоне попалась в руки газета с такой информацией: «Предстоит большое землетрясение в центре штата! Сейсмологическая станция предсказывает, что в районе Санта Мария может иметь место геологический сброс. Однако сейсмолог не может предсказать, произойдет ли это через 10 или через 100 лет».

Мы представили себе лица жителей этого района и их благодарные слова в адрес специалиста-сейсмолога, сообщившего столь точные сведения об ожидаемом землетрясении.

И снова поезд мчался, иногда изгибаясь в три витка, обходя высокие холмы и пригорки. А мы молча сидели в вагоне, и каждый из нас, по всей вероятности, перебирал в памяти свои проступки перед Голливудом.

У меня на коленях лежал журнал «Лук». Журнал считается в Соединенных Штатах солидным. В порядке подготовки встречи с Голливудом я штудировал одну из статей, обильно снабженную фотографиями. Название статьи привлекало внимание: «Кларк Гейбл, полная история его необычной, сказочной жизни». Статья была щедро иллюстрирована снимками пяти его жен. Женитьбы и разводы Гейбла были канвой этого обычного для американской печати произведения. Попутно читатель получал сведения о том, что Гейбл в одной из будущих картин будет «единственным мужчиной среди толстых женщин»; и о том, что в общенациональном опросе среди женщин он был признан самым популярным актером-мужчиной в 1955 году; и о том, что «в картотеке студии он все еще остается номером первым по сексуальной притягательности»; и о том, что жена одного издателя, мать ученика колледжа, во время разговора с Гейблом «содрогалась всем телом».

Много полезных сведений можно было почерпнуть из статьи: вилла, в которой он жил, «была окружена оградой со всякого рода электрической сигнализацией от воров».

Над одним из разделов статьи стоял подзаголовок: «Женщины умоляли парикмахера отдать им волосы от знаменитых усов Гейбла».

Знаменитые усы Гейбла меня доконали; я отложил журнал и задумался: в чем же я все-таки лично виноват перед Голливудом?

Статей о Голливуде никогда не писал, о киноактерах плохо не говорил. Может, виноват в том, что смотрел голливудские фильмы? Это было, признаюсь. Могу также признаться, что большинство из них мне не понравилось. Да и как могут понравиться фильмы вроде картины «Ночь охотника», которую нам довелось посмотреть еще на пароходе «Иль де Франс» во время нашего шестидневного пути по Атлантическому океану от берегов Франции к Нью-Йорку? На протяжении всей картины маньяк-убийца гоняется за двумя ребятишками дошкольного возраста с единственной целью завладеть тысячей долларов, зашитых в тряпичную куклу. Дети таскают с собой куклу, маньяк преследует их.

Картину мы смотрели во время сильного шторма. Пароход качало, было муторно, но от того, что демонстрировалось на экране, было еще хуже.

Виноват, резко отрицательно отношусь к этой картине.

Там же, на пароходе, смотрели фильм «Люси Галант» — историю одной предприимчивой бабенки, открывшей в Техасе, в новом районе, где началась «нефтяная лихорадка», дамский магазин. В этой картине всё по щучьему велению... Денег нет — находятся, трудности — немедленно преодолеваются. Не картина, а мечта бесконфликтчика.

Виноват, смеялся; но не от текста, не от игры актеров...

Или еще фильм — «Часы отчаяния», история о том, как в дом честного, добропорядочного американского чиновника забралась шайка гангстеров, спасающихся от полиции; о том, как шайка терроризовала милую семью и как, наконец, благодаря ажурной работе полиции все преступники были обезврежены.

Виноват, не поверил. Вспомнил беспомощные действия полиции в городе Кливленде, в штате Огайо, когда банда хулиганов устроила возле нашей гостиницы «демонстрацию», рвала дверцы автомобилей и совала кулаки в открытые окна машин... Одно из двух: или фильм лакировал действительность, или полиция в Кливленде была не типичной для Америки.

Но неужели же не было хороших, настоящих фильмов? Были. Честное слово, были. Два года назад в Осло я видел картину «Отсюда в вечность» — фильм об американских солдатах и офицерах накануне нападения Японии на Пирл-Харбор. Остро сюжетный, правдивый, с отличной игрой актеров фильм.

Виноват, понравился. Находясь в Америке, я даже сказал одному из кинобизнесменов:

— Если так случится, что мы договоримся об обменных кинофестивалях, хорошо бы именно этот фильм показать в Советском Союзе.

К моему удивлению, я получил ответ:

— Нет, знаете, этот фильм мы бы к вам не повезли.

— Почему?

— Он неправильно показывает американскую армию.

— Но ведь по всей Европе картина шла?!

— Ну, знаете, Европа...— Мой собеседник пренебрежительно махнул рукой.

...На каком-то из поворотов в окнах вагона вдруг возник Тихий океан. На песок катились широкие белые гребни волн. Они шли ярус за ярусом, сшибаясь на берегу и протягивая вперед серые клешни. Океан дальше, за волнами, был бледнозеленого цвета. Казалось, что яркое солнце, бившее в окна вагона, обесцветило его, вытравило привычный для глаза густой зеленый колер. Ближе к железнодорожной насыпи по мокрому песку ходили вразвалку какие-то неизвестные нам птицы. От их тяжелой походки на песке оставались цепочки следов. Птицы не обращали внимания на экспресс.

Скоро слева от насыпи, сверкающий под солнцем, промелькнул нефтеперегонный завод. Вокруг него, похожие на серых ишачков, кивали головами железные рбботы: они из земли сосали нефть. Вскоре ишачки передвинулись совсем близко к океану, а через несколько километров вошли в кипящий прибой и совали свои металлические морды в воду.

Промелькнуло несколько особняков, окруженных тропической растительностью: пальмы с пышными метелками на вершинах. Нам не сиделось на месте. И хотя настроение было не на высоком градусе,— все из-за Голливуда! — привычка вполголоса мурлыкать в пути песни взяла верх. Алексей Аджубей запел:

Крутится, вертится
Шар голубой...

Дремавший в своем кресле Николай Грибачев протер глаза, взглянул на серые могучие океанские валы и почти автоматически продолжал:

Рядом шумит
Океанский прибой.

— Это годится,— сказал Виктор Полторацкий, выделявшийся среди нас большой любовью к песням и почти полным отсутствием слуха.— Я продолжу, у меня есть оригинальные строчки:

Где ж эта улица,
Где ж этот дом?

Полторацкий вдруг замолчал.

— Понимаете, антураж не тот,— сказал он извиняющимся голосом.

Частная собственность
Всюду кругом,—

снова закончил Грибачев, отличавшийся талантом в каждом пейзаже видеть его социальную сущность.

— И это годится,— одобрил Полторацкий.— Продолжим.

После некоторых творческих усилий на свет появилась еще одна строфа:

Крутится, вертится
Шар голубой...
Едет в Лос-Анжелос
Б. Полевой...

— Хватит вам зубоскалить! — прервал наши творческие муки Б. Полевой.— Как вы можете так легкомысленно себя вести после того, что сказал Клукхон?

Мы замолчали. В самом деле, своим пением мы могли оконча-

тельно испортить себе репутацию.

— Не робейте, ребята, у меня есть план,— видя наши вновь погрустневшие физиономии, сказал Полевой.

— Какие уж тут планы...

— Есть, есть! — Полевой хитро улыбнулся.

— Откройся нам, Борис,— попросил Полторацкий.

— В свое время!

...И вот это «свое время» наступило. С плащами и шляпами в руках мы стояли в фойе гостиницы «Амбасадор», окруженные лос-анжелосскими репортерами. Они засыпали нас вопросами:

— Ваши впечатления об американских женщинах?

— Не обеспокоены ли ваши жены, что вы отправились в путешествие без них?

— Ходят ли в России женщины на улице в штанах?

— Не похудели ли вы в Америке?

— Что вы предполагаете посмотреть в Лос-Анжелосе?

На этот вопрос отвечал Полевой:

— Мы мало видели за последнее время американских фильмов. Не встречались с американскими киноактерами и сценаристами. Рассчитываем повстречаться с ними. Нам хочется написать о Голливуде, об американской кинопромышленности, о фильмах Голливуда. В Москве часто устраиваются кинофестивали самых разных стран мира. Сейчас проходит фестиваль французских фильмов. Мы бы хотели видеть и кинофестивали американских фильмов.

Репортеры заполняли страницы больших блокнотов.

— Извините,— закончил Полевой.— Мы целый день ехали, устали, нам бы хотелось отдохнуть.

— О, да! Да! У нас больше вопросов нет,— заговорили лос-анжелосские журналисты, дружески пожимая наши руки.

Мы отправились на отдых.

Трудно сказать, что произошло в эту темную южнокалифорнийскую ночь. То ли Фрэнк Клукхон поработал «в направлении», о котором мы его просили, то ли голливудские деятели пересмотрели в связи с заявлением Полевого свои решения, то ли этих решений вообще не существовало, а просто нас снова захотели «попугать чуток»,— не знаю, что произошло. Утром мы сидели в кафе, неторопливо питаясь холодной дыней. Вдруг вошел гладко выбритый Клукхон.

— Господа, мы опаздываем.

— Куда?!

— Как куда? В Голливуд.

— В Голливуд?!

— Конечно. Вы же хотели его посмотреть! Едем!

И мы поехали. Разделившись на три группы, мы помчались в машинах по широким улицам Лос-Анжелоса. Нам с Борисом Изаковым выпало посетить студию «Юниверсал», одну из крупнейших в Голливуде. Сопровождал нас переводчик госдепартамента США Андрей Федорович Чихачев, почему-то именуемый его американскими спутниками Эндрю Черчев. Возраст у него был уже солидный, что-то около 60 лет. Но был он молодоженом, только недавно соединившим свою жизнь с молодой голландкой. Как-то мы его спросили:

— Есть ли у вас дети?

— Еще нет,— ответил он с надеждой в голосе.

Лос-Анжелос.

Видимо, жилось ему не очень сладко. В глазах его мы часто видели испуганное выражение. В нашем стремительном путешествии он уставал больше других и использовал любую возможность подремать в дороге.

Над Лос-Анжелосом висел туман, просвеченный жарким солнцем. Было душно. Открыли в машине окна. Но сразу пришлось их закрыть: резало глаза.

— Это смок,— сказал Чихачев,— единственный в своем роде туман. Появился в Лос-Анжелосе после войны. Здесь большая концентрация промышленности, огромное количество автомашин. Туман исчезает только в ноябре, когда начинаются дожди. В ноябре все начинает зеленеть. Но лишь до весны, до мая. С июня начинается сушь, над городом снова виснет жестокий, выедающий глаза туман.

Мы проезжали восточную часть Голливуда. Слева возвышались многоэтажные дома с яркими вывесками на крышах. Справа за забором тянулись невысокие красно-желтые холмы. Среди холмов мы увидели скачущих на карих лошадях всадников в широких шляпах.

— Ковбои?!

— Где? — встрепенулся задремавший было Чихачев.

— Да вон же, справа!

— Ах, это... Голливудские холмы... Здесь снимаются ковбойские фильмы.

Меж холмов скакали лошади. За ними мчался автомобиль... Вдруг один из всадников рухнул с коня на землю.

— Убили,— зевнув, сказал Чихачев.

Машина подошла к железным воротам студии «Юниверсал». Администратор провел нас в небольшой кабинет и представил широколицему человеку в очках.

— Вильям Гордон,— назвался хозяин кабинета. Мы уже знали, что он один из руководителей фирмы.— Присаживайтесь.

Сели. Как говорят в таких случаях, воцарилось молчание. Гордон с недоверием рассматривал нас. Мы невольно улыбнулись.

В ход пошла первая попавшаяся фраза:

— Вот приехали посмотреть вашу студию.

— Очень приятно,— сказал Гордон и замолчал.

Мы переглянулись с Изаковым.

— Какой-то странный туман у вас,— сказал я.

— Какой туман? — насторожился Гордон.

— Я имею в виду туман над городом. Без переносного смысла,— поторопился я объяснить свою фразу.

— Ах, смок! — уже без напряжения проговорил Гордон.

И мы снова надолго замолчали. Администратор смотрел и на нас и на своего патрона насмешливыми глазами.

— Наши гости, вероятно, хотели бы посмотреть съемку? — обратился администратор к нам.

— Да, очень бы хотели.

— Пожалуйста,— с облегчением сказал Гордон и в первый раз улыбнулся. В комнате сразу стало светло.

На машине мы подкатили к большому, похожему на ангар зданию студии.

— Идет съемка.— Администратор заговорил шепотом: — Снимается картина «Кричи, невинный».

— О чем фильм?

Администратор, ставший нашим гидом, посмотрел на нас с удивлением:

— О чем? Сейчас вспомню. Ах, да... Одна мадам переехала автомобилем человека. Свалила это на другого... Его арестовали... Кажется, они друг друга любят...

— Кто?

— Я не могу запомнить все сорок картин, которые мы выпускаем в год.

Мы пошли туда, где тихо стрекотала кинокамера. На скамейке под светом прожекторов сидели два человека. Между ними шел напряженный разговор.

— Один — полицейский следователь, другой — обвиняемый,— шептал в ухо провожатый.

Я смотрел на «обвиняемого». Длинное, чуть усталое лицо. В душу заползало беспокойство.

Где-то я видел этого человека? Стрекотала камера. Сцену переснимали несколько раз... И вдруг я вспомнил:

— Тарзан?!

— Один из четырнадцати,— подтвердил администратор.

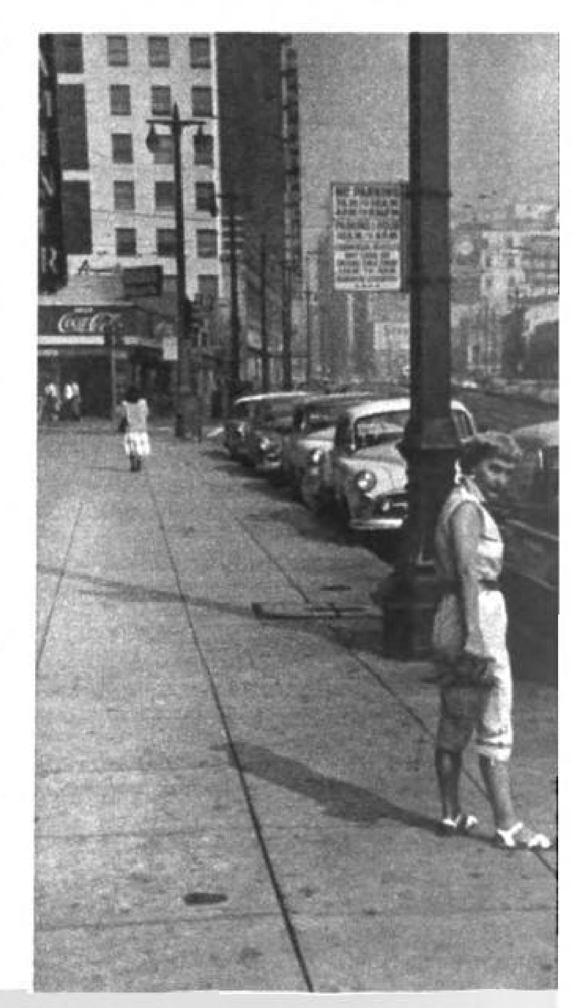
Съемку прервали. Подошел режиссер Биберман. Подозвал актера. Нас познакомили.

— Вы у нас пользовались большим успехом,— сказали мы «Тарзану».

— Спасибо... Но теперь я забросил Тарзана и решил сниматься одетым. Надеюсь, что и одетый я бы тоже понравился вашим зрителям...

Вокруг засуетились фоторепортеры. Русские журналисты фото-

На улицах Лос-Анжелоса.

Советские журналисты с одной из популярных американских киноактрис, Грейс Келли, в Голливуде.
Фото из газеты «Лос-Анжелос Таймс».

графируются с Тарзаном! Это же сенсация!

— Передайте привет в России от Тарзана,— сказал киноактер, прощаясь с нами.

К нам подошел внушительного вида полицейский. Я шутливо поднял руки вверх.

— Не бойтесь, господа, я не настоящий.

— Мы и настоящих не боимся.

— Я играю в этой картине. Зовут меня Будс Кокс. Дело в том, что я встречался с вашими парнями в сорок пятом году на Эльбе. У меня остались хорошие воспоминания. Я хотел пожать вам руку и сказать: это здорово, что вы здесь у нас, в Голливуде.

Кокс несколько раз с силой потряс наши руки.

Съемка продолжалась.

— Хотите прокатиться за десять минут вокруг света? — спросил наш гид, когда мы выходили из студии.

— Есть такая возможность?

— У нас есть все возможности. Прошу.— Перед нами распахнулись дверцы открытого автомобиля.— Обратите внимание на марку машины — «Крейслер». Во всех фильмах нашей фирмы все герои ездят только на автомашинах «Крейслер».

— Но ведь в Америке много различных автомобильных марок?!

— Компания «Крейслер» предоставляет нам бесплатно для всех картин свои машины. Это реклама. Им выгодно, и нам выгодно. Поехали,— сказал наш веселый провожатый шоферу.

Машина медленно покатила по обширной территории студии.

— Учтите, я буду говорить, не останавливаясь. Сами понимаете, за десять минут обернуться вокруг света не так просто. У нас здесь есть основа для любой картины. Чего не хватает, доделываем с минимальными затратами. Пустующие декорации сдаем другим фирмам в аренду.

Мы рассматривали проплывающие мимо нас дома, дворцы, банки.

— Вы видите эту реку? Впрочем, реки вы не видите. Это обыкновенная лужа. В нее чуть прибавляется воды — и можете снимать несколько серий. Так снимался «Тарзан». Он был снят здесь. Привезли из Африки только несколько тонн лиан. А этот водопад? Не видите? Я тоже сейчас не вижу. Но здесь поблизости есть кнопка. Вы ее нажимаете — и Ниагарский водопад или любой, какой вам понадобится, перед вами. А этот пароход, стоящий на песке? Он с Миссисипи. Вас заинтересовали футбольные ворота? Ворота есть, поле не обязательно. А эти веточки? Конечно, джунгли. Здесь вчера мы закончили съемку картины «Пароход из Конго». У нас были и хорошие фильмы. Вот декорация картины «На западе без перемен». Храним как память. Впрочем, память всегда нужно немного эксплуатировать. Мы этим занимаемся. Кое-что снимаем и на этой декорации. Вы хотите видеть Лондон? Пожалуйста. Вы бывали в Париже? Этот дом вам не напоминает район Лувра? Ну, а это, как вы уже, конечно, догадались, Рим. Вот старый феодальный замок, но не составит никакого труда превратить его и в персидский дворец... У вас не дрогнуло сердце? Странно. Это же русские сани! У вас их называют как-то по-своему. Конечно, мы понимаем, что у вас есть и другие средства передвижения... Но мы в нашем представлении о вас пока находимся на этом уровне развития. А этот ишак, что жует зерно? Между нами говоря, золотое животное. Мы с ним сделали несколько серий картины «Говорящий мул». Если бы он на самом деле был говорящим, то содрал бы с нашей фирмы порядочный гонорар... А эти скалы? Конечно, искусственные. Раньше говорили: «Только бог умел создавать природу»,— теперь это устарело... Вот мы уже в Мексике. А это старая Калифорния. А это, видите,— здание банковской конторы. Ее столько раз грабили, сколько не грабили ни один банк в мире. Вот старый Нью-Йорк, а это новый. Раз приехали в Нью-Йорк, дальше ехать некуда...

...Машина покинула безжизненные в этот час кварталы декораций... Но гид продолжал свой монолог:

— Налево уже не декорации. Вы видите коттеджи. Они настоящие. В период киносъемок кинозвезды живут здесь. Они работают без простоев. А вот и госпиталь. Мы снимаем немало ковбойских фильмов. Все на одну колодку. Снимаем их быстро, за две недели. Иногда актеры вместо коттеджа попадают в госпиталь: лошадь зашибет или машина переедет...

«Крейслер» остановился. Наш провожатый сказал:

— После такого напряженного путешествия неплохо позавтракать.

В ресторане нас уже ожидал Вильям Гордон. Он снова пытливо посмотрел на нас.

— Понравилось ли наше хозяйство?

— Очень рациональное хозяйство.

— Нам иначе нельзя. У нас кинематограф — промышленность. Десять голливудских фирм выпускают около четырехсот фильмов в год.

В столовой висел негромкий говорок. Не переодевшись, за столиками сидели ковбои, сыщики, жулики, полицейские... Бывший Тарзан ел бифштекс с кровью. Поблизости сидела стройная голубоглазая блондинка. Гордон сказал:

— Это «мисс Вселенная». Снимается в одном из наших фильмов. Очень скромная девушка. Самая красивая девушка мира прошлого сезона.

У «мисс Вселенной» тоже, видимо, был хороший аппетит: официант поставил перед ней бифштекс.

Вильям Гордон как-то потеплел. По нашей просьбе он рассказал о том, как организован процесс производства фильмов на их студии.

— Студия имеет постоянный состав сценаристов. Раньше их было несколько больше, теперь меньше. Меньше выпускаем картин. Вместо 60—70 по нашей мощности делаем около сорока... Студия сама дает задание сценаристам: инсценировать ту или иную книгу или пьесу. Инсценировок у нас много. Разные сценаристы у нас на разной оплате. Все, конечно, зависит от того, кто автор сценария. Хемингуэю, например, мы заплатили очень много за право инсценировки его книги «Старик и море». Дорого заплатили. Но нам важно показать, что мы можем так платить. Конечно, для рекламы. Об этом мы широко сообщаем в прессе.— Гордон остановился и хитро посмотрел на нас.— При Голливуде находится около пятисот корреспондентов американских и заграничных газет и журналов. Вот они и пишут, рекламируют нас. Картину «Старик и море» очень трудно ставить. Не знаю, как мы справимся с ней... Но мы должны: Хемингуэй сейчас в моде.

— Не знаю, куда мы попадем после этой картины, в рай или ад,— вздохнул администратор.— Вы знаете, ад — это контора импрессарио, когда картина не окупается, а рай,— когда есть хорошая прибыль.

Нас интересовали взаимоотношения сценариста и режиссера.

— Какой срок проходит между созданием литературного и режиссерского сценария?

Гордон вежливо улыбнулся:

— Мы не строим дом на двух фундаментах. Сценарист и режиссер чаще всего работают вместе. Сейчас очень часто сценарист и режиссер — одно и то же лицо. Например, Джордж Ситор. Несколько лучших картин, выпущенных Голливудом, сделаны его руками. Вообще-то писатели-сценаристы имеют у нас решающий голос... Но, конечно, не всегда. Бывает, сценарист напишет эпизод, происходящий на нью-йоркском вокзале. У нас этой декорации нет. Строить заново — дорого. Мы предлагаем ему изменить место действия.

— Поверьте, от этого картины не теряют, а фирма выигрывает,— не удержался от реплики администратор.

— Но мы ограничиваем и режиссера. Определяем ему срок постановки. Если он затягивает срок съемки, ни за один лишний день ему не платим. Мы не очень торопим сценаристов, когда они пишут.— Гордон опять улыбнулся.— Впрочем, им самим писать долго невыгодно. Но когда сценарий готов, мы собираем всех руководителей отделов. Выслушиваем их требования о расходах по фильму. Утверждаем здесь же смету, устанавливаем точный график съемки. Как правило, перерасхода у нас не бывает, а если и бывает, то не больше пяти процентов.

Завтрак кончился.

— Может, у вас есть желание посмотреть наши музыкальные студии? — предложил Гордон.

— Но мы у вас уже отняли столько времени!

— Что вы, для нас это — удовольствие! — совсем искренне сказал Гордон.

Администратор подмигнул нам.

Мы зашли в зал, где выверялось качество звукозаписи картины «Бени Гудмен».

— Как раз картина Джорджа Ситора. Надеемся на нее,— доверительно прошептал Гордон.

На другой двери была надпись: «Посторонним вход запрещен». Борис Изаков указал на нее Гордону.

— К вам это не относится... Здесь сейчас «накладывают» музыку на ковбойский фильм «Ответный удар». Между прочим, у нас прекрасные музыканты... Каждый из них мог бы играть в лучшем симфоническом оркестре, но мы больше платим...

Мы вошли в студию. На экране мелькали кадры: человек с лицом преступника метал ножи в героя.

Оркестр играл что-то знакомое...

— Что они играют?

— А это кусочек из вашего Прокофьева... Напряженный момент, он нам подходит...— Звукооператор показал на экран: — Смотрите!

На экране продолжали метать ножи.

Уже стоя возле машины, прощаясь с Вильямом Гордоном и другими работниками фирмы, мы сказали:

— Мы просим показать нам несколько лучших картин. На ваш выбор. Можно это сделать?

— Конечно. Сколько бы фильмов вы хотели посмотреть?

— Программа наша загруже-

на... Но три фильма, если можно было бы...

— Безусловно,— сказал Гордон.

Мы простились. Протягивая руку, веселый администратор сказал:

— Ну, видите, все обошлось хорошо.

Ворота студии «Юниверсал» закрылись за нами. И снова машина помчалась по пустынным, душным улицам Лос-Анжелоса.

— А вот здесь была когда-то студия Чарли Чаплина,— сказал молчавший до этого шофер, указывая на небольшое розовое здание, промелькнувшее слева.— Очень жаль, что он уехал из Америки.

Посещение Голливуда, конечно, вызвало некоторые размышления: отличная техника, хорошие актеры, блестящая организация производства. Но искусство, глубина, то, что делает художника счастливым, а зрителей благодарными художнику? Почему же здесь так много полицейско-детективных и так называемых ковбойских фильмов, где драки и убийства составляют главное? Это что, для щекотания нервов? Для прибыли? Для бизнеса? И почему так много уголовщины?

На другой день, разговорившись с одним из кинодеятелей, я спросил:

— Почему все же вы снимаете так много полицейско-детективных фильмов? Неужели они отражают вашу жизнь?

Собеседник оказался откровенным человеком:

— Давайте просмотрим газеты за дни вашей жизни в Лос-Анжелосе. Может быть, они вам лучше ответят на ваш вопрос.

Мы развернули газеты. Мой собеседник спросил:

— Вас всё интересует?

— Всё.

— Например, такие объявления: «Сыры Чеддар» похожи на участниц соревнования на звание «мисс Америка». Они все хороши, но некоторые лучше, чем другие».

— Но это просто реклама.

— Реклама. А внутренняя информация вас интересует?

— Главным образом.

— Вот что пишет газета «Лос-Анжелос таймс»: «Недостаток средств задерживает строительство 14 городских школ». Но это только заголовок. А вот сам текст: «Полная остановка ввиду недостатка строительных материалов. Откладывается начало занятий в повышенных школах Вестчестера, Гардены, Нарбона, Норс-Вильмингтона и других. Всего задержано строительство 50 школьных зданий». Ну, как?

— Но это же не имеет отношения к моему вопросу?

— Хорошо. Вот материал, имеющий отношение к вашему вопросу. Та же газета «Лос-Анжелос таймс». Пожалуйста. «Пятерым полицейским предъявлено обвинение в краже со взломом». Украли, понимаете, фотопринадлежности на 9 тысяч долларов.

— Полицейские?!

— У вас была такая песенка: «Цыпленок тоже хочет жить». А вот еще: полицейские Фрайди, Брок, Белстерс обвиняются в таком же преступлении. У этих, так сказать, сельскохозяйственный уклон. Уперли три самоходные косилки, самоходную машину для стрижки кустарников и другое садовое оборудование... Но это еще не все. У полицейского Фрайди «в коричневой кожаной коробочке из-под запонок обнаружены наркотики — 11 сигарет, содержащих марихуану, и пять ампул с героином». Самое смешное, что некоторые из них, как, например, Купер и Коннолли, являются сотрудниками отдела по борьбе с преступлениями против нравственности...

Мой собеседник смеялся.

— А вот еще. Вчера было сделано сенсационное сообщение о том, что два лос-анжелосских полицейских похитили железнодорожный вагон с мебелью, стоящей несколько тысяч долларов... Узнав, что их подозревают, разбили и сожгли два грузовика мебели, которую они привезли к себе домой.

— Но это же совсем не то, что показывается в картинах!

— Ну, слушайте... Нельзя же полицейских выводить в плохом свете. Они все-таки охраняют наше государство... А вот еще...

— Хватит, хватит! — запротестовал я.— Хватит!

...Вильям Гордон выполнил свое обещание. В демонстрационном зале «Ассоциации постановщиков кинокартин» на бульваре Беверли мы до трех часов ночи смотрели показанные нам по выбору хозяев фильмы трех голливудских фирм: «Человек, которого зовут Питер», «Харвей» и «Американец в Париже». Фильмы хорошо поставлены, играют в них талантливые актеры. Но не от хорошей жизни, видимо, выпускаются такие картины, как «Американец в Париже», в которой с явно пропагандистскими целями доказывается, что французы «тянутся» к Америке. Французы, с которыми нам в Париже довелось говорить об этой картине, смеялись:

— Странное дело, почему же мы, французы, сами не ставим такие фильмы? Мы бы просто прогорели на них...

В США же этот фильм получил первую национальную премию... Как видно, нужда заставляет.

Больше других нам понравился фильм «Харвей». Главным героем фильма является больной, добрый, но спившийся человек. Заняты в картине хорошие актеры. Много по-настоящему комедийных положений. Да и как-то человечней она больше других картин.

Просмотр закончился в три часа ночи. До этого, в перерыве, в одном из голливудских ресторанов хозяева устроили в нашу честь обед. И даже оркестр «для русских» играл «Очи черные», «Ямщик, не гони лошадей» и «Барыню»...

Беседуя во время обеда, мы нашли много общих тем с кинодеятелями Голливуда. Выяснили, что они заинтересованы в обмене с нами фильмами. Голливудцы поддержали идею обменных кинофестивалей...

Прохладная калифорнийская ночь висела над Лос-Анжелосом. Тихо качались высокие пальмы. Сверкали рекламные вывески. Автомашины, как торпеды, неслись по черному асфальту.

Я думал: «Ну, вот Голливуд и открыл перед нами двери. Мы познакомились с интересными людьми. Не скучали друг с другом. Многое узнали. Мне предстоит впервые в жизни писать о Голливуде. Что же будет теперь с моей репутацией?»

Юбилей друга

Ханна Хонти.

Фото О. Кнорринга.

Театральная общественность Москвы отметила пятидесятилетие творческой деятельности примадонны гастролирующего в Москве Будапештского театра оперетты заслуженной артистки лауреата премии Кошута Ханны Хонти.

Всю свою творческую жизнь провела она у себя на родине. Много раз театры Парижа, Вены, Италии, США приглашали к себе на гастроли прославленную венгерскую актрису. Но она неизменно отказывалась от самых заманчивых ангажементов. И вот впервые на пятидесятом году сценической деятельности Хонти вместе со всем коллективом Будапештского театра оперетты отправилась на гастроли за рубеж своей страны.

Волнений было очень много. Ханна Хонти не раз слышала о радушии советских зрителей, и все же с тревогой ждала она первой встречи с ними. Ведь здесь Хонти никто не знал, а в Венгрии ее знал любой... Еще бы... Одна из первых исполнительниц Сильвы, она пела эту партию и в спектакле, которым дирижировал сам Кальман, она пела главную партию и в «Графе Люксембурге» Легара, когда за дирижерским пультом стоял автор.

Венгрия — родина многих оперетт; здесь знают, понимают и любят этот жанр, и в этом немалая заслуга и Хонти. Исполнительница нескольких сот партий чуть ли не во всех существующих опереттах, она на протяжении сорока лет является неизменной примадонной венгерского театра.

И вот впервые Хонти выступает перед незнакомой аудиторией. Яркий свет рампы, огромный темный зрительный зал. И вдруг с появлением актрисы — аплодисменты, бурные, долгие аплодисменты. Хонти почувствовала себя, как дома. Аплодисменты от одной сцены к другой все росли и росли, и в них уже было не приветствие и одобрение, а благодарность актрисе за ее блестящее мастерство и огромное обаяние, за ее неувядаемый талант.

Советские деятели искусства, как и многочисленные зрители, пришедшие поздравить актрису в знаменательный день ее юбилея, долго рукоплескали полюбившейся им замечательной представительнице венгерского театра.

Об этом дне Ханне Хонти будут всегда напоминать многочисленные адреса, приветствия советских друзей.

Н. ВЕРШИНИНА

На сцене Большого театра

Николай Херля, третий раз приезжающий в Советский Союз на гастроли, рассказывает Иоланде Меркулеску о Москве.

Фото Е. Умнова.

Выступления зарубежных артистов на сцене Большого театра стали уже традицией. Тем не менее спектакль «Севильский цирюльник» с участием Меркулеску, Херля, Теодаряна привлек особое внимание. Артисты Румынской Народной Республики пели в оперном спектакле в Москве. Правда, этому предшествовали их концерты и участие в спектаклях во Львове, Одессе, где переполнившая залы публика высоко оценила талант молодых певцов. И все же встреча с москвичами в стенах Большого театра была знаменательна для исполнителей.

Румынские певцы говорят, что они никогда не видели такого радушия, такого горячего внимания как со стороны партнеров, так и со стороны слушателей.

Кроме «Севильского цирюльника», наши гости выступили в «Риголетто» и «Травиате».

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

Сначала в редакцию принесли письмо, а дня через два пришел и сам автор. Вернее, не пришел, а влетел в образе встревоженного, взволнованного гражданина.

— Помогите! Моему Мальчику уже десять месяцев, а ему до сих пор не дают золотой медали.

— Десять месяцев? Так за что же ему, собственно, давать медаль?

— За породу. Вы разве не знаете, кто мать моего Мальчика? Кукарача. Не та Кукарача, которая была у Жуховицких, а знаменитая, породистая. И вот из-за гнусных интриг жюри...

Я смотрел на Владимира Васильевича Морева и не понимал. Ну, можно ли взрослому, солидному мужчине принимать так близко к сердцу решение жюри собачьей выставки! А Владимир Васильевич волновался день, другой, а потом даже слег в постель, будто золотой медалью обнесли не десятимесячную таксу, а его самого.

Все эти переживания были тем более удивительны, что на прядильной фабрике Владимир Васильевич Морев был известен как трезвый, рассудительный человек. И вдруг у этого человека из-за какого-то щенка сердечный припадок...

— Они не имели права,— жаловался больной.— Мой Мальчик — первый кандидат в медалисты. И по ладам, и по стати, и по экстерьеру.

На прядильной фабрике только удивлялись: когда технолог Морев успел сделаться таким знатоком собачьих статей? Ведь до самого последнего времени он с трудом мог отличить крысу от таксы.

Владимир Васильевич пристрастился к четвероногим недавно и неожиданно. Его увлечение щенками началось в то время, когда появился новый директор хлопчатобумажного комбината — Кирилл Константинович Пряхин. А новый жил, оказывается, в одном доме с Моревым и был владельцем Кукарачи, той самой знаменитой, породистой... Это он, Пряхин, дважды в день, утром и вечером, прогуливал своего пса по улице, вызывая умиление у жены Морева Ольги Петровны. И в самом деле, картина была трогательная. Небольшая собачонка семенила рядом с крупным, могучим мужчиной. И этот мужчина осторожно переставлял свои ноги, которые колоннами возвышались над таксой, чтобы случайно не задеть ее.

Самого же Морева ежедневные прогулки владельца Кукарачи не умиляли, а коробили:

— При его-де солидности. И хоть бы пес был псом, а то какая-то каракатица.

И вдруг неожиданный пассаж. Владимир Васильевич приходит с работы домой, а жена ему навстречу с такой же точно каракатицей в руках.

— Знакомься, Мальчик, сын Кукарачи.

— Зачем? Откуда?

— Пряхин подарил. Еле упросила. Это лучший щенок помета.

Мореву хотелось взять этого лучшего и выбросить за порог. Но он сдержался и спросил:

— А кто будет гулять с твоим Мальчиком?

— По очереди. Я и ты.

— Я? Ни в коем случае.

Но попробуй не пойди. Жены нет дома, а пес скулит. И Морев волей-неволей стал сопровождать каракатицу на ее прогулках. Впереди бежала она, а сзади на поводке, пытаясь сохранить мужское достоинство, важно шествовал сам Владимир Васильевич.

Двадцать лет прожил Морев в доме текстильщиков и не знал, сколько бетонных тумб установлено на их улице. И вот теперь с помощью Мальчика он, наконец, произвел точный подсчет и тумб, и фонарных столбов, и троллейбусных мачт. И здесь не то у столба, не то у тумбы как-то в воскресный день знаменитая Кукарача встретилась со своим пока еще безвестным отпрыском. Собаки обнюхались, а мужчинам пришлось приподнять шляпы и раскланяться.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Так технолог прядильной фабрики познакомился с директором своего комбината.

— Ну как? — спросил директор.— Не ругаете меня за собачку?

— Что вы, что вы! Мы все очень рады. И я и жена.

— А чумкой ваш Мальчик еще не болел?

— Чем, чем?

— Э-э, друг...— пожурил технолога директор.— Какой же вы собаковод, если не слышали про чумку?

— Нет, почему же,— спохватился Морев.— Я слышал. Чумка — это то самое, которое... Ну, спазмы, посинение...— начал было объяснять Морев и запутался.

— Нет, нет. Не то. Вы лучше сходите в ветеринарную лечебницу, вам объяснят,— посоветовал Пряхин и улыбнулся.

Два дня из-за этой улыбки Морев корил себя.

— Эх, ты, шляпа! Встретиться в приватной обстановке с директором комбината — и так глупо сконфузиться...

Для того, чтобы в следующий раз предстать перед начальством более осведомленным человеком, Владимир Васильевич стал восполнять пробелы в своем образовании. Он не только консультировался у ветеринаров, но и в порядке самостоятельных занятий штудировал книжки кинологов, в которых писалось о собаках: об их болезнях, повадках, рационе...

В результате вскоре Морев уже не краснел, сопровождая Кирилла Константиновича Пряхина с его Кукарачей в их утреннем путешествии от тумбы к тумбе. Владимир Васильевич столь бойко рассуждал об экстерьере, прикусе и разных блюдах из собачьего меню, что вошел в доверие к Пряхину. И тот даже пригласил Морева к себе в гости:

— Зайдите, посмотрите на новое потомство моей Кукарачи.

После этого приглашения Владимир Васильевич почувствовал себя на короткой ноге с директором, и ему стали приходить в голову всякие фантазии. Вначале эти фантазии касались только Мальчика:

«Хорошо бы выхлопотать этому щенку золотую медаль».

Затем Морев вспомнил и о себе:

«Не плохо бы и мне продвинуться из простых технологов в главные».

И чем чаще Кукарача семенила рядом с Мальчиком, тем подобострастней смотрел Морев в глаза Пряхина.

А, чем черт не шутит! Все в воле директорской.

Но Морев старался напрасно. Заботливый владелец Кукарачи оказался совсем не заботливым на посту директора комбината, и этого человека пришлось перевести с руководящей работы на рядовую. И хотя бывший директор продолжал жить в том же доме и гулял с Кукарачей по той же улице, но Морев как-то сразу утратил интерес к его прогулкам. Мореву хотелось быть на короткой ноге уже не с бывшим, а с нынешним директором. Нынешний же, Сергей Сергеевич Карпов, был не собачником, а футбольным болельщиком. Карпов не чаял души в команде «Торпедо», а самого молодого игрока этой команды Стрельцова считал лучшим нападающим всей Европы.

И вот бывший собаковод в экстренном порядке стал перекрашиваться под болельщика. Морев выписал «Советский спорт», купил кучу футбольных справочников и с помощью этих пособий уточнил, сколько мячей в текущем сезоне забил противникам лучший нападающий Европы. Но одной этой цифры было мало, чтобы стать своим человеком у поклонников автозаводской команды. Истый болельщик «Торпедо» должен был знать не только, сколько мячей забил Стрельцов, но и чем забил. Сколько правой ногой, сколько левой. И не только чем, но и как забил: носком ли, подъемом, пяткой, коленом, грудью, плечом, бровью...

Такие подробности в официальных справочниках, конечно, не регистрировались. Их держали в своей памяти лишь завсегдатаи восточной трибуны — мальчишки.

И Мореву пришлось устанавливать связи с незнакомым ему братством несовершеннолетних болельщиков. Он ходил на стадион, смотрел, свистел, постигал. К концу лета мальчишки стали считать странного дядю своим человеком. И не удивительно. Странный дядя сильно преуспел в их обществе. Он изучил биографии не только игроков «Торпедо», но и их жен, родственников, знакомых. Морев с апломбом рассуждал о недостатках защитной тактики, ругал нападающих «Динамо», «Спартака», хвалил Стрельцова. В общем, наступил день, когда Морев понял, что он уже созрел для знакомства с директором. А поняв это, он стал покупать билет не на восточную, а на северную трибуну.

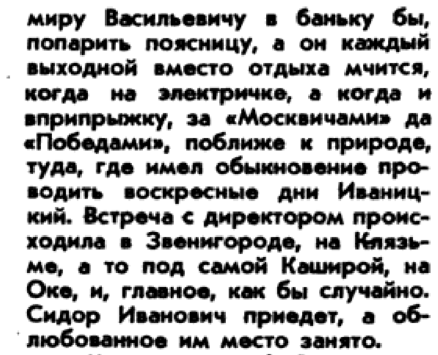
Вот здесь-то мне и довелось встретиться во второй раз с технологом Моревым, и я не смог не обратить внимания на весьма странное поведение этого человека.

Во время выступлений «Торпедо» Владимир Васильевич садился обычно поблизости от Сергея Сергеевича Карпова и громче всех поощрял действия молодого Стрельцова. А для того, чтобы эти поощрения производили больше впечатления, Морев широко пользовался жаргоном восточной трибуны. Вместо того, чтобы сказать: «Бей по мячу головой!» — он исступленно кричал:

— Мозгой его, мозгой!

Сначала окружающие посмеивались над неистовым болельщиком. Потом стали привыкать к нему. И если иногда Морева не оказывалось почему-либо на стадионе, постояльцы северной трибуны справлялись один у другого:

— А куда девался наш «Мозга»? Не заболел ли он, случаем?

И вот как-то в конце зимы, в это самое тоскливое для болельщиков время, когда прошлый футбольный сезон уже закончился, а новый еще не начинался, Сергей Сергеевич Карпов встретил во время обхода прядильной фабрики технолога Морева и обрадовался ему, как родному.

— Смотрите, «Мозга»! Разве вы наш, а не автозаводской?

— Как же, кадровый текстильщик!

— А я и не знал! — сказал директор и, лукаво подмигнув, добавил: — А ну, заходите ко мне сегодня, поговорим о текстиле.

Морев зашел, и болельщики заговорили, и, конечно же, не о текстиле, а о футболе. А это те же семечки. Их можно грызть часами.

Так технолог Морев познакомился с директором комбината, и, когда наступила весна, наши болельщики регулярно стали встречаться после работы на северной трибуне. Встретятся, улыбнутся друг другу. Дальше улыбок дело у Сергея Сергеевича, однако, почему-то не шло. Морев ждал продвижения по службе, а Карпов об этом ни слова. Кончилась весна, наступило лето, а Владимир Васильевич все еще продолжал жить надеждами.

«Начнет «Торпедо» играть лучше, директор и подобреет»,— успокаивал себя он.

И вот на финише футбольного первенства, когда автозаводцы начали выигрывать один матч за другим и Морев мысленно считал себя уже главным технологом фабрики, Сергея Сергеевича Карпова совершенно неожиданно послали работать в Среднюю Азию, а на его место был назначен директор: Сидор Иванович Иваницкий.

От обиды Морев чуть даже не заплакал. Но огорчения не помешали, однако, ему предпринять энергичные действия, чтобы познакомиться с новым директором.

Познакомиться с директором? Чего как будто бы проще! Приходи к этому директору в приемный день и знакомься. Приходи, а с чем? Если бы у Морева были мысли и предложения по технологии прядильного дела... Но, увы, таких предложений технолог Морев не имел! Несмотря на все свои притязания, Владимир Васильевич был в действительности маленьким, серым человечком. И этот человечек, не надеясь на свои таланты, делал ставку на свои знакомства. Была бы у нового директора такая же Кукарача, как у старого, Морев с радостью снял бы свою шляпу еще у одного фонарного столба. Но новый оказался не собачником, а рыболовом-любителем. В результате через месяц — другой на языке у Морева было уже десятка три новых слов: «лещ», «подлещик», «шереспёр», «голавль»... Владимира Васильевича интересовали теперь не только новые слова, но и новые проблемы: не «у кого какая стать», а «кто на что клюет».

У каждой рыбы, как выяснил Морев, был свой вкус. Одна ловилась на червяка, другая предпочитала мотыля, третья — мормышку. И все это нужно было Владимиру Васильевичу изучить, запомнить. Рыболовецкая наука давалась не без трудностей. Другие любители ездили рыбачить на машинах. А у Морева ни своей, ни казенной. Ему приходилось поспешать за рыболовами на своих на двоих. А сколько мук претерпевал Морев зимой! Иваницкий сидит над прорубью и только покряхтывает от удовольствия. Ему что! Грудь у Сидора Ивановича борцовская, в плечах — косая сажень. Такой от мороза только здоровеет. А Мореву при его радикулите одни страдания. Владимиру Васильевичу в баньку бы, попарить поясницу, а он каждый выходной вместо отдыха мчится, когда на электричке, а когда и вприпрыжку, за «Москвичами» да «Победами», поближе к природе, туда, где имел обыкновение проводить воскресные дни Иваницкий. Встреча с директором происходила в Звенигороде, на Клязьме, а то под самой Каширой, на Оке, и, главное, как бы случайно. Сидор Иванович приедет, а облюбованное им место занято.

— Какая жалость! Опять опоздал!

— Садитесь рядом. Рыбы сегодня много, всем хватит.

— На что берет?

— Как всегда на мотыля.

— А у меня мотыль мелкий! — сокрушается директор.

— Что за разговор, одалживайтесь,— по-простецки говорит Морев и придвигает к Иваницкому банку.

Рыбаки делят насадку, прикуривают от одного огня и закидывают удочки неподалеку друг от друга. Один смотрит на поплавок и думает о щурятах: «Пойдут они на мормышку или не пойдут?» Другому же в это время мерещится должность главного технолога.

— Господи благослови, кажется, клюнуло! — говорит он и опасливо добавляет: — Лишь бы только министерство не вздумало теперь менять на комбинате директора!

Морев боялся, однако, не только козней работников министерства, но и упрямства своей собственной супруги — Ольги Петровны. А споры с супругой шли у него из-за таксы. Привязалась Ольга Петровна к своему Мальчику, и теперь хоть плачь. Три года назад Морев понимал и даже разделял такую привязанность. Но зачем держать каракатицу в доме сейчас? А Ольга Петровна, не считаясь с изменившейся конъюнктурой, продолжала растить и холить свою таксу. В результате на последних двух выставках эта такса получила две золотые медали. А каждая медаль — это нож в сердце Морева.

— А вдруг до нового директора дойдет, что он, Морев, был на близкой ноге со старым и даже получил от старого в подарок собачку?!

А новому директору и невдомек, чем озабочен Морев. Новый, улыбаясь, смотрит на свой тощий улов: за целый день два ерша и один пескарь — и говорит:

— На сегодня все! Хотите, подвезу до дома?

И вот машина мчит двух рыбаков-любителей к городу. Один любитель смотрит в окно и восторгается видами, которые раскрываются по обеим сторонам дороги. А второй не обращает внимания ни на запорошенные снегом березы, ни на багровый закат над лесом.

«А что, если привязать этому проклятому Мальчику на шею камень да и ткнуть его в прорубь?» — думает второй, и впервые за весь день на его лице расцветает улыбка.

Шофер останавливает машину у дома текстильщиков. Рыбаки прощаются.

— До воскресенья,— говорит один.

— До воскресенья! — громко, чтобы слышали соседи, отвечает второй и, полный надежд, скрывается в подъезде.

Между прочим

СЕРАЯ КОБЫЛА

Один человек, много поездивший по свету, дал своему сыну пару лошадей, экипаж и корзину яиц.

— Поезжай в этом экипаже,— сказал он сыну,— по проезжей дороге и заходи по пути во все дома. Если ты убедишься, что в доме глава семьи — муж, подари ему одну из этих лошадей. Если жена командует мужем, дай ей яйцо. Возвращайся немедленно, если расстанешься с лошадью, но не бросай начатого дела до тех пор, пока у тебя будут обе лошади и хотя бы одно яйцо.

Сын пустился в дорогу, горя желанием выполнить возложенную на него миссию. Только выехал он за пределы отцовской усадьбы, как увидел скромную хижину. Выйдя из экипажа, он постучал в дверь. На пороге появилась хозяйка.

— Ваш муж дома?

— Нет, он на сенокосе, но я позову его.

Пришел муж, вытирая потный лоб. Молодой человек рассказал супругам о возложенном на него поручении.

— Я всегда делаю так, как желает Джон,— сказала жена, вертя в руках уголок фартука.— Он мой повелитель. Правда ведь, Джон?

— Правда,— ответил Джон.

— В таком случае,— сказал молодой человек,— я должен подарить вам лошадь. Какую вы хотите взять?

— Я думаю,— сказал Джон,— мы возьмем гнедого мерина.

— Если нам предоставляют выбор, муженек,— сказала жена,— то, конечно, серая кобыла лучше подойдет нам.

— Нет,— ответил Джон,— я стою за гнедого: у него широкая грудь и, как видно, очень крепкие ноги.

— А я так не думаю,— сказала жена.— Серая кобыла, по-моему, гораздо лучше, и я никогда не буду знать покоя, если ты откажешься взять ее.

— Ну что ж,— согласился Джон,— раз ты так решила, то возьмем серую кобылу.

— Благодарю вас,— сказал молодой человек,— разрешите мне подарить вам яйцо из этой корзины.

И он преподнес хозяйке яйцо.

* * *

Вернулся домой молодой человек в экипаже, запряженном парой лошадей, но с пустой корзинной.

Из английского сборника «Остроумие и мудрость».

Перевел П. ОХРИМЕНКО.

СЕКРЕТ УСПЕХА

Когда к писателю-юмористу Стефэну Ликоку честолюбивые, но мало способные писатели обращались с просьбой рассказать им, в чем волшебный секрет успеха, он обыкновенно отвечал: «Писать веселые вещи совсем нетрудно. Достаньте перо, бумагу и чернила, а затем садитесь и пишите, что вам придет в голову».

«Да, да»,— обычно соглашался будущий автор, а Ликок заканчивал: «Писать-то нетрудно. Вся трудность в том, чтобы что-то приходило в голову».

ДВА ГОЛОСА...

Бернард Шоу присутствовал на общественном просмотре фильма «Пигмалион», поставленного по его пьесе. Довольный картиной, Шоу направо и налево раздавал свои автографы и даже согласился появиться на сцене после окончания фильма. Когда же он поднялся на сцену, с задних рядов послышался чей-то крик: «Долой его оттуда!». Приветственно взмахнув рукой, Шоу весело произнес: «Друг мой, я с вами вполне согласен. Но что стоят наши два голоса против такой массы народа?».

Перевел с английского

В. КУЗНЕЦОВ.

В. Борисенко — чемпион СССР

Свыше месяца продолжался в Сухуми турнир сильнейших шахматисток страны.

На протяжении почти всего соревнования лидировала чемпион СССР Лариса Вольперт, лишь на финише она уступила ведущую роль другой представительнице Ленинграда — Валентине Борисенко.

Активное участие в борьбе за почетное звание чемпиона страны принимала и «большая тройка»: чемпион мира Елизавета Быкова, экс-чемпион Людмила Руденко и победительница турнира претенденток Ольга Рубцова.

В лидирующей восьмерке крепко держались также таллинская перворазрядница Сальме Роотаре, самая молодая участница турнира бакинка Татьяна Затуловская и мастер Кира Зворыкина.

Эта группа так дружно боролась за первое место, что до последних туров каждая из ее участниц имела шансы на победу.

В результате упорной борьбы первое место и звание чемпиона СССР по шахматам среди женщин завоевала международный мастер ленинградка Валентина Борисенко.

Н. НИКОЛАЕВ

Зима

Спартак **КУЛИКОВ**

Русокосая зима
Ждет рассвета на дворе.
Дождалась. И вот сама
Ладит горку детворе.

А потом с ведром в руке
Через белое шоссе
По воду пошла к реке
В голубой своей красе.

Шаль сняла. Стоит, горя,
В снежном солнечном луче.
Тихо гладит снегиря,
Что алеет на плече.

Синеглазый дед Мороз
Бросил вожжи, слез с саней
И бредет к пенькам берез,
Поогорить хочет с ней.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин Н. Н. Дубовского и четыре страницы цветных фотографий.

Афганские пословицы и поговорки

Спросили верблюда: — Отчего у тебя шея кривая?
— А какое место у меня ровное? — засмеялся верблюд.

Крик петуха утра не делает.
Укушенный змеей боится пестрой ленты.
Изношенный шелк не годится даже на ослиное седло.
Лисе ее же шкура приносит несчастье.
Другу говори правду. Врагу хвастайся.
Решето сказало кувшину: — Дырявый!
Не дошел до воды,— не снимай сандалий!
На своей улице и дрянная собака — тигр.
От битья осел не станет лошадью.
Мужчина тот, кто не говорит, но делает.

Перевел с афганского Юлиан **СЕМЕНОВ.**

Человек тверже камня, нежнее цветка.
Ударом воду не разделишь, огонь и воду не соединишь.
Утекшая вода обратно не возвращается.
Для огня все равно, что свое, что чужое.
Верблюда под мостом не спрячешь.
Не стыдись спрашивать.
Лучше сто раз умереть, чем один раз быть побежденным.
Своя кукурузная лепешка лучше чужого плова.
От сабельной раны поправишься, а от раны, нанесенной клеветой,— никогда.
Тысяча друзей — мало, один враг — много.

Перевел с афганского **В. ГАВРИЛИН.**

Ташкент.

Из почты «Огонька»

В татранском парке

Во время путешествия вместе с группой советских туристов по Чехословацкой республике нам пришлось осматривать великолепный татранский парк. Нас поразило множество белок, прыгающих по ветвям деревьев совсем близко от нас.

Сторож парка объяснил нам, что зверьки ждут лакомства от гостей. Кто-то из туристов шутя протянул руку, как бы предлагая угощение. Одна из белок моментально спрыгнула на землю, подбежала к нам и встала на задние лапки. Получив конфету, белка лапками и зубами разорвала бумагу, попробовала на вкус полученное и быстро скрылась на деревьях.

Мы купили конфет, сахару и угощали белок, которые, ближе познакомившись с нами, позволяли брать себя на руки.

А. ГОРБУНОВ

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...в Буэнос-Айресе находится улица, являющаяся «чемпионом мира» по своей длине. Она называется Ривадавья и имеет 20 тысяч домовых номеров.

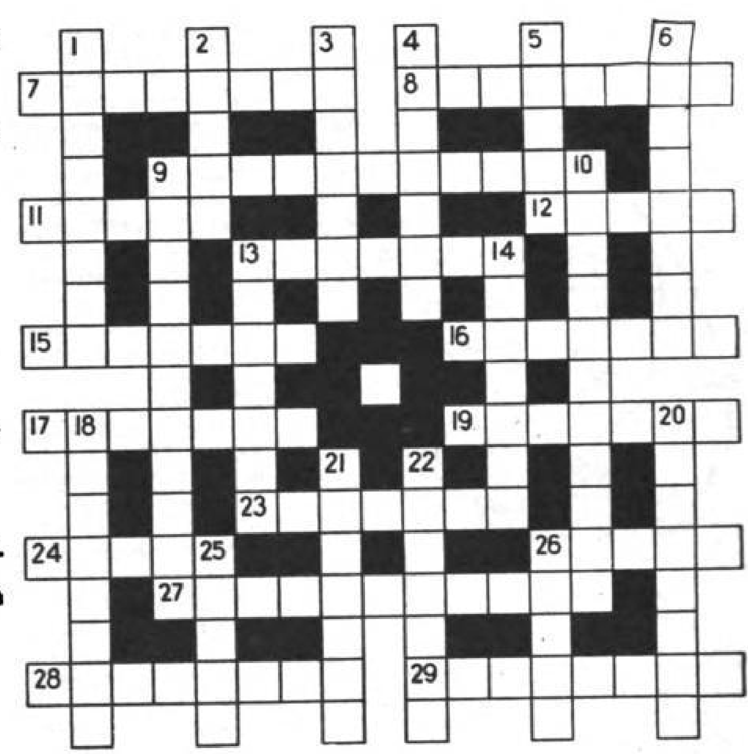
...количество различных видов насекомых превысило в настоящее время 800 тысяч. Нужно отметить при этом, что многие из них размножаются с поразительной быстротой. Так, например, царица термитов откладывает яйцо каждые две секунды.

...гигантская черепаха, со щитом в 2,5 метра и весом в 480 килограммов, была поймана рыбаками города Сабль д'Олонн (на юго-западе Франции, департамент Вандея, на берегу Бискайского залива).

...паук является самой искусной пряхой в мире. 150 граммов его ниток было бы достаточно, чтобы окружить земной шар по экватору (40 тысяч километров). Диаметр этой нитки представляет собой в среднем одну трехтысячную миллиметра.

...жираф может оставаться шесть месяцев без питья. Он обладает способностью есть акации с колючками. Жираф — немое животное.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Личный состав учреждения, предприятия. 8. Парламент в Норвегии. 9. Область физики. 11. Один из народов на Балканском полуострове. 12. Горная порода. 13. Мощный обжимный стан. 15. Польский танец. 16. Вид графики. 17. Народный артист СССР. 19. Город в Чехословакии. 23. Род растений из семейства лилейных. 24. Портовый грузчик. 26. Созвучие. 27. Восстановление. 28. Часть логарифма. 29. Русский поэт-сатирик XIX века.

По вертикали:

1. Элементарная частица, возникающая при радиоактивном распаде. 2. Шотландская овчарка. 3. Каменная порода. 4. Герой первой Севастопольской обороны. 5. Приток Куры. 6. Устройство для превращения постоянного тока в переменный. 9. Прибор для подогрева воды, поступающей в котел. 10. Усиление деятельности. 13. Сплющенный шар. 14. Приспособление для сжигания жидкости или газа. 18. Полуостров в Азии. 20. Показатель. 21. Вершина Главного Кавказского хребта. 22. Соотношение длительности музыкальных тонов. 25. Огородное растение. 26. Оратор в древней Греции.

ОТВЕТЫ НА ШУТОЧНО-ЛИРИЧЕСКИЙ КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

5. Любовь. 6. Балкон. 7. Стандарт. 8. Лирика. 10. Измена. 12. Стыд. 18. Вилла. 19. Серенада. 20. Милая. 21. Аллея. 22. Ромео. 23. Пляс. 25. Пикник. 27. Сказка. 28. Очарование. 29. Письмо. 30. Шедевр. 34. Объяснение. 35. Темп. 37. Поле. 38. Лесть. 39. Тоска. 40. Луна. 41. Рука.

По вертикали:

1. Сюрприз. 2. Цветок. 3. Каприз. 4. Корзина. 9. Астра. 10. Идеал. 11. Свидание. 13. Скамейка. 14. Елка. 15. Успех. 16. Каток. 17. Кино. 23. Парк. 24. Стан. 26. Кольцо. 27. Сердце. 29. Поцелуй. 31. Разлука. 32. Зять. 33. Жест. 36. План. 37. Пара.

Манекен: — Караул, одевают!

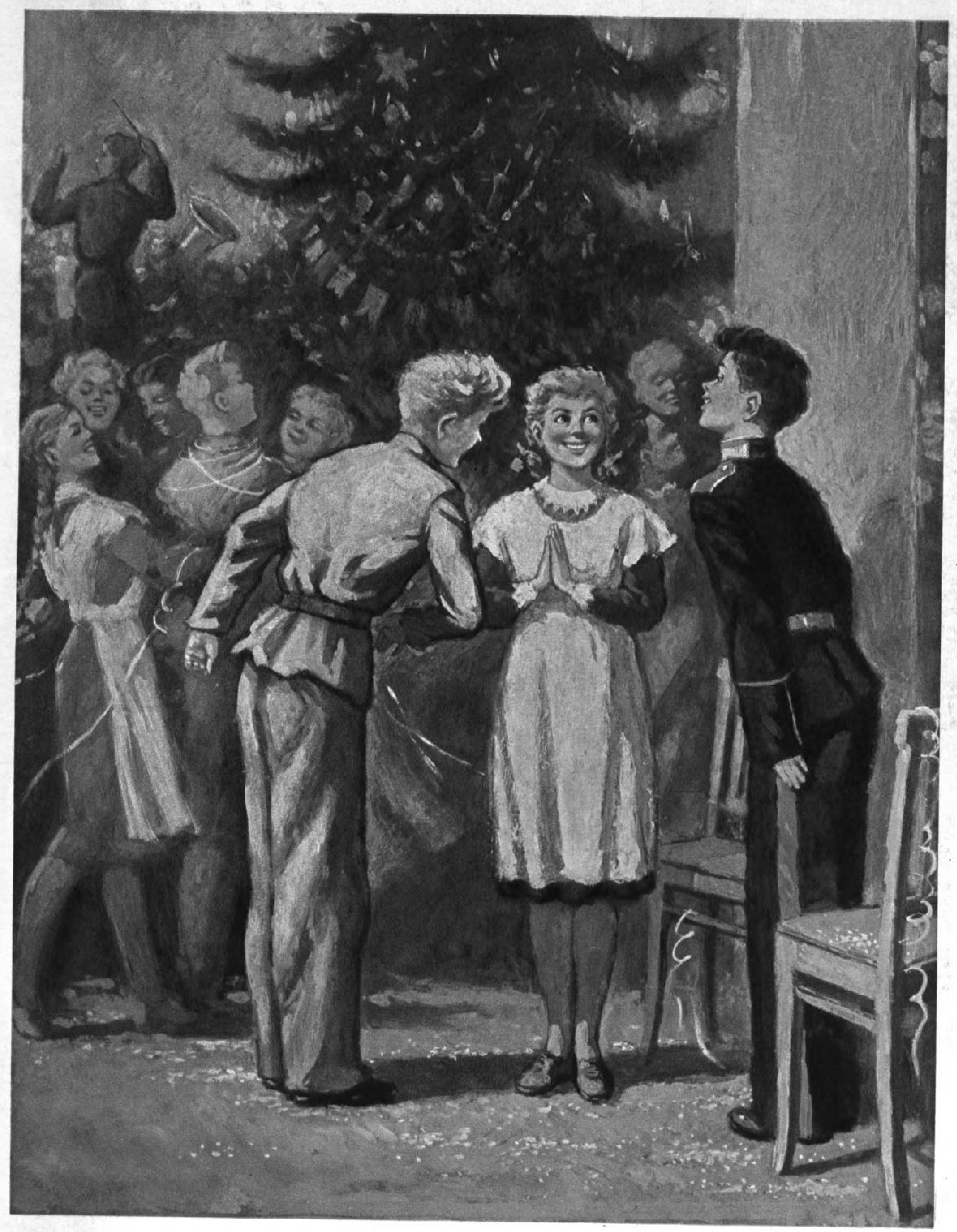
Рисунок Л. Самойлова. Рига.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07234. Подп. к печ. 4/I 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 69. Заказ № 3428. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Б. Резанов. ТРУДНАЯ ЗАДАЧА.

Цена номера 3 руб.

